

Власть -
Имущество -
Человек -

KONSTANTINE KHARCHENKO

К. В. ХАРЧЕНКО

**POWER -
PROPERTY -
HUMAN:**

THE PROPERTY REDISTRIBUTION IN BOLSHEVIK RUSSIA
1917 – EARLY 1921

RUSSKIY DVOR
Moscow
2000

**Власть –
Имущество –
Человек:**

передел собственности в большевистской России
1917 – начала 1921 гг.

Русский двор
Москва
2000

УДК 930:001.92
ББК 63.3(2)6
X 22

Рецензент:

кандидат философских наук, доцент А.И. Стернин

Харченко К.В.

X 22 Власть – Имущество – Человек: передел собственности в большевистской России 1917 – начала 1921 гг. – М.: Русский двор, 2000. – 264 с.

ISBN 5-88752-022-1

Рассматривается типология и динамика актов изъятия частновладельческого имущества, производимых большевистской властью в период с ноября 1917 по март 1921 г. Проанализирован механизм огосударствления земли, предприятий, жилых помещений, продовольствия, денежных средств и личных вещей. Совокупность конфискационных мероприятий большевиков впервые показана как единый целенаправленный процесс, сделана попытка определить предпосылки, факторы, закономерности и последствия его протекания. Также в фокусе внимания автора – отношение граждан к различным сторонам процесса изъятия имущества.

Для историков, краеведов, всех, интересующихся историей послеоктябрьской России.

ББК 63.3(2)6

© К.В. Харченко, 2000

© Оформление, издательство "Русский двор", 2000

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Структура работы	7
Источниковая база	14
Анализ использованной литературы	16
ГЛАВА 1. СОБСТВЕННОСТЬ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В РОССИЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ	
§ 1. Собственность как онтологическая и гносеологическая проблема	23
§ 2. Российский вариант представлений о собственности ..	27
§ 3. Радикализация массового сознания в предреволюционный период	34
§ 4. Трансформация радикализованных представлений в революционные действия	37
ГЛАВА 2. ИЗЪЯТИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УГОДИЙ	47
ГЛАВА 3. ИЗЪЯТИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ ..	73
ГЛАВА 4. ИЗЪЯТИЕ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ	101
ГЛАВА 5. ИЗЪЯТИЕ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ	123
ГЛАВА 6. ИЗЪЯТИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ	147
ГЛАВА 7. ИЗЪЯТИЕ ЛИЧНОГО ИМУЩЕСТВА	185
ГЛАВА 8. КОНФИСКАЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КАК ОСНОВА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ.....	219
§ 1. Принципы советского права как залог непрочности имущественных отношений	220
§ 2. "С кулака снимем три пиджака". Попытка подчинения социальной системы политике конфискаций	226
§ 3. Доминирующая позиция государства как следствие конфискационной политики	233
БИБЛИОГРАФИЯ.....	241
СПИСОК ИМОВ.....	257
SUMMARY.....	258

ISBN 5-88752-022-1

ВВЕДЕНИЕ

Структура работы

Автор выражает искреннюю благодарность всем, кто оказал содействие в ходе работы над изучаемой проблемой.

За бескорыстную помощь в деле поиска источников – составление ответов на тематические запросы – мы глубоко признательны директору ГАЯО *Р.Ф. Борисенкову*, директору ГАИО *Л.Н. Лисицыной*, директору ГАРО *Т.П. Синельниковой*, директору ГАПО *Т.А. Евневич*, директору ГАКострО *Н.И. Соловьеву*, заместителям начальника подразделения УФСБ по Республике Карелия *С. Авдееву* и *В. Власову*, а также всем сотрудникам этих учреждений, непосредственно участвовавшим в подготовке архивных справок.

Огромное спасибо за создание благоприятных условий для работы с документами, а также за готовность дать совет в ходе поиска необходимых источников хочется сказать заведующим читальных залов тех архивов, которые посчастливилось посетить, и прежде всего Почетному архивисту РФ *Людмиле Васильевне Горбачевой* (ГАБО).

Искренняя благодарность кандидату исторических наук, доценту *Елене Юрьевне Прокофьевой* за ряд ценных и полезных советов.

Сердечное спасибо нашему глубокоуважаемому рецензенту кандидату философских наук, доценту *Абраму Осиповичу Стернину*.

Моя особая признательность – главе администрации Белгородской области *Евгению Степановичу Савченко*, без поддержки которого эта книга не увидела бы свет.

Взаимоотношения лиц, наделенных и не наделенных публичной властью, по поводу реализации права собственности – одна из важнейших и интереснейших проблем для специалистов, какую бы эпоху они ни рассматривали. Действительно, в большинстве концепций общественного развития, включая марксизм, этому вещному праву отводится приоритетная роль. Имущественные отношения, будучи обусловлены характером политического режима, в свою очередь оказывают существенное влияние на темпы социогосударственной эволюции.

Применительно к российской истории обозначенная закономерность проявляется, пожалуй, в наибольшей степени в ходе исследования такого аспекта проблемы собственности, как процесс изъятия частновладельческого имущества, энергично проводившийся в Советской Республике с ноября 1917 по март 1921 гг.

Этот масштабный процесс стал поворотной точкой в судьбе России XX века. Анализ конфискационных мероприятий большевиков проливает свет на особенности исторического пути России как в прошлом, когда формировались и модифицировались народные представления о собственности, так и в настоящий момент, когда отголоски имущественных катаклизмов все еще дают о себе знать.

В **первой главе** показывается, что оценка, даваемая институту собственности как таковому, в силу самой его природы не может быть однозначной. Затем на примере российского исторического процесса определяются факторы, сочетание которых обусловило специфику взгляда наших предков на допустимые рамки вмешательства властей в сферу имущественных отношений.

Представления о собственности в российском национальном сознании анализируются как на стадии формирования, так и в период общественного кризиса, который обозначился в канун революции 1905 г. и достиг своего апогея в результате неудач Первой мировой

войны. Мы стараемся доказать, что в начале XX в. в массовом сознании отсутствовало понятие о взаимосвязи между стабильностью общества – предпосылкой высоких темпов социального прогресса – и принципом неизбежности права собственности. Далее рассматривается факт перехода радикализированных установок сознания в деструктивные акции (разгром помещичьих усадеб), и объясняется, почему программные установки партии большевиков нашли поддержку в среде люмпенов.

В последующих **шести главах** монографии анализируется процесс изъятия и распределения частновладельческого имущества, который после прихода большевиков к власти принял форму государственной политики и активно осуществлялся вплоть до поворота к нэпу (марте 1921 г.).

В отличие от других исследований по истории Октябрьской революции, передел разнородных на первый взгляд видов имущества, как недвижимого, так и движимого, изучается нами как целостное историческое явление. По единой схеме проанализировано изъятие и распределение шести основных видов имущества, таких, как 1) **земельные наделы**, 2) **предприятия**, 3) **жилые помещения**; 4) **продукты питания**, 5) **денежные средства** и 6) **личные вещи**.

Критерий, положенный в основу очередности описания перечисленных объектов, – степень общественной санкционированности их изъятия. В послереволюционный период начался стремительный процесс перемены представлений о том, какими предметами допустимо владеть единолично, а какие должны незамедлительно превратиться в “народное достояние”.

Обоснование первой акции в этом ряду – отмены частной собственности на землю – большевики отыскивали в необходимости удовлетворить вековые чаяния народа. Следующий шаг – всеобщая национализация *предприятий* – стал возможным только в конце изучаемого периода. Попытка же власти установить верховное право на жилье до конца не удалась, так как люмпенские массы испытывали неприязнь не к собственности вообще, а только к собственности “эксплуататоров”. Что же касается движимого имущества, то изъятие *продовольствия* с самого начала революции обосновывалось позитивной целью не допустить массового голода, в то время как для того, чтобы власть овладела абсолютным правом по своему усмотрению распоряжаться *денежными средствами* и предметами *личного пользования* граждан, ей пришлось постепенно внедрять новую мораль, иное понятие о справедливости и о долге перед государством.

В ходе исследования процесса изъятия имущества были использованы преимущественно структурный и сравнительно-аналитический методы, а также метод поиска генетических связей. Раскрыть восприятие “человеком революции” имущественных катаклизмов позволяет частичное использование метода лингвистического анализа документов. Именно благодаря языку, как указывает лингвист Н.А. Купина, идеология внедряется в общественное сознание и функционирует¹.

При изучении имущественных мероприятий большевиков в качестве отправной точки был определен факт отчуждения какого-либо предмета у конкретного лица, произведенный во внесудебном порядке. Классификация множества подобных микрособытий по хронологическому и структурному принципам позволила выявить причинно-следственные связи между рассматриваемыми явлениями и другие немаловажные закономерности.

Географические рамки исследования были продиктованы привлеченной источниковой базой. Использование материалов местных государственных учреждений не преследовало цели воссоздать ход локальной истории – прошлого уездных городов, поселков и сел. Задача заключалась в том, чтобы определить, насколько уникальными или же типичными были упоминаемые факты в макроистории страны, как они согласовывались с общим движением исторического процесса.

Каждая из шести глав начинается с вводных замечаний, указывающих, почему данный вид имущества стал объектом устремлений большевистской власти. Механизм изъятия материальных объектов в каждой главе анализируется по следующим параметрам:

1) Правовая база реквизиций и конфискаций. Понятие о нормативно-правовых актах Совета народных комиссаров, ВЦИКа, Наркоматов и подобных учреждений отражает взгляд на процесс изъятия имущества из системы отсчета, связанной с центральной большевистской властью. В соответствующих подпунктах устанавливается инициатор того или иного конфискационного мероприятия, а приводимые в отдельных случаях подзаконные акты губернских и уездных административных структур, равно как и описываемые далее реальные имущественные мероприятия, позволяют проследить, насколько действия местных властей шли вразрез с директивами Центра и вместе с тем насколько они соответствовали государственным интересам.

2) Уполномоченные структуры. Среди таковых выделяются органы с универсальными полномочиями (ревкомы, исполнительные комитеты), а также учреждения, которые создавались специально для этой цели (например, совнархозы, квартирные комиссии, комбеды). Изъятие имущества на местах могло производиться и другими государственными учреждениями: право на реквизиции и конфискации параллельно присвоили себе армейские части, ВЧК и милиция. Проанализирован объем полномочий отдельных структур.

3) Мотивы и ход изъятия имущества. Современная психологическая наука определяет мотив как побуждение к деятельности, связанное с удовлетворением потребностей субъектов². В исследованных документах содержатся как прямые, так и косвенные указания на то, чем руководствовались государственные служащие, производя очередной акт конфискации имущества. Заметим, что большей ценностью обладает не мотивировка, т.е. объяснение поступка самим субъектом, а контекст источника, если он содержит дополнительные данные.

Градации мотивов, так же, как и видов изымаемого имущества, в рамках каждой главы строятся в соответствии с процессом возрастания степени общественной санкционированности на проведение мер по изъятию имущества. Главными мотивами выступали пресечение правонарушений, насущная потребность в каких-либо предметах со стороны государственных структур, а также пополнение материальных ресурсов государства как самоцель.

Форма повествования о мотивах и ходе конфискационных мероприятий варьируется в соответствии со спецификой того или иного вида имущества. В реальных же условиях (на конкретных пространственно-временных участках) наблюдается *параллельное* действие множества разнородных факторов, из-за чего на линии истории невозможно найти отрезки, когда тот или иной мотив срабатывал обособленно. Точная периодизация проведения таких-то конфискационных мероприятий по таким-то побуждениям если и возможна, то отсчет времени в любом случае следует начинать с момента установления в данном населенном пункте советской власти. Именно поэтому мы ограничиваемся лишь относительными выводами о том, когда и под воздействием каких обстоятельств одни мотивы сменялись другими.

В рамках анализа мотивов конфискации определенного вида имущества дается характеристика методов, которые использовали представители власти, чтобы заставить население отдать требуемые вещи.

Предполагается проверить утверждение, что при изъятии движимого имущества увеличение степени нажима на собственника путем дополнительных штрафов, применения вооруженной силы и т.д. не было пропорционально результативности этих мер.

4) Пути распределения имущества. Далее в каждой из соответствующих глав освещается судьба изъятых вещей, которые могли, во-первых, остаться в ведении государственных структур, во-вторых, быть переданными беднейшему населению и, в-третьих, вновь оказаться в собственности бывшего владельца. Рассмотрение этого вопроса показывает, насколько различались цели конфискационных мероприятий, декларируемые большевиками и осуществляемые на практике.

5) Отношение граждан к конфискационным мероприятиям. Исследование анатомии передела собственности в большевистской России важный, но не единственный этап работы. Со времен школы "Анналов" историческая наука все чаще задумывается над вопросом, что есть история с позиции человека. Задача заключается в том, чтобы проследить изучаемое явление по двум диалектически взаимосвязанным характеристикам бытия и сознания "делателей истории". Процесс восприятия передела собственности показан, во-первых, с позиции лиц, причастных к осуществлению актов конфискаций, во-вторых, с позиций тех, кому была уготована роль пострадавших, и, в-третьих, с позиций граждан, кому доставалось отобранное имущество.

Каждую "срединную" главу подытоживает обобщение характерных черт данной составляющей процесса передела собственности. Определяется место рассмотренных реквизиционных акций в общем потоке изъятия имущества, после чего кратко упоминается об отголосках этого процесса в последующие периоды истории.

Итак, в настоящей работе разнородные виды имущества в плане их конфискации в 1917-1921 гг. подведены под общий знаменатель. В схему описания исторических фактов вошли и такие известные акции большевиков, как социализация земли, национализация предприятий и банков, продразверстка. Избранный подход обусловлен стремлением доказать, что акты изъятия крупной и мелкой собственности не только не имели принципиальных различий, но были генетически друг с другом связаны.

В **восьмой**, заключительной, главе монографии на основе интегрированного рассматривания конфискационных мероприятий

анализируются два фактора, под воздействием которых борьба против частной собственности приняла невиданный размах. Это (1) правовая система, приспособленная под текущие политические нужды, и (2) социальная структура, также подвергшаяся трансформации и деформации. В определенном смысле это были столпы, на которых держалось дело изъятия имущества. Став атрибутами большевистского режима, они оказывали существенное воздействие на приведение в движение лавины реквизиций и конфискаций. Результатом такой политики стало небывалое усиление могущества государственной власти.

Таким образом, очерченная структура работы позволяет высветить основную гипотезу, которую мы пытаемся доказать на документальном материале: весь массив конфискационных мероприятий конца 1917 – начала 1921 гг. был зримым выражением процесса нивелирования прав человека на все принадлежащее ему имущество.

Исследователи, изучающие первые послеоктябрьские годы, неуклонно настаивают на важности употребления термина “военный коммунизм”, под которым понимается сумма чрезвычайных мер, принимаемых большевистским правительством в период с лета 1918 по март 1921 гг. Однако избранный нами подход к проблеме изъятия имущества – изучение общегосударственного процесса на региональном уровне – настоятельно требует отказаться от излишней эксплуатации данного понятия. Конфискационные меры определялись не столько внешними условиями, сколько были внутренне присущи большевизму. Убедительным представляется высказывание о том, что “гражданская война... облегчала большевикам дело тотального переустройства общества”³. Нивелирование прав граждан на различные виды материальных объектов в первые годы послеоктябрьского режима происходило *непрерывно*, возрастая по экспоненте. Обострение исторической обстановки само по себе не влекло за собой коренных изменений в протекании данного процесса. О том, что драма внешних обстоятельств являлась поводом, а не причиной чрезвычайных мер, свидетельствует, во-первых, пример *ограниченного* использования элементов командно-административной системы рядом вояющих держав в 1914–1917 гг., при котором базовые устои имущественных отношений не затрагивались. Во-вторых, с большевистской точкой зрения на этот вопрос не согласуется факт непомерного ужесточения режима Советской Республики (национализация кустарных предпри-

ятий, большой нажим на сельскохозяйственного производителя, продолжение экспроприации состоятельных граждан) в 1920 г., когда военная опасность отодвинулась на второй план. Отказ правительства Ленина от внедрения в жизненную практику коммунистических принципов был обусловлен не окончанием войны, а угрозой потери власти.

Период первых послеоктябрьских лет знаменателен тем, что на него приходится экстремум кривой интенсивности социальных процессов, которая “в эти годы.. была особенно зримой и очевидной”⁴. Современник описываемых событий профессор А.М. Ладженский отмечал: “Нам довелось попасть в лабораторию и в анатомический театр обществоведения. Сорваны наружные покровы социальной жизни, и мускулы, нервы и кровеносные сосуды общества обнажились перед взором наблюдателя”⁵. Отрицание традиционных устоев бытия сопровождалось мучительным поиском более приемлемых форм организации человеческого общежития.

Социалистический уклад, который усиленно пытались внедрить большевики, в своем практическом воплощении в 1917–1921 гг. представляется конгломератом эпох. Зинаида Гиппиус в 1918 г. записала в блокноте: “Индия? Евреи в Египте? Негры в Америке? Сколько веков до Р. Хр.? Кто – мы? Где – мы? Когда – мы?”⁶ Согласно теории К.М. Кантора, послеоктябрьский период являл собой частный случай в рамках антиисторической эпохи, так как в XX в. было положено начало регенерации режимов, существовавших до Исторического XIX в. Так, всю Европу охватила полоса фашизма в слабой или сильной форме, христианство сменилось языческой идеологией и практикой, появился Освенцим и ГУЛАГ⁷. В кризисные моменты истории крайне обостряется воздействие на общество негативных факторов, которые в потенциальном виде сохранялись с давних времен, не играя прежде столь деструктивной роли. Большевистская партия, поставленная историей во главе “патриархального рода”, подобно старейшинам стала определять, каким имуществом могут обладать индивиды и в каких пределах могут быть гарантированы их права.

Говоря о революционной эпохе, сделаем еще одно существенное для нас уточнение. Конфискацию имущества в период гражданской войны осуществляли оба враждующих лагеря. Белогвардейские отряды, занимая какой-либо населенный пункт, требовали от местных жителей сдавать скот, сельскохозяйственные орудия, хлебные запасы, деньги; при этом изъятие имущества шло тем интенсивнее, чем

менее белогвардейский административный аппарат был уверен в прочности своих позиций. Не случайно население оккупированных территорий склонялось на сторону большевиков, считая их гарантами восстановления мирной жизни и сохранности личного имущества. Барон А.А. фон Лампе, пытаясь отыскать причины неудач белого движения, указывал на парадоксальный факт: "Когда уходили красные – население с удовольствием констатировало, что у него осталось... Когда уходили белые – население со злобой высчитывало, что у него взяли"⁸.

Возникает вопрос: допустимо ли в настоящей работе акцентировать внимание на актах конфискации, производимых большевиками, если их противники предпринимали аналогичные действия? Положительный ответ обусловлен принципиальными различиями в конечной цели этих сходных по существу конфискационных мероприятий. Дело в том, что белогвардейские генералы *не стремились уничтожить само право собственности*, вследствие чего у жителей оккупированных территорий отсутствовали преграды для восполнения утраченных запасов. Думается, не будет ошибочным утверждение, что если из всего потока конфискации, обрушившихся на российского обывателя, вычесть те их разновидности, которые были тождественными в условиях режимов большевиков и их противников, то разность как раз и будут представлять собой действия советских учреждений, обусловленные реализацией идеологических целей.

Источниковая база

Исследование началось с нескольких интересных документов, встретившихся при первом же посещении Государственного архива Белгородской области. В дальнейшем оказалось, что в составе фондов уездных исполкомов и революционных комитетов, отделов управления и (в меньшей степени) рабоче-крестьянской инспекции материалы, так или иначе связанные с актами конфискации имущества, занимают немалый удельный вес. Документальные источники ГАБО, а также ВОЦДНИ определили пространственные рамки работы. Типология и динамика процесса изъятия имущества отслеживается главным образом на примере событий и явлений, происходивших на уровне следующих административно-территориальных образований, которые ныне входят в состав Белгородской области:

Курская губерния: Белгородский уезд,
 Грайворонский уезд,
 Корочанский уезд,

Новооскольский уезд,
часть Обоянского уезда,
Старооскольский уезд,

Воронежская губерния: Алексеевский уезд,
 Валуйский уезд.

Особенностью данного региона было высокоразвитое сельское хозяйство при практически полном отсутствии крупной промышленности⁹. Власть большевиков установилась здесь в период с конца 1917 по февраль 1918 гг. С 8 апреля по 20 декабря 1918 г. на территории Белгородчины велись затяжные бои с немцами и гайдамаками. Через несколько месяцев после отступления этих войск на Украину данная территория оказалась оккупированной отрядами Добровольческой армии. Деникинская администрация существовала в Белгороде с 25 июня по 7 декабря 1919 г., в Новом Осколе – с 11 июня по 24 октября 1919 гг.

Отдельные положения иллюстрируются фактами из истории других административно-территориальных единиц России. Автору удалось побывать в восьми иногородних архивохранилищах: РГАЭ (г. Москва), ГАКО, АФОО (г. Курск), ГАВО, ЦДНИВО (г. Воронеж), ГАТО (г. Тверь), ГАКК (г. Краснодар), ГАН (г. Новороссийск). Также предпринимались попытки почерпнуть информацию путем тематических запросов, в результате чего в нашем распоряжении оказалось некоторое количество копий документов, хранящихся в государственных архивах Ярославской, Костромской, Ивановской, Пензенской и Рязанской областей, а также в Архиве УФСБ Республики Карелия.

Источниковая база, насчитывающая порядка тысячи единиц, представляет собой документы служебного и личного происхождения. К первому типу относятся протоколы заседаний исполнительных комитетов, ревкомов, уездных ЧК и подведомственных структур, а также приказы, циркуляры, отчеты, деловая переписка, протоколы обысков и пр. Основную массу документов второго типа составляют обращения граждан в органы местной администрации: заявления, прошения, жалобы. Кроме того, в ГАКО удалось обнаружить небольшое количество меморандумов почтовой цензуры, в которых содержатся отрывки из **личных писем**.

Восприятие гражданами имущественных катаклизмов также исследовалось по опубликованным дневникам и воспоминаниям современников, среди которых: Бунин И.А. Окаянные дни. – М., Современник, 1991. – 255 с.; Сайн-Витгенштейн Е.Н. Дневник. 1914-1918. – Paris: YMCA-Press, 1986. – 302 с.; Автобиографические за-

писки сибирского крестьянина В.А. Плотникова: Публикация и исследование текста / Подготовка текста, исследование и комментарий Б.И. Осипова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. – 176 с.; Дневник Тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906–1922 гг. / Публ. В.В. Морозов, Н.И. Решетников. – М., 1995. – 255 с.

Насколько достаточны собранные материалы для исследования процесса изъятия частновладельческого имущества? К сожалению, мы не имеем точных данных о всех реквизициях и конфискациях на определенной территории за определенный временной промежуток, особенно в отношении движимого имущества. Более того, можно предположить, что изымалось гораздо больше вещей, нежели было зафиксировано в документах. Вряд ли выполнима также задача суммировать все конфискационные мероприятия, затронувшие какую-либо конкретную семью (иногда документы, относящиеся к экспроприации одного и того же лица, могут находиться в разных делах, а то и фондах). В силу указанных обстоятельств метод количественного анализа на данном этапе исследования не используется. В то же время избранный прием работы с источниками – представление их не как абстрактных величин, а как материалов, отразивших детали исторического процесса и логику рассуждений современников описываемых событий, – может, на наш взгляд, дать не менее любопытные результаты.

Анализ использованной литературы

Изученную в ходе работы над проблемой литературу можно подразделить на следующие основные типы.

1. Обобщающие труды по истории Октябрьской революции, а также России XX в. в целом. Характеристика первых послеоктябрьских лет содержится в исследованиях целого ряда историков, как отечественных, например, И.И. Минца (М., 1977)¹⁰, Г.А. Трукана (М., 1994) и др., так и зарубежных. Последние в большей степени склонны к расширению хронологических рамок проблемы. Так, известны капитальные исследования Э. Карра, который обуславливал действия большевиков исторической необходимостью, и Р. Пайпса, считавшего, что большевистская власть во имя строительства социалистического общества была в состоянии идти против течения, проводя национализацию предприятий и пресекая свободную торговлю. Из непереведенных англоязычных работ отметим монографии следующих авторов:

а) McAuley M. (Oxford, 1992) – в частности, высказывает утверждение, что расколу российского общества способствовала не только смена власти, но также тотальная поломка систем, через которые правители воздействуют на общество; впоследствии большевики усилили водораздел между социальными слоями (Р.12, 28);

б) Ponton G. (Oxford, Cambridge, 1994) – упоминая о превалировании “апокалиптической революционной ментальности” в дооктябрьской России, констатирует, что идея отвержения значимости индивидуальных ценностей была привлекательной для части интеллигенции (Р.20);

в) Ragsdale H. (N.Y., L., 1996) уделяет внимание становлению авторитарной российской государственности, сводившей к минимуму возможность людей влиять на их собственную судьбу (Р.xiv). В главе, освещающей период 1917–1928 гг., Ragsdale утверждает, что отдельные положения теории Маркса были изначально присущи русской культуре; это учение, на взгляд автора, являлось интеллектуальным эликсиром интеллигенции, секуляризованной церковью, к алтарю которой надлежало поднести кровавые жертвы (Р.180);

г) Service R. (Cambridge, 1992) характеризует цели большевиков, определяет степень соучастия масс в проводимых властью социальных реформах;

д) Siegelbaum L.-H. (Cambridge, 1992) анализирует положение рабочих, крестьян и интеллигенции в период большевистской диктатуры.

2. Работы, посвященные военному коммунизму как целостному историческому явлению. Военный коммунизм уже долгое время привлекает внимание исследователей, которые стремятся философски осмыслить происходившие в Советской России 1918–1920 гг. процессы, и показать исторические явления в пределах этой понятийной оболочки. Отметим работы С.А. Павлюченкова (М., 1997), предлагающего современную трактовку социальных аспектов большевистской политики; Н.С. Присяжного (Ростов н/Д, 1994), предпринявшего анализ экономической системы на примере деятельности одного ведомства, Silvana Malle (Cambridge, 1985).

3. Работы, в которых освещены отдельные стороны процесса изъятия имущества. По национализации предприятий существует довольно мощный пласт исследований советских историков и правоведов. Признание советской идеологией закономерности и законности установления монополии государства на предпринимательскую инициа-

тиву предопределило появление монографий и статей, подробно раскрывающих исторический процесс и морфологию национализации. Отметим работы А.В. Венедиктова (Л., 1957), Н.Н. Разумовича (М., 1959), Л.Е. Анкудиновой (М., 1963), В.З. Дробижева (М., 1976). В последнее десятилетие истории национализации уделяется меньше внимания, однако возрос интерес исследователей к ее неизученным аспектам, например, судьбе кустарных предприятий. См. монографию В.В. Коновалова (Новосибирск, 1995).

Процесс национализации земли отражен, в частности, в исследовании Е. Кочетовской (М., 1952).

Среди немногочисленных работ по жилищному вопросу выделяется изданная в 1920 г. брошюра Д.В. Кузовкова.

В ряду исследователей, изучающих продовольственную политику советской власти, отметим современных историков В.М. Андреева (М., 1997) и Lars T. Lih'a (1986). В работе Lih'a продрозверстка оценивается как результат эксперимента, состоящего в том, чтобы усилить государственную хлебную монополию средствами продовольственной диктатуры.

Характеристика финансовой политики большевиков дана в брошюрах и статьях современников революции: А. Потяева, Г. Сокольников, Н.В. Крестинского, Е. Преображенского, М. Альского, Рыбинцева, С.Т. Кистенева, Н.А. Добросмыслова. В позднейшей историографии эта проблема детально разрабатывалась В.П. Дьяченко (М., 1978).

4. Литература, раскрывающая роль различных государственных учреждений в процессе изъятия имущества. Структура и деятельность центральных советских учреждений отражена в монографиях М.П. Ирошникова (Л., 1967) и Е.Г. Гимпельсона (М., 1998). Роль ревкомов в системе государственного аппарата раскрывается в работе Н.Ф. Бугая (М., 1990).

5. Правоведческая литература. Профессор А.М. Ладженский, выпустивший в 1919 г. в занятом денкинскими войсками Ростове-на-Дону брошюру "Большевики и право", считал пренебрежение идеей права корнем многих несчастий (с.3). На иных позициях стояли советские правоведы Д.И. Курский, П. Стучка, И.Е. Фарбер, А.А. Плотноцкий, И.А. Емельянова.

Изменения, произошедшие после Октября в области различных видов права, с позиции советской юридической науки показаны в капитальном труде: Д.М. Генкин, И.Б. Новицкий, Н.В. Рабинович. История советского государства и права. – М., 1949. – 544 с.

Современная юридическая наука реабилитирует идею неприкосновенности вещных прав. Заслуживает внимания работа В.С. Нерсеянца (М., 1996). Раскрывая сущность понятия "частная собственность", автор показывает, что отрицание социализмом формально-правового равенства – атрибута гражданского общества – не создает и в принципе не может создать какого-либо другого, неправового равенства (с.80).

6. Исследования психологического аспекта проблемы изъятия имущества. Среди монографий советского времени глубиной исследовательского подхода отличается издание: Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В. Особенности психологии крестьянства (прошлое и настоящее). – М.: Наука, 1983. – 168 с. Несомненную ценность представляют собой сборники материалов всероссийских научных конференций "Революция и человек: Социально-психологический аспект" (М., 1996) и "Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль" (М., 1997) под редакцией П.В. Волобуева, в которых предлагаются новые подходы к данной проблематике, разработанные такими известными отечественными историками, как В.П. Булдаков, В.В. Журавлев, В.В. Кабанов, В.В. Канищев, Л.А. Обухов. Проблема менталитета и обусловленного им политического поведения крестьян затрагивается, в частности, в статьях О.Ю. Яхшияна и С.В. Ярова. Влияние природно-климатических факторов на русское национальное сознание детально анализирует Л.В. Миллов (М., 1998). Результаты исследования особенностей сознания наших соотечественников опубликованы в книге "Ментальность россиян" (М., 1997). Вопрос о сущности социальной истории – перспективного направления современной науки – затрагивается в монографии Л. Холмса. (Пер. с англ.; Ростов-н/Д, 1994).

7. Философское осмысление проблемы собственности содержится в трудах русских мыслителей Б.Н. Чичерина, В.Ф. Эрна, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, С.А. Аскольдова, И.А. Ильина и др. В дореволюционный период философами высказывались опасения по поводу возможных манипуляций с правом собственности, отмечалась разница социалистического и христианского понимания путей достижения равенства и справедливости. В сочинениях послеоктябрьского периода заметно стремление осмыслить причины постигшей Россию социальной катастрофы.

Из современных исследований по проблеме собственности выделим докторскую диссертацию Л.Н. Захаровой (Тюмень, 1998) и кандидатскую диссертацию И.А. Латыпова (Екатеринбург, 1998).

История отдельных большевистских мероприятий в отношении права собственности начала разрабатываться их непосредственными свидетелями и участниками. Отдельные книги, изданные в большевистской России 1918 – начале 1920-х гг., поражают правдивостью описания фактов и прямотой выводов (например, изданная в 1921 г. брошюра М.И. Ладиса “Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией”). Причина появлявшегося в печати восхваления жестокостей, равно как и правдивого описания отдельных недостатков деятельности советских учреждений, лежит в том, что партия в данный период еще не дала однозначной трактовки истории Октября, хотя тенденция к идеологизации действий большевиков уже проявлялась, что можно почувствовать, изучая книгу М. Альского о советских финансах (М., 1925).

Со второй половины 1920-х гг. начинается новый этап советской историографии, для которого характерно полное соответствие авторских выводов официальной трактовке событий и явлений, обход исследователями запретных тем, а подчас и сознательное искажение исторических фактов. Вместе с тем нельзя отрицать вклада советских историков в изучение процесса изъятия имущества, которыми был выявлен и проанализирован богатый исторический материал.

Девяностые годы XX в., несмотря на ухудшение состояния российской экономики, дали исторической науке второе дыхание. Благодаря открытию свободного доступа исследователей в государственные архивы и спецхраны библиотек в настоящее время появилась возможность вырабатывать новые подходы к уже поставленным проблемам и искать иные, некогда закрытые области знания.

Таким образом, даже беглое рассмотрение истории вопроса показывает, насколько обширна проблема собственности сама по себе и вместе с тем насколько серьезное внимание уделяется отдельным ее аспектам.

Примечания (введение)

¹ Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург – Пермь: Изд-во УрГУ; ЗУУНЦ, 1995. – С.7.

² Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – С. 219.

³ Бриль Г.Г. Генезис социального конфликта в России (1917- начало 30-х гг.). – Кострома, Изд-во КГТУ, 1998. – С.49.

⁴ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. – М.: РОССПЭН, 1997. – С.3.

⁵ Ладыженский А.М. Большевики и право. – Ростов н/Д, 1919. – С.20.

⁶ Гиппиус З. Серый блокнот // Под созвездием топора: Петроград 1917 года – знакомый и незнакомый. – М.: Советская Россия, 1991. – С.390.

⁷ Кантор К.М. Дезинтегративно-интегративная спираль всемирной истории // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С.43.

⁸ Лампе А.А. Причины неудачи вооруженного выступления белых. – М.: студия “ТРИТЭ”, 1991. – С.29.

⁹ См. об этом: Прокофьева Е.Ю. Становление и развитие промышленного потенциала южных районов Центрального Черноземья в предвоенные годы // Технологии гуманитарного поиска. Сборник статей. – Белгород: Изд-во Белгородск. гос. ун-та, 2000.

ГЛАВА 1. СОБСТВЕННОСТЬ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В РОССИЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

§ 1. СОБСТВЕННОСТЬ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В большинстве концепций происхождения собственности в качестве решающей силы, позволившей разворачиваться этому процессу, выделяется либо общество, либо государство. Одни теоретики склонны были считать действия ранних социумов насильственными (теория оккупации, борьбы и соглашения Гоббса), другие же полагали, что в основе возникновения собственности лежало добровольное соглашение (по теории социальной функции собственность есть "обществом препорученная данность"). Адольф Вагнер (1835–1917) выдвинул теорию легального происхождения собственности, отдавая предпочтение правовому фактору. Марксистская концепция, подходя к этому вопросу с экономической точки зрения, генезис собственности связывала с ростом прибавочного продукта и выделением малых семей в соседскую общину, в условиях которой наряду с коллективной собственностью на пастбища, леса, луга начали пробиваться ростки индивидуального владения усадебными, а порой и пахотными землями¹.

Другой подход к проблеме базируется на концепциях, авторы которых пытаются искать "источник собственности" более глубоко, считая стремление к обладанию вещами врожденным человеческим качеством². В структуре самосознания индивида была выделена категория материального "Я" наряду с "Я" физическим, социальным и духовным. Так, французский философ начала XIX в. Дестюльт-де-Траси утверждал, что собственность есть потребность человеческой природы, что материальной основой желаний, прав и обязанностей человека являются вещи, которыми он обладает³. На сходных позициях стоял американский мыслитель Уильям Джеймс (1842–1910), рассматривавший личность человека как сумму всего того, что он может назвать своим⁴. Человеку необходимо вкладывать жизнь в мир вещей, – утверждал И.А. Ильин в середине XX в.⁵

Социалисты же, равно как и впоследствии советские психологи, напротив, ставили отношение человека к собственности на второй план, доказывая, что можно считать своим не только личное имущество, но также общественно-полезное дело, в которое индивид вкладывает свой труд и которому посвящает свою жизнь.

Признание чувства собственности слагаемым человеческой природы означает абсурдность попыток уничтожить вещное право. Не меньшую легитимность институту собственности придают и современные концепции, авторы которых считают его явлением культуры, выражением морали, экономики, права. Стало уже азбучной истиной, что "собственность возникла как естественная потребность человека, ибо без нее он просто не мог существовать, адаптироваться к природе, взаимодействовать с ней"⁶.

Итак, если в ходе генезиса собственности огромную роль сыграли "личностно-психологический" и культурный факторы, то дальнейшее развитие этого права было опосредовано и ускорено государственной властью. Власть была призвана обеспечивать безопасность и материальное благосостояние человека в обмен на периодическую отдачу подданными части производимого ими имущества. В большинстве политических систем правители, пользуясь силовыми методами руководства, не допускали существования на их территории "отчужденных" материальных объектов, не осознавая пользы от гарантии владельческих прав, хотя исторический процесс доказывал ее очевидность.

Согласно исследованиям Жака Пиренна, первым примером цивилизации, в основе которой лежала индивидуальная, неприкосновенная и полностью зависимая от владельца собственность, служит Египет III династии. В данный период государство процветало, а когда при правителях V династии основы прочных имущественных отношений были поколеблены и на тысячелетия утвердилась система "государственного социализма", египетская цивилизация стала клониться к упадку⁷.

Классическим примером государства, в котором право собственности было выражено в законченной форме и где долгое время процесс его оформления оставался необратимым, стал Древний Рим. В противоположность спартамцам, допускавшим и даже поощрявшим воровство, в Римской империи оформился могущественный класс, владеющий землей и рабами, который нуждался в утверждении принципа неприкосновенности имущества. Сонаправленными являлись также интересы купцов⁸.

Первые упоминания о защите частного имущества содержались в Законах XII таблиц, созданных в середине в. V до н.э. Это положило начало поступательному процессу укрепления прав владельца в отношении его имущества, результатом чего стало абстрагирование разнообразных вещных прав, и прежде всего права владения, в прочный институт собственности, что нашло окончательное закрепление в кодексе Юстиниана (VI в.). Римская традиция выработала понимание собственности как права, свободного от ограничений и абсолютного по своей защите⁹.

Возникшей на развалинах Римской империи западноевропейской цивилизации потребовалось пройти не менее длительный путь до окончательного признания абсолютной ценности прочных владельческих прав. При этом неизбежны были отклонения, но, как оказалось впоследствии, замедляя темп развития, они не поворачивая его вспять.

Характер отношений собственности оказался тесно взаимосвязанным с характером политического режима. Современный исследователь А.Х. Бурганов утверждает, что рабовладельческая, феодальная, буржуазная диктатура имела шанс на развитие демократии внутри господствующего класса, ибо собственники по природе своей нуждаются в равноправных отношениях друг с другом. Наемные же работники, наоборот, испытывают потребность в дисциплине, диктатуре объединяющего их лица¹⁰. Там, где могущественная государственная власть давила на общество, ограничивая индивидуальные права и практикуя формы условного владения, у основной массы народа чувство собственности оказывалось подавленным и переставало быть приоритетной ценностью.

Приблизительно со второй половины XVIII в. – эпохи французских просветителей – ряд философов, обращая внимание на недостатки действующего социально-экономического строя, начинают усматривать причину пороков общества в самом существовании права частной собственности. Заветной мечтой мыслителей социалистического толка становится построение справедливого общества, причем сглаживания поразительных контрастов в материальном положении социальных слоев предполагалось достичь путем ликвидации собственности вообще. "Собственность, – заявлял Франсуа Буассель, – причина всех бед человеческого общества. Она дала возможность собственникам поработить не-собственников, превратить их в своих рабов". Известно более категоричное высказывание П.-Ж. Прудона "Собственность – это кража", выражающее намек на незаконность приобретения имуществом классом крупных объектов недвижимости.

В ответ на критику частной собственности отдельные философы решительно встали на ее защиту. В качестве главных аргументов выдвигалась естественность этого права, неизбежность его возникновения и эволюции. Так, русский философ Б.Н. Чичерин считал прочность собственности потребностью гражданского быта¹¹. Его соотечественник и младший современник В.Ф. Эрн в несколько абстрактной форме выдвинул утверждение, что собственность есть крупнейший факт человеческой жизни, определяющий формирование всех человеческих отношений¹². В более конкретизированном виде эту мысль выразил Ф.А. Хайек: институт собственности изначально представляет собой постоянно развивающийся продукт обычая¹³.

Защищая частную собственность, философы не могли не упускать из поля зрения вызываемые ею издержки, но даже признав противоречивость абсолютного права на имущество, они считали недопустимым ни оправдывать его, ни опровергать. Более или менее устойчивый социальный мир, основанный на компромиссе между трудящимися и собственниками средств производства, казался мыслителям гораздо полезнее для общества, нежели проведенное в одночасье восстановление якобы утраченной справедливости. Кроме того, нерушимость прав на частные владения ассоциировалась с наблюдаемыми при данном условии более интенсивными темпами прогресса.

Таким образом, частная собственность сама по себе даже в настоящее время соответствует характеристике *nudum ius*. Содержание в него вкладывает специфика конкретной цивилизации в конкретную эпоху, причем образующийся "продукт" приобретает одновременно и негативные, и позитивные черты.

В настоящее время оптимальной моделью имущественных отношений признается многообразие форм собственности, призванное преодолеть отчужденность значимых для общества материальных объектов. А.Х. Бурганов утверждает, что динамичное движение общества определяется *движением собственности*, вызываемым конкуренцией в самом классе собственников. Такой подход подчеркивает опасность процесса монополизации¹⁴.

В целом можно считать, что в настоящий момент мировое сообщество признало единственно верным эволюционный путь решения проблем, связанных с негативной стороной права собственности. Стало очевидным, что обязательным условием реформаторской деятельности на этом поприще должна являться социальная стабиль-

ность.

Такая позиция принимается и современным российским обществом. Так, исследователи признают вещную собственность "материальной основой существования человека в обществе"¹⁵, хотя тревожно, что время от времени все еще раздаются чреватые новыми социальными катаклизмами призывы подвергнуть радикальному пересмотру права владельцев крупной собственности. По всей видимости, наиболее оптимально сейчас сохранение позиции *status quo*, так как даже на теоретическом уровне проблема собственности еще далека от своего разрешения.

§ 2. РОССИЙСКИЙ ВАРИАНТ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОБСТВЕННОСТИ

Одна и может быть главная причина нашей революции – это запаздывание в развитии принципа индивидуальности, а следовательно, и сознания собственности и потребности гражданственности, в том числе и гражданской свободы.

С.Ю. Витте

Экспроприаторские действия радикально настроенной части населения весной-осенью 1917 г., равно как и их эскалация после прихода большевиков к власти, были бы немислимы, не имея они достаточных предпосылок в сознании современников революции. Вызванный Первой мировой войной общенациональный кризис – объективное обстоятельство – повлек за собой процесс маргинализации общества. В результате сознание деклассированных элементов лишилось наслоений непродолжительного периода цивилизованности, позволяя развернуться тем способам поведения, которые были характерны для стадии дикости и варварства. Немалую деструктивную роль в кризисную эпоху одновременно сыграли и обнаженные ментальные установки, причем даже свойственные им позитивные начала могли выступать тогда в самом неожиданном ракурсе. Ключевые факторы, под воздействием которых были заложены основы представлений о собственности, это: 1) природные условия; 2) форма социальной организации основной массы населения; 3) государственность; 4) религия как важнейший элемент духовной культуры. Драматичность исторической судьбы России была обусловлена тем, что сильные отпечатки, оставленные в массовом сознании под непреодолимым давлением внешней среды, даже если мешали развиваться обществу, оставались ему внутренне присущими.

Влияние **природных условий** на складывание отношения к собственности выражалось в следующем.

Контрастный климат средней полосы России имел следствием нерациональное распределение рабочего времени крестьян. Летом трудовой день земледельца мог продолжаться 14-15 часов (за вычетом поездок, перемещений в поле – 10-11 часов); зимой же для поддержания своего хозяйства крестьянину было достаточно всего двух часов¹⁶. Хроническая сезонная безработица во многом определяла двоякое отношение индивида к трудовой деятельности, параллельно закладывая как возможность длительных авралов, так и столь же продолжительное безделье.

Средняя полоса России находится в зоне рискованного земледелия. На протяжении веков сельскохозяйственный производитель, будучи бессильным противостоять климатическим условиям, оказывался не в состоянии контролировать ход производственного процесса¹⁷. Такой порядок вещей в начале каждого сезона сельскохозяйственных работ ставил крестьянина перед дилеммой: переключаться ли на усердную трудовую деятельность или же продолжать зимний образ жизни. Конструктивное начало требовало энтузиазма и полной самоотдачи, деструктивное же, уповая на сомнительность достойного вознаграждения, выражалось в нежелании вкладывать дополнительные трудовые усилия, совершенствовать методы ведения сельского хозяйства. Так, слабое соответствие между вложенным трудом и получаемой материальной выгодой порождало скептическую жизненную позицию: "От трудов праведных не наживешь палат каменных", "Не хвались сумою – кому что Бог даст".

В тесной связи с отношением к труду находились соответствующие природным условиям представления земледельцев о том, кто из них и в какой степени имеет право на обладание природными богатствами и результатами своих усилий.

Категорически не принималась крестьянами индивидуальная собственность на пашню и угодья. Так, самовольные порубки деревьев в казенном или помещичьем лесу не расценивались как нечто предосудительное: господствовала убежденность в том, что леса "никем не секутся и не садятся, а созданы на общую потребу"¹⁸. Стабилизирующая функция прочных имущественных прав при этом, однако, не учитывалась.

Основная масса крестьянства негативно относилась к слою зажиточных хозяев, считая его существование досадной диспропорцией.

Нельзя отрицать, что отдельные представители этой немногочисленной в России социальной группы могли пользоваться уважением за их трудолюбие, предопределившее более достойный жребий¹⁹, однако такая позиция не сыграла в конечном итоге решающей роли. Более живучим оказалось чувство ненависти к "кулакам", которое имело значительную социальную базу отнюдь не только в среде тех, кто вынужден был продавать своим односельчанам собственную рабочую силу.

Непредсказуемость размера урожая, относительная его независимость от вложенного труда имела следствием убеждение неудачливых крестьян о необходимости делить урожай поровну, так как почти каждый из них считал свой труд, пусть даже безрезультатный, заслуживающим справедливого воздаяния. Члены земледельческого коллектива пытались связать крупную индивидуальную собственность с правом на обладание ею. Как замечал Глеб Успенский, крестьянин "ожесточится и со злобою будет взирать на такое богатство соседа, которое он, во-первых, не может понять и которое, во-вторых, вырастает вопреки его мирозерцанию"²⁰.

Все же силы, поддерживающие общественный порядок: народные традиции и государственные законы – долгое время препятствовали практической реализации представлений крестьян о собственности, возникших под влиянием фактора природной среды. Правда, этот фактор задавал лишь исходные постулаты, которые не могли бы развиваться без сонаправленного действия иных сил.

Взгляд русских крестьян на собственность во многом определялся формой организации земледельческих коллективов – **общинной**. Выделим следующие характерные черты, присущие крестьянскому миру:

1. **Внутренняя замкнутость**. Крестьянское бытие, порождающее нехитрые потребности, казалось самодостаточным и в материальном, и в духовном отношении. Община была направлена на вековое воспроизводство одних и тех же ценностей, вследствие чего в традиционной обстановке она казалась неподверженной влиянию извне. Следствием внутренней замкнутости стала ксенофобия, выражавшаяся в резком противопоставлении "свой" – "чужой". Интровертная направленность общины являлась цементирующим раствором всех других принципов.

2. **Коллективизм**. Общинное землепользование предполагало единообразие методов ведения сельского хозяйства и синхронность полевых работ (В силу этих обстоятельств в XVIII в. не был повсеместно осуществлен переход от трехпольного к многопольному севообороту).

Все важные проблемы крестьянский мир решал сообща; размер подати, приходящийся на каждого домохозяина, зависел от его состоятельности.

Защищая своих членов от разорения, община требовала воздаяния: личная воля должна была полностью подчиняться интересам коллектива. Получалось, что, ведя хозяйство по установленным правилам, крестьянин освобождался от индивидуальной ответственности за результаты своего труда. Более того, крестьянский мир имел преимущественное право распоряжаться недвижимостью своих членов. По решению схода могли забираться даже покупные крестьянские земли. "И это, – подытоживает О.Ю. Яхшиян, – воспринималось как должное, что вряд ли было бы возможно без соответствующей санкции крестьянской ментальности"²¹.

Коллективизм порождал *соборность* – исконное качество национального характера и принцип народной жизни. Соборность предполагала веру во взаимное согласие, чувство взаимного долга. С одной стороны, эти качества несли глубокий позитивный потенциал, но, с другой, были "самой неуловимой и ненадежной из всех возможных цивилизационных основ"²². Высокие нравственные устои могли быть действительными только в стабильной замкнутой системе.

3. Патернализм. Принцип коллективизма предполагал единое руководящее начало, наличие верховного авторитета, в пользу которого индивиды должны были отказаться от части своих прав. Патернализм предполагал надежду на помощь "сверху", а то и "свыше", что было чревато иждивенческой психологией.

4. Уравнительность. Ведение хозяйства, основанное на равнозначных принципах, предполагало получение равных результатов труда, однако природные условия, как уже отмечалось, препятствовали реализации данной установки. Идея уравнительности непосредственно воплощалась в регулярных переделах земли, что составляло ее "материальное воплощение". Духовные же ее истоки лежали в соответствующих представлениях о добре и справедливости. Однако то, что эти представления, будучи противопоставлены принципу неприкосновенности частной собственности, не связывались с законностью и правом²³, было чревато утратой в земледельце чувства хозяина и придавало национальному характеру некоторую безответственность²⁴.

Устойчивость общинных традиций была обусловлена их соответствием **государственному интересу**. По мере роста могущества Московского государства великие князья неуклонно стремились присво-

ить себе роль верховных собственников. В середине XVII в. апогеем идеи сверхгосударства стало Соборное уложение 1649 г. В частности, в разделе "Суд о крестьянах", устанавливавшем право бессрочного сыска беглых крестьян, было подробно расписано, как поступать с имуществом, нажитом вдали от родной деревни, в плане его конфискации. Большую значимость имело ущемление прав наследственных землевладельцев.

Деятельность Петра Великого придала абсолютистским тенденциям необратимый характер. Этому способствовало произведенное в 1714 г. уравнение в правах поместья и вотчины, а также стирание статусных различий между холопами и крепостными крестьянами²⁵.

О неприятии российской государственной властью полновесного права частной собственности говорит тот факт, что в правовом отношении элементарной ячейкой общества испокон веку считался не отдельный человек, физическое лицо, а микрообъединение – семья или двор²⁶. Государство склонно было консервировать общинные традиции, так как они не препятствовали интеграции населения в лоно абсолютизма и крепостничества. Более того, сельские общества оказывали властям немалую помощь в деле сбора налогов и надзора за крестьянскими семьями.

Несмотря на то, что российские правители лишали индивида верховных прав на обладание имуществом, в условиях массовой необразованности такая утрата практически не ощущалась. Наоборот, общество было склонно поддерживать государственную власть, которую считало силой, способной не только обеспечить территориальную безопасность, но и предотвратить экономическое и культурное отставание²⁷. Одним из результатов усилий государства стало расширение объемов сельскохозяйственного производства, что достигалось как с помощью административно-правового вмешательства в хозяйственные процессы, так и через непосредственное в них участие²⁸.

В отличие от стран Запада, в России накопление крупных богатств достигалось не борьбой за права индивидов, а путем смирения, подчинения воле правительства²⁹.

Результатом авторитарной позиции власти по отношению к товаропроизводителю стало, с одной стороны, представление о тягловом предназначении собственности, восприятие ее как средства, с помощью которого могут быть исполнены обязанности перед государством³⁰; с другой стороны, правительственный аппарат воспринимался в качестве силы, способной волевым актом улучшить условия существо-

вания. В то же время возможность правящей элиты пользоваться широким набором материальных благ разрывала связь между трудом, распределением и потреблением: распределение обуславливалось не степенью вложенных усилий, но положением данного индивида в системе власти⁴¹.

Итак, в Российской империи отношения власти-подчинения всегда довлели над отношениями купли-продажи⁴². Государство, присвоившее себе роль не только экономического, но и идейного локомотива общества, по всей видимости, слишком переоценивало свои возможности и не желало учить подданных самостоятельно решать проблемы, не предлагая им для этого необходимого арсенала в виде защищенной от произвола властей частной собственности. Однако расчет государственной власти на извечную стабильность себя не оправдал.

Наконец, характер представлений о собственности определялся основным содержанием духовной жизни общества – **православной верой**, которая в России имела на редкость высокий авторитет. Оценка права индивида единолично обладать вещами попадала под воздействие следующей обозначенной в Евангелие сентенции: «Смотрите, берегитесь любостыжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения» (Лк 12:15). Опасение оказаться в роли безумного богача (Лк 12:16–21), равно как и постулат о невозможности с одинаковым усердием служить Богу и мамоне (Мтф 6:24), разделялось подавляющим большинством населения. В то же время довлеющие внешние силы не позволили сформироваться важной для материального прогресса внутренней идее: индивидуальный высокопроизводительный труд во имя личного блага уже сам по себе служит благополучию общества. Кстати, принятие этого положения не означало бы искоренения актов взаимопомощи; более того, те же случаи отдачи просящему той или иной вещи служили бы общей пользе, но никак не разорению экономически крепких хозяев.

Н.А. Бердяев указывал: «Христианство, церковь не есть сам Бог, не есть сам Христос, хотя в них действует Бог, действует Христос. Христианство есть человеческая история. Христианство, христианское человечество проходило через все соблазны, соблазны мира сего, прикрывавшиеся священным»⁴³.

Тому, как носители цивилизации адаптировали христианское учение применительно к конкретным условиям существования, – а иной вариант его восприятия попросту невозможен, – свидетельством

служат некоторые русские пословицы⁴⁴. Судя по столь ценному источнику, представления о богатстве базировались на такой установке, как греховность стяжания: *В аду не быть – богатства не нажить; Богатому черти деньги кукут*. Сложность процесса накопления богатства вкупе с убеждением в том, что это занятие не соответствует христианским нормам, порождали недоброжелательное, а порой и враждебное отношение к владельцам крупных богатств. Отсюда представление о порочности этой социальной группы: *Богатство спеси сродно; Не от скудости (убожества) скупость пошла – от богатства*. Фольклор сохранил также исключительно резкие высказывания, потенциально опасные в силу нормозакрепляющего характера самого жанра пословиц и поговорок: *У богатого богатыни пива-меду много, да с камнем бы его в воду*. Кстати, отношение к собственному богатству было при этом несколько иным: *Денежка не Бог, а бережет; После Бога деньги первые*.

Как видим, искаженная интерпретация частью населения христианских норм была чревата серьезными последствиями.

Таким образом, стабильность жизненного уклада русских крестьян, основанная на высоких нравственных устоях, но не приемлющая правового начала, могла поддерживаться только в условиях извечной замкнутости. Между тем последовавшее после отмены крепостного права бурное развитие капитализма уже вносило дисбаланс в традиционную социальную систему. На первом этапе русский капитализм проявлял больше отрицательных, чем положительных черт, вследствие чего прогрессивная роль нового общественного строя изначально не была осознана большинством населения. Путь к индустриальному обществу поначалу не предполагал наличия у всех его членов потенциальных возможностей накопления. Весь образ жизни крестьянства в России существенно препятствовал укоренению в национальном сознании западного понятия частной собственности⁴⁵. Для основной массы населения право частной собственности было весьма абстрактным⁴⁶. Бытие индивида подчинялось интересам патриархальной семьи, общины, государства.

Несмотря на препятствия объективного характера, внедрение в толщу народного сознания правового, индивидуалистического импульса в принципе было возможным и даже начинало проявляться, однако в российском обществе не нашлось той силы, которая смогла бы придать этому процессу необратимый характер.

§ 3. РАДИКАЛИЗАЦИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Срединное, буферное положение России между двумя типами цивилизаций – западной и восточной – делало ее ареной столкновения противоположных начал: цивилизованности и варварства, демократии и диктатуры, индивидуализма и коллективизма. В результате кажущиеся несопоставимыми принципы общественного устройства беспорядочно смешивались, и такое одновременное проявление противоположных тенденций значительно замедляло социальный прогресс.

С первых же лет XX в. сознание передовой части российского общества, а затем и народных масс, начали одолевать кризисные тенденции³⁷. В подобную историческую эпоху традиционные ценностные ориентиры начинают ставиться под сомнение, взвешиваться и рассматриваться под новым углом зрения. Кстати, в переводе с греческого слово “кризис” означает “суд”. Колебание маятника между максимумами позитивных и негативных черт национального характера усиливается, причем первые из них могут проявляться в побуждениях, вторые же – в попытках их практического воплощения. “Смысл революции, – пишет В.П. Булдаков, – практичнее начинать постигать не с того, как высоко способен воспарить человек в своих социальных мечтах, а как низко он может пасть, предаваясь им”³⁸.

Прежде всего пересмотру подверглось отношение к существующей форме правления. Так как власть оказывалась неспособной к самостоятельной модернизации, общество утрачивало веру в спасительность самодержавия, видя в нем отживший политический институт. С критикой такого одностороннего подхода выступил М.О. Гершензон в сборнике “Вехи”: “За всю грязь и неурядицу личной и общественной жизни вину несло самодержавие – личность признавалась безответственной. Это была очень удобная вера, вполне отвечавшая одной из неискоренимых черт человеческой природы – умственной и нравственной лени”³⁹. Негативную роль государственного патернализма также не следует отрицать. То, что общество издавна не было допускаемо к созидательной деятельности, толкало социально-активные элементы на путь разрушения. В.А. Шкуратов утверждает: “Чем меньше возможностей у общества удовлетворить созданные им самим и природой потребности, тем шире манипуляция сознанием, разрыв

между идеальным и реальным, распространение эрзац-потребностей, защитных механизмов, сферы индивидуального и коллективного иррационального”⁴⁰.

Другая характерная черта периода конца XIX – начала XX вв. – падение в массах авторитета православной церкви, по сути означавшее общий кризис мировоззрения. Интеллигенция охотно поддавалась проникающему с Запада атеизму; увядала и народная религиозность, не находя подпитки извне. Официальная церковь оказывалась не в состоянии повернуть ситуацию в другое русло и не предпринимала достаточной активности, будучи, к тому же, тесно сопряженной с консервативным самодержавным строем. В итоге заметно снизился процент населения, регулярно посещающего храмы и соблюдающего христианские предписания, не говоря уже об усердном следовании нравственной стороне религии. “Вера становилась лишь долгом и традицией, молитва – холодным обрядом по привычке”, – с горечью констатировал митрополит Вениамин Федченков⁴¹.

Мыслитель С.А. Аскольдов отмечал: “Русская душа, как и всякая, трехсоставна и имеет своеобразное сочетание своих трех основных частей. В составе же всякой души есть начало святое, специфически человеческое и звериное”. В сознании россиян начала XX в. по причине низкой образованности основной их массы среднее звено было слишком слабым⁴², что имело следствием обнажение негативных ментальных черт. Эпохе, породившей революцию 1905 г., а затем Февраль и Октябрь, был свойственен отход социальных отношений от цивилизационных основ⁴³. По словам S. Malle, инерция ментальных установок стала сильнее желаний инноваций⁴⁴.

Полярность как свойство сознания, дающая индивиду инструментарий противоположных способов поведения, позволяла манипулировать ими (даже непроизвольно) в зависимости от внешних условий, а в период общественного кризиса выбор лемпов падал почти исключительно на отрицательные максимы.

Любопытна постановка вопроса: имела ли моральная деградация части российского общества объективный характер или же она всегда определялась сознательным нравственным выбором индивида? По мнению В.П. Булдакова, “революцию можно и нужно рассматривать как особое состояние психики и ментальности больших масс людей”⁴⁵. Попытки медицинского исследования сознания, одержимого революционными идеями, предпринимались еще современниками описываемых событий. Так, психиатр И.С. Герман ставил проблему со-

отношения между революционизированной средой и увеличением количества случаев душевных заболеваний⁴⁶. Зависимость роста радикальных настроений от обострения полового вопроса в тот же период показана в монографии Лоры Энгельштейн⁴⁷. Как говорилось в одном рассказе Н. Тэффи, "в русской революции гораздо больше психоза, чем политики, неврастения, чем экономики, и вообще истерии, чем истории"⁴⁸.

Возбужденное психическое состояние современников революции оборачивалось возрастанием случаев девиантного поведения. Низкий уровень нравственности в среде революционной молодежи критиковал в сборнике "Интеллигенция в России" А.С. Изгоев. Свидетельством кризиса человеческого сознания предреволюционного периода был небывалый доселе рост преступности. Так, с 1899 по 1908 гг. число краж, грабежей увеличивалось в два раза быстрее роста населения; число преступлений, связанных с нанесением телесных повреждений, обгоняло темпы роста населения в семь раз; в два раза возросло в начале XX в. число убийств⁴⁹.

А.Н. Зориков полагает, что причиной увеличения частоты антисоциальных деяний было то, что массовое сознание даже среди уголовных преступников подчас видело жертв ненавистного политического режима⁵⁰. Заметим, что криминальным элементам изначально чужда производственная деятельность, тем самым они укрепляли собою лагерь противников частной собственности.

Рост преступности был частным случаем глобального явления, характерного для многих цивилизаций в кризисные периоды их развития. Речь идет о гипертрофированном выражении *личного интереса*. Нарушение в предреволюционные годы равновесного состояния "духовной" и "материальной" частей человеческого сознания приводило к тому, что корыстное его начало приобретало рельефные, выпуклые формы⁵¹. Согласно утверждению G. Ponton'a, привлекательность идеи революции в первую очередь была обусловлена прагматическим аспектом: ее адепты рассчитывали в короткий срок поправить свое материальное положение, которое заметно пошатнулось за годы мировой войны⁵². Все же, как нам еще предстоит показать, установка на личное обогащение крестьян в массовых деструктивных акциях не была преобладающей, уступая место коллективному бессознательному началу.

В годы Первой мировой войны, непосредственно предшествующие революционным потрясениям, социально-активным (и социально-опасным!) слоем сделались солдаты. Армия, готовая в лице

воинов ударную силу, избавляла их от заботы о поиске материальных средств. Такое обстоятельство оказалось чреватым негативными последствиями. Как замечал П.Н. Малянтович, "солдат привыкает к паразитивному существованию. Ничего не создавая, существуя только для разрушения, солдат привыкает потреблять то, что заготовлено чужой заботой и чужим трудом, привыкает требовать этого"⁵³. В стабильной обстановке "человек с ружьем" оставался относительно безопасным существующему режиму, так как разрушительная активность армии имела направленность исключительно вовне. Революция же давала центростремительный выход всей гамме разрушительных человеческих чувств. Именно поэтому после прихода большевиков к власти навыки реквизиций продовольствия и обмундирования, практикуемых военными подразделениями в условиях боевой обстановки, оказывались на редкость полезными для развертывания масштабных конфискационных мероприятий.

Таким образом, накануне революционного сдвига 1917 г. массовое сознание находилось в стадии сильного возбуждения. Для придания ему кинетической энергии было достаточно малейшего толчка извне. А поскольку в такой ситуации повышается склонность человеческого разума к восприятию стереотипизированной информации и способность критически мыслить отходит на второй план, активная часть общества выражала готовность реагировать скорее на те призывы, которые звучали более громко и навязчиво, нежели на те, которые были исполнены здравого смысла. Взрыва социального динамита не пришлось долго ждать.

§ 4. ТРАНСФОРМАЦИЯ РАДИКАЛИЗИРОВАННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Февральская революция началась стихийно; такой же характер имели и последовавшие за ней погромы помещичьих усадеб. Тем не менее нравственное начало в народном сознании не было полностью исчерпано, и при определенных обстоятельствах вспышка активности люмпенов могла не иметь серьезных последствий. Однако в российском обществе нашлась политическая сила, которая оказалась способной исполнять роль "генератора нетерпения масс"⁵⁴ во имя достижения своих целей.

Еще в 1906 г. В.И. Ленин, участвуя в обсуждении проекта аграрной реформы на IV съезде РСДРП(б), внес предложение: "Мы долж-

ны ставить лозунг конфискации. Для осуществления его мы должны звать крестьян к захвату⁶⁵. Успех инициативе большевиков принесло то, что самочинным захватам крестьянами помещичьих земель они подыскали весомое моральное оправдание. Лозунг "экспроприации экспроприаторов", который в 1918 г. Ленин истолковал в доступной народу форме: "Грабь награбленное"⁶⁶, превращал антисоциальные действия – массовые грабежи – в акт справедливого возмездия. Такой словесный маневр, придав конфискациям имущества у помещиков оправданный и потому необратимый характер, по существу преодолел дальнейший ход российской истории.

Попытка практической реализации коммунистических принципов была обусловлена не только сложной ситуацией, в которой оказалось российское общество осенью 1917 г., но и более глубокими предпосылками. Н.А. Бердяев справедливо считал, что коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа. По мнению философа, большевизм "воспользовался свойствами русской души, во всем противоположной секуляризованному буржуазному обществу, ее религиозностью, ее догматизмом и максимализмом, ее исканием социальной правды и царства Божьего на земле, ее способностью к жертвам и к терпеливому несению страданий, но также к проявлению грубости и жестокости"⁶⁷. Добавим к этому перечню и унаследованную от общинной психологии идею пользования материальными благами согласно вложенному труду, сочетающуюся с принципом уравнительности. Крестьяне мечтали установить царство справедливости, однако другая ментальная черта – патернализм, принуждала к поиску силы, которая помогла бы это сделать, в результате чего осенью 1917 г. народные массы полностью доверились большевикам.

Положительный полюс русского характера большевики сумели использовать для культивации беспредельной любви к своей партии (а после Октября – и для лояльного отношения граждан к просчетам в экономике), отрицательный же оказался полезен в целях разжигания массовой ненависти к тем, кто в данный момент являлся врагами большевистской партии.

Укоренение социализма на русской почве произошло не в последнюю очередь вследствие кажущегося сходства его постулатов с христианской идеей. Общность отдельных сторон этих двух учений была подмечена рядом русских мыслителей второй половины XIX – начала XX вв. Так, известно высказывание Ф.М. Достоевского "Христиан-

ство – это наш русский социализм". С.Т. Аксаков называл Евангелие социалистической доктриной, М.В. Буташевич-Петрашевский считал Христа первым социалистом. Вл. Соловьев выразил свою точку зрения более осторожно: "Социализм иногда изъясняет притязание осуществлять новую мораль"⁶⁸. Даже в послеоктябрьский период отдельные философы, такие, как Г.П. Федотов, мечтали создать идеал христиански приемлемого социализма, веря в возможность сближения дела Бога и человека⁶⁹.

Более близким к истине представляется изречение А.С. Изгоева: "Социализм – это христианство без Бога". Дело в том, что интеллигенция, а за нею и народные массы, совершенно не придавали значения разнице между теми, к кому были адресованы воззвания социалистов, и теми, к кому были обращены слова Христа из Нагорной проповеди. Приверженцы революционной морали сначала мысленно, а в периоды 1905–1907 и 1917 – начала 1918 гг. и на практике пытались выполнять функцию Бога-судьи, призванного, чтобы наказать собственников крупных богатств. В итоге, как замечает С.А. Аскольдов, психология, связанная с добровольной отдачей и благодарным получением, обернулась "дьявольскими способами поравнения", когда участники погромов барских усадеб во имя самоутверждения брали больше, чем следует, и несправедливо мстили⁶⁰. Таким образом, принцип относительности, действующий в области механики, оказался чреватым серьезными негативными последствиями при использовании его применительно к нравственным установкам.

Психологию крестьян, участвующих в грабежах помещичьих имений, попытаемся проанализировать на основе писем-воспоминаний в "Крестьянскую газету", изданных в 1927 г.⁶¹

Многие современные исследователи относятся к этому источнику с подозрением, сомневаясь в достоверности содержащейся в нем информации. Действительно, существует вероятность того, что крестьянин, отвечая на вопросник, врученный ему селькором – представителем государства, не всегда правдиво излагал свое восприятие минувших событий. Кроме того, за десятилетие большевистской власти закладываемые пропагандой стереотипы не могли не деформировать реальной исторической памяти. Тем не менее знакомство с содержанием этого сборника развеяло наши первоначальные сомнения в его пригодности в качестве ценного источника информации: отдельные фрагменты крестьянских воспоминаний оказались более чем искренними.

Накануне пятидесятилетия Октябрьской революции вышло в свет новое издание писем в "Крестьянскую газету"⁶². Однако те из них, которые содержались в предыдущем сборнике, переизданию не подлежали. Опубликованные же письма, насколько можно судить по их "причесанному" стилю, содержат в себе весомый элемент редакторской правки, снижающий научную ценность публикации.

Деформация традиционной установки сознания об органичности и неизменности окружающего мира якобы открыла крестьянам глаза "на все зло", порожаемое социальным, а также имущественным неравенством. Многие крестьянские письма начинались с описания хозяйств крупных землевладельцев:

"До 1917 года около нашего земельного крестьянского надела в несколько сот десятин плохой загаженной земли было расположено много тысяч десятин самой наилучшей земли, лугов и леса бывших помещиков" (с.20);

"Каждую деревню роши дубовые окружают, а принадлежат-то они не мужикам, как бы этому должно быть, а [помещикам] Уставникову с Щербаковым" (с.17).

Такие фрагменты писем с отголосками идеи уравнительности свиводятся к стремлению оправдать захваты земель и усадеб.

Говоря о времени, предшествующем волнению весны 1917 г., крестьяне с досадой упоминали о препятствиях, не дававших развернуться их активности.

"Не раз ложился он [батрак] спать голодный, и всякие-то мысли в его голове родились, а черные думы боялся думать. Отец Николай крошечным адом страшит, за помыслы о господском добре. Так и засыпал мужик со страхом, что за одни только помыслы господь может покарать" (с.39-40).

Кроме наказания, обещанного отцом Николаем, крестьяне прибегали и к помощи материальных сил, от которых можно было ожидать возмездия за бесчинства.

Разграбив имение, крестьянство с трепетом ждало кары. Имущество попрятали, кто куда. Но, к счастью, это дело было около Октября и так и прошло безнаказанно (с.41).

К сожалению, новая мораль не предполагала идеи всеобщего блага, и "счастье" для одних оборачивалось горькой утратой для других. Австрийско-американский психолог и социолог В. Райх высказывает предположение, что стремление масс к социализму не в последнюю очередь побуждалось страхом перед ответственностью⁶³. И тем с большим облегчением воспринимали люмпенские слои деревни крушение Российской империи. После того как самодержавие было свергнуто, боязнь правосудия сменилась грандиозной уверенностью маргиналов, готовых посягнуть на помещичью собственность, в правоте устремлений.

"Как только наступит время пахать, так и поедем без разговора, как вот на траву [на покос]. Там же и землю разделим. Спашем: вы нам теперь ничего не сделаете", - говорили крестьяне села Телиновка Самарской губернии в апреле 1917 года (с.22).

Разрушительные действия крестьян были начаты после определенного перелома в их сознании, который - такова уж черта национального характера! - в массовом варианте был бы невозможен без воздействия внешней силы. В качестве детонатора оказывались, как правило, посещавшие деревню рабочие-агитаторы, а также солдаты, которые возвращались с фронта.

В письме жителя Самарской губернии Лысова содержится рассказ о коллективной порубке частновладельческого леса:

Солдат, возвращающийся с фронта, проезжал через рошу и встретил там своих односельчан, которые заготавливали дрова. На призыв солдата поддержать партию большевиков крестьяне в знак одобрения ответили: "Вот, видишь, лес рубим!" Агитатор их поддержал: "Хорошо вот делаете, что рубите лес" (с.23).

Пропаганда большевистских идей могла вестись через письма с фронта, в которых иногда встречались исключительно резкие сентенции: земля должна быть безвозмездно передана народу, "а тех, кто будет идти против нового закона, перегнем и побьем, хотя мне пришлось бы, не пощадил бы и своих родных"⁷⁴.

Побудительной силой для крестьян, желавших приступить к переделу собственности, но не имевших соображений о том, с чего начать, могла оказаться "агитация примером".

Земледельцы местечка Тьврово (Западная Украина), узнав однажды, что "все народное", поначалу не поверили пропагандистам. "Но когда проходившие войска... начали брать из экономики, что им нравилось, тогда крестьяне поверили прибывшим солдатам" (с.14-15).

Действовать по аналогии крестьянам было психологически легче, так как самостоятельная "творческая активность" (вспомним афоризм М.А. Бакунина: "Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!") усиливала бы в их среде страх перед ответственностью.

Любопытно, что участники массовых грабежей нередко пытались согласовать свои действия с велениями совести, определяемыми религиозными нормами - отсюда обряд молитвы перед "трудным делом" и заявления, что поступать именно так внушали Бог и ангелы.

Характерной чертой погромов имений было участие в них большого числа крестьян. Коллективизм служил теперь средством не созидания (совместная обработка земли, постройка домов и пр.), а разрушения.

"И вот повалили все на экономию, - заможники и незаможники, и середняки" (с.15);

"Участие богатых крестьян в разгроме еще больше поддавало охоты беднякам громить помещиков" (с.37).

"Из уезда сообщают, что крестьяне берут земли у помещиков путем захвата. Бывают случаи, что крестьяне, не желающие принять участие в аграрных беспорядках, привлекаются насильно, ибо в случае отказа каждый из них подвергается штрафу в размере 5 рублей"⁶⁵, - сообщал в Петроград комиссар г. Гомеля А. Жилин.

Жертвами деструктивных акций выступали не одни помещики, но также хуторяне. "Те крестьяне, которые вышли в свое время на отруб, чувствовали себя неладно, так как им крестьяне мешали вести свое хозяйство" (с.36). Весомую роль в экспроприации отколовшихся от общины "товарищей по классу" играли не только натянутые отношения между богатыми и бедными, но и противопоставление "свой" - "чужой", основанное не в последнюю очередь на суеверии.

Советские авторы, оценивая грабежи помещичьих хозяйств, вину за содеянное возлагали на зажиточных крестьян. По мнению этой группы исследователей, тот, кто имел некоторое количество лошадей и телег, мог в большей мере воспользоваться имуществом, которое ему досталось⁶⁶. Практическая польза от приобретаемой крестьянами земли и инвентаря при этом не являлась единственным мотивом участия масс в деструктивных акциях. Многие действовали ради эмоциональной разрядки, желая дать выход анархической энергии. Житель новгородской деревни И.Я. Окунев вспоминает:

"Было много и смеху с этими вещами. Один крестьянин дер[евни] Кашира В. Дмитриев принес громадное зеркало, которое не вошло в его хижину, он поставил его на двор, а любопытная корова, увидев свое отражение, приняла его за другую корову и вздумала подраться и разбила вдребезги ценное зеркало" (с.41). Похожий факт приводит также белорусский крестьянин М.А. Короткевич (с.44).

Показанные примеры того, как крестьяне распоряжались барским добром, заставляют вспомнить утверждение Г.П. Федотова: любовь к социализму была порождена презрением к хозяйству⁶⁷. Частным проявлением этого выступала нелюбовь к процессу трудового накопления, мешавшая развиваться русскому капитализму.

* * *

На рубеже XIX-XX вв. Россия оказалась ареной, на которой столкнулись два системообразующих течения: западный либерализм, поощрявший человеческую индивидуальность и гарантирующий успешное капиталистическое развитие, и социализм, основанный на от-

рицании частной собственности. Каждое из этих направлений находило поддержку в различных группах российской интеллектуальной элиты, так как потребность в модернизации существующих порядков уже объективно назрела. Вместе с тем негативные черты, которые обнаруживал капитализм на начальном этапе своего становления, не позволили россиянам разглядеть в этом строе благоприятную среду, которая могла бы способствовать и культивации общечеловеческих ценностей, однако весь предшествующий ход истории нашей страны имел следствием накопление в народном сознании иных приоритетов. В начале XX столетия в российском обществе не оказалось силы, которая была бы способной обеспечить достойную альтернативу реализации стихийно оформившихся негативных ментальных установок. Попыткой создать "средний класс" была столыпинская реформа, однако при всем своем положительном потенциале она не предотвратила революционных потрясений, будучи недостаточно подкрепленной, с одной стороны, воздействием на сознание крестьян (отсутствовала тонкая пропаганда успехов реформы), а с другой, изменением реалий бытия (не была создана инфраструктура и иные подходящие условия для развития хуторских хозяйств). Более того, ко времени проведения преобразований, имевших целью поддержку индивидуального крестьянского землевладения, в общественном строе накопилась масса социальных противоречий, и "двадцати лет покоя", столь необходимых для коррекции исторического пути, правительственные крути уже не смогли обеспечить.

Кризисные явления, ставшие необратимыми начиная с 1914 г., привели к повышению активности маргинальных прослоек населения, которым были свойственны как общечеловеческие пороки, так и недостатки, вытекающие из специфического отношения к собственности. Деформации массового сознания под влиянием общественного кризиса породили повышенную восприимчивость к социальным утопиям. Маргинальные слои населения быстро усвоили большевизм как разрушительную макроидею. Все это придало разгрому помещичьих имений масштабный характер, так как в сознании масс представление о справедливости передела собственности было закреплено в такой примитивной форме.

Удовлетворение низменных страстей части общества не только обеспечило большевикам успех переворота в пределах всей страны, но и чрезвычайно способствовало практике реквизиций и конфискаций имущества в общегосударственном масштабе и во имя интересов госу-

дарства. Это давало В.И. Ленину повод находить оправдание в том, что санкционированная им политика была заимствована "не у большевиков, а у солдат на фронте, у крестьян в деревне и у рабочих в городах"⁶⁸.

Примечания (глава 1)

- ¹ См.: Рачинский Ю.М. Докапиталистические способы производства и их современные формы. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – С. 75-77.
- ² Захарова Л.Н. Собственность и личность. Автореф. дисс... докт. филос. наук. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 1998. – С. 12.
- ³ Цит. по: Прудон П.-Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти, Бедность как экономический принцип; Порнократия, или Женщины в настоящее время. – М.: Республика, 1998. – С.46-47.
- ⁴ Цит. по: Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: ПИТЕР, 1999. – С.640.
- ⁵ Ильин И.А. О частной собственности // Русская философия собственности (XVII-XX вв.). – СПб.: Ганза, 1993. – С.126.
- ⁶ Захарова Л.Н. Указ. соч. – С.12.
- ⁷ Цит. по: Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма: Пер. с англ. – М.: Изд-во "Новости" при участии изд-ва "Catallaxy", 1992. – С.60.
- ⁸ Римское частное право: Учебник / Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. – М.: Юриспруденция, 1999. – С.6-7.
- ⁹ Там же. – С.170.
- ¹⁰ Бурганов А.Х. Откуда и куда идешь, Россия? Опыт осмысления послеоктябрьской истории и будущего россиян. – М., 1996. – С.115.
- ¹¹ Чичерин Б.Н. Собственность и государство // Русская философия собственности (XVII-XX вв.). – СПб.: Ганза, 1993. – С.115.
- ¹² Эрн В.Ф. Христианское отношение к собственности // Русская философия собственности... – С. 194.
- ¹³ Хайек Ф. А. Указ. соч. – С.65.
- ¹⁴ Бурганов А. Х. Указ. соч. – С.17.
- ¹⁵ Латыпов И.А. Духовная собственность: социальный смысл и перспективы. Автореферат... канд. филос. н. – Екатеринбург, 1998. – С.12.
- ¹⁶ Струмилин С. Рабочее время крестьянина // Крестьянин в XX веке. – М., 1925. – С.159.
- ¹⁷ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: РОССПЭН, 1998. – С.31.
- ¹⁸ Яхшиян О.Ю. Собственность в менталитете русских крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). Материалы междунар. конференции. – М.: РОССПЭН, 1996. – С.100.
- ¹⁹ Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В. Особенности психологии крестьянства (прошлое и настоящее). – М.: Наука, 1983. – С.111.
- ²⁰ Цит. по: Яхшиян О.Ю. Указ. соч. – С.104.
- ²¹ Там же. – С.94-95.
- ²² Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 1997. – С.14.
- ²³ Майминас Е.З. О русском генотипе // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. – М.:Аспект Пресс, 1996. – С.295.
- ²⁴ Гринев А.В., Ирошников М.П. Россия и политаризм // Вопросы истории. – 1998. – № 7. – С.38.

- ²⁵ См.: Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого: (Глядя из настоящего). – СПб.: Изд-во СпбГУ, 1997. – С.14.
- ²⁶ Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв. / Отв. ред. В.С. Нерсисянц. – М.: Наука, 1986. – С.130.
- ²⁷ Ragsdale Hugh. The Russian Tragedy: the Burden of History. – Armonk (N.Y.); Sharpe, London, 1996. – P.xiv.
- ²⁸ Милов Л.В. Указ. соч. – С.433; Мау В.А. Реформы и догмы, 1914-1929: Очерки истории становления хозяйства системы советского тоталитаризма. – М., 1993. – С.13.
- ²⁹ Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. Второе дополн. издание. – М.-Л.: Книга, 1925. – С.169.
- ³⁰ Яхшиян О.Ю. Указ. соч. – С.102.
- ³¹ Майминас Е.З. Указ. соч. – С.395.
- ³² Булдаков В.П. Указ. соч. – С.17.
- ³³ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М: Республика, 1994. – С.358.
- ³⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. – М., 1955.
- ³⁵ Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX-XX веков. – М.: Терра, 1996. – С.13-14.
- ³⁶ Пайпс Р. Русская революция. Ч.2. – М.: РОССПЭН, 1994. – С.355.
- ³⁷ Б.Н. Миронов, используя антропометрические данные, делает попытку оспорить наличие перманентного аграрного и социального кризиса в России начала XX в., утверждая, что в период 1866-1910 гг. росло производство и потребление, менялась структура семьи и показатель социальной мобильности населения. С этим исследователем полемизирует Steven L. Hoch, обращая внимание на такие негативные факторы, как инфекционные болезни и неравное распределение ресурсов между социальными слоями. См.: The Slavic Review. – 1999. – Vol. 58. – No.1; www.econ.uiuc.edu/~slavrev. В настоящей работе доказывается наличие кризиса общественного сознания.
- ³⁸ Булдаков В.П. Указ. соч. – С.9.
- ³⁹ Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи; Интеллигенция в России: Сборник статей. 1909-1910. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С.105.
- ⁴⁰ Шкуратов В.А. Историческая психология. – М.: Смысл, 1997. – С.284.
- ⁴¹ Цит. по: Зубов А. Сорок дней или сорок лет? // Новый мир. – 1999. – № 5. – С.128.
- ⁴² Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / Сост., вступ. ст., коммент. И.А. Исаева. – М.: Русская книга, 1992. – С.43-44.
- ⁴³ Бриль Г.Г. Генезис социального конфликта в России (1917- начало 30-х гг.). – Кострома: Изд-во КГТУ, 1998. – С.4.
- ⁴⁴ Malle Silvana. The Economic Organization of War Communism, 1918–1921. – Cambridge University Press, Cambridge, 1985. – P.24.
- ⁴⁵ Булдаков В.П. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (Методологический аспект) // Революция и человек: Социально-психологический аспект. – М., 1996. – С.6.
- ⁴⁶ Герман И.С. О психическом расстройстве депрессивного характера, развившемся у больных на почве переживаемых политических событий // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – М., 1906. – № 3. – С.313.
- ⁴⁷ Энгельштейн Л. Указ. соч.
- ⁴⁸ Яичница всямку, или Несерьезно о серьезном: Над кем и над чем смеялись в России в 1917 году. – М., 1992. – С.34.
- ⁴⁹ Зориков А.Н. Криминогенная обстановка как результат и фактор социальной

мобильности в России в начале XX в. // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997. – С.8.

⁵⁰ Там же. – С.11.

⁵¹ См.: Аскольдов С.А. Указ. соч. – С.30; Билимович А. Революция, большевики и хозяйство России. – Ростов-н/Д, 1919. – С.4; Журавлев В.В. Революция как способ реализации личного интереса (К постановке проблемы) // Революция и человек: Социально-психологический аспект. – М., 1996. – С.20-21; Курышев И.В. Крестьянство Западной Сибири в годы Гражданской войны (нравственные аспекты) // Из истории революций в России (первая четверть XX в.: Материалы Всероссийского симпозиума. Вып.2. – Томск, 1996. – С.43.

⁵² Ponton G. The Soviet Era: From Lenin to Yeltsin / Blackwell Publishers. Oxford, UK & Cambridge, USA, 1994. – P.20.

⁵³ Малянтович П.Н. Революция и правосудие. Несколько мыслей и воспоминаний. – М.: “Задруга”, 1918. – С.149.

⁵⁴ Булдаков В.П. Красная смута... – С.219.

⁵⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1970). Изд. 8-е. Т.1. 1898-1917. – М.: Политиздат, 1970. – С.163.

⁵⁶ “Мы грабим грабителей” – слова донского казака Шамова на III съезде Советов. 23 января 1918 г. В.И. Ленин, обращаясь к посылаемым на фронт агитаторам, процитировал эти слова в форме: “Мы грабим награбленное”, а три месяца спустя на заседании ВЦИК подтвердил правильность высказанной мысли. См.: Душенко К.В. Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина: Что, кем и когда было сказано. – М.: Юристъ, 1996. – С.45.

⁵⁷ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма // Пророческие слова о русской революции / Сост. А.А. Слинько. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. – С.169, 186; Суждение об адаптированности марксизма к русской культуре неоднократно высказывается как в отечественной, так и зарубежной историографии. См.: Цейтлин Р.С., Кургаева Ж.Ю. Социокультурный подход к проблеме политико-партийной дифференциации масс в 1917 г. // Революция и человек: Социально-психологический аспект. – М., 1996. – С.170; Кознова И.Е. Историческая память российского крестьянства о попытках преобразования деревни в XX веке // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). Материалы междунар. конференции. – М.: РОССПЭН, 1996. – С.241; Ragsdale Hugh. Op. cit. – P.180.

⁵⁸ См.: Варава В. Два лика социализма // Подъем. – 1999. – № 1. – С.185.

⁵⁹ Гиренок Ф.И. Судьба русской интеллигенции (Читая Федотова) // Г.П. Федотов о судьбе русской интеллигенции. – М.: Знание, 1991. – С.34.

⁶⁰ Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. – М.: Русская книга, 1992. – С.58.

⁶¹ Революция в деревне в 1917 году. Воспоминания крестьян / Под ред. и с предисл. Я.А. Яковлева. – М.: Крестьянская газета, 1927. – 48 с.

⁶² 1917 год в деревне. Воспоминания крестьян. – М.: Политиздат, 1967. – 288 с.

⁶³ Райх В. Массы и государство / Пер. с нем. В.А.Закса. – Тверь, 1995. – С.18.

⁶⁴ Армия в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Вводная статья О. Чадаевой // Красный архив. – 1937. – № 5. – С.141.

⁶⁵ Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы в трех томах. Т.2. – М.: Наука, 1966. – С.220.

⁶⁶ См. напр.: Шестаков А.В. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма. – Воронеж, 1930. – С.21.

⁶⁷ Цит. по: Гиренок Ф.И. Указ. соч. – С.33.

⁶⁸ Ленин В.И. ПСС. Т.35. – С.37.

ГЛАВА 2. ИЗЪЯТИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УГОДИЙ

Дело экспроприации помещичьих хозяйств, с небывалым энтузиазмом осуществляемое лампенскими массами на протяжении 1917 года, существенно деформировало российский исторический процесс. Большевики оказались у власти и распространили свое влияние на огромную территорию России именно потому, что предложили радикальный способ решения аграрного вопроса.

Большевистская партия была в то время единственной силой в российском обществе, которая продемонстрировала способность добиваться решения собственных политических задач путем тщательного учета устремлений народных масс, что, однако, не предполагало безвозмездного удовлетворения интересов ни одного социального слоя. В деле упрочения Советской власти немаловажную роль сыграл не столько широко известный эсеровский лозунг “Земля – крестьянам”, сколько его прямое следствие – гарантия сохранности за новыми владельцами земельных прирезков, полученных незаконным путем.

Крестьяне, пользовавшиеся помещичьими землями, прекрасно осознавали, чего они лишатся при перемене правительства¹. “Гибель революции, – говорилось в книге, изданной в 1918 г., – приведет к гонениям, расстрелу всех, кто участвовал в дележе поместий”².

Более того, принцип уравнительного перераспределения земли был “хорошо рассчитанным шагом, направленным на умиротворение крестьянской общественности”³. Р. Пайпс отмечает, что земледельческое население, занимаясь переделами земли, утрачивало таким образом интерес к политике⁴. Вряд ли крестьянские массы были способны выдвигать политические требования вне сферы своих повседневных нужд, но так или иначе их непротивление объективно усиливало большевистскую власть.

Привлекательной в глазах крестьян являлась также идея безвозмездности при наделении пахотной землей. Выкуп, даже незначительный и уплачиваемый в рассрочку, означал бы по меньшей мере символическое уважение к бывшему собственнику и его правам, од-

новременно создавая материальные препятствия бесчисленным спорам между претендентами на расширение наделов.

Бескомпромиссный вариант аграрных преобразований имел преимущество в том, что был более понятен массам. Крестьяне рассуждали: "Пускай они там эсеры-то в учредилке вырабатывают плату за землю, а она теперь уже наша и ни за что мы ее не отдадим"⁵. Кроме того, уже на первых порах обнаруживалось неприятие большевистскими лидерами "эксплуататорских классов", вследствие чего правительству Ленина казалась недопустимой сама возможность получения дворянами и купцами денежного вознаграждения, каким бы незначительным оно не было⁶.

Заручившись поддержкой социально-активных слоев населения, большевики приступили к реализации четкой задачи: трансформировать опыт самовольных захватов частновладельческого имущества в ранг мероприятий, проводимых по инициативе государственных учреждений.

Санкционируя масштабный передел земли, большевики не ограничивались насущной потребностью удержания власти. Они не упускали из виду и далеко идущую перспективу, состоящую в реализации стратегической программы. Как замечает В.М. Андреев, в ленинских выступлениях апреля-мая 1917 г. отсутствовал даже намек на приращение индивидуальных крестьянских наделов⁷. Напротив, *отчужденные у частных лиц земельные площади должны были стать плацдармами в деле завоевания государством права распоряжаться остальными видами имущества.*

В резолюции по аграрному вопросу VIII (апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б) указывалось: "...Национализация земли как отмена частной собственности на землю означала бы на практике такой могучий удар [по] частной собственности на все виды производства вообще, что партия пролетариата должна оказать всякое содействие подобному преобразованию"⁸.

Правовая основа переделов земли

Доклад В.И. Ленина на II Съезде Советов по аграрному вопросу, оформленный как Декрет о земле, квалифицировал изъятие сельскохозяйственных угодий у крупных землевладельцев как долгожданный, неизбежный и справедливый акт. Законодатель исключал пашню и угодья из сферы товарно-денежных отношений, устанавливая за каждым желавшим, в том числе и представителем имущих классов, пра-

во пользоваться таким наделом, какой он может самостоятельно обработать.

Тезисы Декрета о земле, имеющего сугубо декларативный характер, требовалось конкретизировать, для чего были изданы Положения, определяющие функции уполномоченных структур, сущность мер, предшествующих акту изъятия, порядок распределения земли.

В конце ноября 1917 г. Курский губернский земельный комитет направил на места инструкцию, которая разъясняла применение мер по учету и контролю частновладельческих хозяйств. "Охрана земель, - говорилось в инструкции, - устанавливается по просьбам управляющих ценных имений, когда имениям грозят поджоги, разгром и разрушение, или помимо их желания, когда есть опасения, что сами владельцы собираются ликвидировать хозяйство, то есть прекратить [сеять] какую-нибудь ценную культуру, распродать племенной скот, сельскохозяйственные орудия и т.д., с целью выручить деньги и уехать подальше"⁹. Содержание инструкции далее конкретизировалось: "Контроль устанавливается для того, чтобы земли и сельскохозяйственный инвентарь были использованы наилучшим образом в интересах государства. Предположим, что хозяин имения по заведенному у него порядку должен сеять на одном участке земли кукурузу, но он боится, что потом у него кукурузу эту расхитят, или не дадут собрать и хочет оставить участок под паром"¹⁰.

Губернские земельные комитеты регламентировали порядок передачи в их ведение имений "нетрудового типа". Постановление по Рязанской губернии от 9 ноября 1917 г. определяло, что заведующие имениями назначаются из местных жителей, пользующихся доверием населения. На такую должность могли претендовать бывшие управляющие, но не владельцы и не арендаторы имений. По отношению к бывшим землевладельцам допускалась лояльная позиция, выразившаяся в сохранении за ними права проживать в любом из имеющихся в усадьбе строений и пользоваться "в потребном количестве наличными в имении жизненными продуктами". Доходы от национализированных имений поступали на депозит Земельного комитета, однако прежним собственникам при наличии веской причины могли выдаваться необходимые средства¹¹.

Специальные предписания предназначались для лиц, командированных из губернских городов с целью руководства процессом изъятия и распределения земли. В одном из таких документов, хранящихся в Государственном архиве Ярославской области, говорится, что инст-

рукторы, прибыв в село, поначалу должны созвать волостной сход, на котором объяснить, "какое огромное значение теперь имеют для крестьян Земельные Комитеты". Затем, если население не доверяло последним, штат этих учреждений подлежал переизбранию, после чего производился учет инвентаря. Характерно, что в Ярославской области помещики, пользующиеся доверием со стороны местных жителей, допускались к должностям заведующих именами¹².

Содержание Декрета о земле соответствовало требованиям основной массы крестьян, что было по существу единственно ценным в этом историческом акте. Между тем *субъективно осознаваемые интересы земледельческого населения в тот период имели мало общего с условиями прогрессивного развития сельского хозяйства*. Практическая реализация положений Декрета о земле не устраивала и большевистскую партию, поскольку кардинально расходилась с программными установками последней¹³.

Полномерная реализация Декрета о земле и подзаконных актов даже при наличии издержек, вызванных сущностью системы уравнительного землепользования, привела бы к экономическому и даже политическому усилению сельских обществ. Однако советских лидеров явно не удовлетворяла оторванность крестьян от активного участия в политической жизни на стороне большевиков, возникавшая в силу возможности сельских хозяев трудиться на выделенных им участках. По мере укрепления позиций нового правительства эсеровская тактика начинала восприниматься как недоразумение, вследствие чего целью законодателя стала пропаганда коммунистических принципов. Большевистские лидеры не могли не учитывать, что введение с помощью директивного акта принципиально иной организации сельского хозяйства закончится провалом. В.И. Ленин считал, что крестьянин, с одной стороны, труженик, а с другой, – собственник. "Крестьянин все же собственник", – вторил вождю А.А. Богданов¹⁴. Поэтому на первом этапе обобществления земли преобладала тактика убеждения, что отразилось в соответствующих нормативных документах.

Вторым значительным актом советского правительства в аграрной сфере стал принятый в январе 1918 г. Основной закон о социализации земли, содержащий намеки на предпочтительность развития коллективных форм землепользования, но вместе с тем не отвергавший и предыдущей аграрной политики большевиков. Оптимальность коммунистического варианта землепользования окончательно провозгла-

шалась "Положением о социалистической землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию" от 14 февраля 1919 г., которым закладывался преимущественный статус коммун, артелей и сельскохозяйственных кооперативов, а единоличник отодвигался на второй план, причем все виды индивидуального землепользования были обозначены как преходящие и отжившие¹⁵.

В целом правовые нормы в сфере аграрных отношений были ориентированы не только и не столько на ликвидацию противоречий, вызванных диспропорциями в системе землевладения дореволюционной России: рост благосостояния крестьян виделся законодателю не целью, а средством апробации книжных принципов, что, как мы еще сможем убедиться, объективно способствовало значительному усилению нажима государства на общество.

Деятельность уполномоченных государственных органов

В ходе аграрных преобразований главной исполнительной структурой стал Народный комиссариат земледелия, возглавляемый в течение первой недели В.П. Милютиным, затем эсером В.Л. Коллегаевым, а с марта 1918 г. – С.П. Середой. По замечанию Э. Карра, в первые месяцы своего существования Наркомзем "оставался как по составу служащих, так и по общему стилю работы прямым преемником эсеровского Министерства земледелия, каким оно было при Временном правительстве"¹⁶. Инструктированием губернских органов власти руководил Отдел текущей земельной политики.

Часть функций Центра, вероятно, по своей инициативе, зимой 1917/1918 гг. взял Комиссариат земледелия Московской области, возглавляемый Зиттой (в то время было распространено шепство одних регионов над другими, так, существовало Московское объединение Советов, включавшее 13 губерний¹⁷). В феврале 1918 г. Комиссариат выпустил воззвание, требующее "немедленно приступить к проведению земельной реформы на местах в духе передачи земли трудовому народу". Также в документе содержалась просьба Комиссариата "сноситься с ним, знакомя с положением дел на местах и присылая копии с... материалов по землеустройству, постановлений Волостных Сходов, наказов своим делегатам"¹⁸.

Местные уполномоченные структуры создавались (или реорганизовывались) в соответствии с "Положением о земельных комитетах" от 4 декабря 1917 г. В функции образующихся учреждений входило проведение фактических изъятий земли и инвентаря, обособление и

охрана культурных хозяйств, распределение земельного фонда и сельскохозяйственных орудий в уравнилельно-трудоое пользование.

Помимо специализированных органов, полномочиями контроля над аграрной сферой обладали местные исполкомы и аналогичные им организации.

Обратим внимание, что региональные органы власти имели довольно широкий комплекс прав и обязанностей. Это обстоятельство ставило в зависимость от личных качеств и политической ориентации представителей власти размеры земель, как выделяемых крестьянам, так и оставляемых за государством. В феврале 1919 г. Вязовский волостной Совет Грайворонского уезда постановил: "Разяснить, что выяснение земельных собственников всецело принадлежит усмотрению сельского совета бедноты"¹⁹. Понятно, с какой величайшей степенью субъективности происходило это "выяснение", однако благодаря лояльности других должностных лиц многие помещики могли вести трудовое хозяйство и в годы развертывания классовой дискриминации.

МОТИВЫ И ПРОЦЕСС ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЛИ

Основанием для лишения частника прав пользования землей в большинстве случаев служило владение ею в количестве, превышающем установленные в данной местности нормы. С течением времени возрастала также роль классового принципа: по мере поляризации общественных сил критерий допустимости пользования участком земли данного размера стал приниматься в расчет лишь в проекции на критерий благонадежности домохозяина.

Поначалу экспроприации подлежали те землевладельцы, которые по своему положению могли считаться помещиками, позднее – зажиточными крестьянами, наконец, лицами, использующими наемный труд. Помимо этих обстоятельств, сельскохозяйственные угодья, равно как и другие виды имущества, могли быть изъяты у крестьян, совершивших правонарушения. Государственный интерес как непосредственный мотив изъятия на большей части территорий, где была установлена советская власть, прослеживается в редких случаях. Среди исключений можно назвать Прибалтику, причем отчуждение у литовских, латвских и эстонских крестьян прав на землю стало главным фактором того, что власть большевиков здесь не удержалась. На большей же части Советской Республики в первые послеоктябрьские годы большевики не решились на повсеместную организацию

коммун – под юрисдикцию государства попадали только образцовые имения. Кстати, центральная большевистская власть при этом не оказалась в ущербе: принудительные хлебозаготовки и без того лишали крестьян права самостоятельно распоряжаться продуктами труда.

Ликвидация помещичьего землевладения и класса помещиков

Постановления сельских сходов об изъятии помещичьих имений проводились в соответствии с Декретом о земле, отвечавшим интересам большинства населения. В свете этого акта обоснование прав на отчуждение угодий не представляло особых трудностей.

В первые месяцы существования советской власти помещики имели право на обработку выделенных им небольших земельных участков в соответствии с законодательными установками. Однако с течением времени такое положение вещей все меньше и меньше устраивало большевистское правительство. Из постулируемой большевиками системы общественных отношений помещики стали исключаться как лица изначально ущербные в силу своего социального происхождения.

Для того чтобы обосновать необходимость окончательной ликвидации помещичьих имений, использовались уже не столько логические доказательства и ссылки на правовые нормы, сколько насыщенные эмоциями пассажи, что нашло отражение и в позднейшей историографии: "В 1919–1920 гг. шла "чистка" отдельных помещиков, преимущественно мелкопоместных, которые по глухим углам ЦЧО [Центрально-Черноземной области] пробовали укрыться от карающей десницы пролетариата под видом мелких "трудовых" хозяйств"²⁰. Советские авторы также пытались оправдать реорганизацию некоторых монастырей в трудовые артели. Национализация земли таких артелей, по утверждению В.Ф. Зыбковца, "растянулась на несколько лет и доставила немало хлопот местным и центральным советским учреждениям"²¹. Освещение проблемы в подобном ракурсе означало ее оценку как неминуемого шага по пути в общественно-значимом направлении. Непонятно только, какой жизненный удел отводился вычеркнутым из схемы социальным слоям, само существование которых ставилось вне закона.

Массовое выселение помещиков из имений происходило в 1924–1925 гг. как знамение намечающегося свертывания нэпа. В 1924 г. Центральная Контрольная комиссия ВКП (б) и Народный комиссариат РКИ СССР выступили с инициативой начать борьбу с помещиками²². 24 мая 1925 г. в разгар кампаний по изъятию у бывших

помещиков наделов, выделенных им по трудовой норме, "Комсомольская правда" публикует материал под названием "Даешь ликвидацию дворянских гнезд".

Следование принципу уравнительного землепользования

Уничтожение частной собственности на землю вело к ликвидации твердых прав на пользование ею. Критерий покупательной способности был отвергнут, в результате чего отсутствовало ярко выраженное и общепринятое мерило потенциальных прав на обладание землей. Масса крестьян, величина наделов которых по каким-либо причинам не прибавилась, чувствовала себя неудовлетворенной, и в такой ситуации ограничиться единовременным "черным переделом" было попросту невозможно. Безземельные и малоземельные крестьяне обращали свой взор на богатых соседей, и при поддержке власти начинался новый виток земельных переделов. Мотив изъятия угодий во имя соблюдения принципа уравнительного землепользования обнаруживает себя в следующих конфискационных актах (в качестве примеров использованы материалы земельных съездов Новооскольского уезда):

29 мая 1918 г. было принято решение отобрать у крестьян занятые под озимые посевы участки, если их размер превышает десятину на душу;

Жительница г. Нового Оскола М.П. Адамьянц лишилась выделенных ей усадебных земель за то, что начала обрабатывать дополнительные площади;

Принятое 28 сентября 1918 г. постановление запрещало пользоваться землей лесным сторожам, не обрабатывающим землю личным трудом;

10 октября 1918 г. съезд постановил конфисковать землю у крестьян, получивших от государства зерно на посев и обмоловших его, оставив поле незасеянным²³.

Также изымались надельные участки у тех, кто служил на стороне противников большевиков. 26 сентября 1918 г. Новооскольский уездный исполнительный комитет потребовал лишить земли гражданина Мачочкина, чьи сыновья состояли офицерами в гайдамацком войске²⁴.

Стремление сельских обществ под напором требований вышестоящих властей в точности следовать принципу уравнительного землепользования вело к учащению актов изъятия земельных угодий и, следовательно, нарушало привычный уклад крестьянской жизни.

Удовлетворение интересов государства как мотив изъятия земли

Действия государства по отчуждению земли у частника во имя установления тотального контроля над "народным хозяйством" проявля-

лись в полной мере в ходе сталинской коллективизации. В изучаемый исторический период при ликвидации помещичьего землевладения в ведение государства попадали лишь лучшие имения, с оранжереями, рассадниками (заводами) племенного скота. В Курской губернии большевики намеревались создать совхозы на базе 111 крупных хозяйств общей площадью 50 тысяч десятин²⁵.

На первых порах после отмены частной собственности на землю мотив уравнительного передела все же звучал сильнее мотива удовлетворения интересов государства, но государство накапливало силы для идеологической, правовой и даже физической борьбы за приобретение весомой доли земельного фонда. Реализация государственных потребностей пока не представлялась достаточно убедительным мотивом изъятия земли у крестьян, поэтому конфискационным по сути мероприятиям большевики надеялись придать безобидный облик. Как следствие началась широкая пропаганда достоинств коллективного землепользования. Большевистские лидеры полагали, что крестьяне сами начнут объединяться в коммуны и колхозы. Однако ставка на добровольность была обречена на провал, и задуманный план удалось осуществить только спустя двенадцать лет после революции, да и то исключительно насильственными методами.

Испытывая трудности с воплощением в жизнь глобальной идеи, служащие советского аппарата изымали землю в собственность государства по различным поводам частного характера. 12 ноября 1918 г. Народный комиссариат юстиции издал циркуляр о наследовании угодий, гласивший, что со смертью пользователя надел переходит в ведение земельного комитета, а затем распределяется в пользу ближайших родственников хозяина²⁶. Пожизненное, но не наследственное право частника на землю позволяло государству держать ее под контролем.

Изъятие земли как наказание за правонарушение

В качестве обоснования конфискации земельного надела мог быть использован мотив наказания за те или иные противозаконные действия. Как правило, после раскрытия правонарушения земля изымалась лишь в дополнение к другим видам имущества. К числу деяний, за которые следовало такое возмездие, чаще всего относилось неисполнение приказов местных органов власти, а также дезертирство.

28 июля 1920 г. уполномоченный Губкомдезертира в г. Корочее Федосеев, "принимая во внимание злостность дезертирства Чекры-

чина", приказал лишить его семью, помимо скота и некоторых личных вещей, земельного участка вместе с посевами²⁷.

Конфискация сельскохозяйственных угодий считалась суровым наказанием, так как пострадавшие лишались возможности обеспечить себя жизненно важными продуктами.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УГОДИЙ

При переделе земли после Октябрьской революции возникали многочисленные трудности, вызванные социальными катаклизмами. Так, земельным комитетам Курской губернии пришлось столкнуться с целым рядом проблем.

1. Неточные данные о размерах угодий. На земельных съездах указывалось на "явную неправильность" уставных грамот, книг окладных сборов.

2. Недостаточность документов. Курский плановый архив подвергся разгрому, из-за чего погибли все плановые материалы по Белгородскому и Грайворонскому уездам. Часты были случаи, когда по всей волости имелась лишь одна владенная запись. Отсутствие земельных планов вело к запашке произвольно выбранных участков.

3. Наступление немецких войск, которое коснулось южных уездов Курской губернии.

4. Отсутствие в некоторых волостях землемеров. По губернии было отправлено на фронт более половины технических работников (из 225 человек осталось 107)²⁸.

5. Нежелание отдавать земли, признанные "излишними", в пользу населения соседних территорий. В Новооскольском уезде "сепаратизм" проявили села Проточное и Тростенец, и земельный съезд 25 августа 1918 г. призвал жителей этих сел подчиниться требованиям власти и рекомендовал уездному Земельному отделу "в случае оказанного сопротивления обращаться к военным"²⁹.

Производя распределение угодий, местная власть сталкивалась со сложной дилеммой: нужно было установить пропорцию, в которой частная и государственная доля угодий соотносилась бы наилучшим образом. Удельный объем земли, отданной крестьянам, на первых порах намного превышал государственный фонд.

Э. Карр сообщает, что в целом по России из суммарного количества конфискованной земли 86% было распределено среди крестьян, 11% перешло к государству главным образом в форме советских зем-

ледельческих хозяйств, а 3% получили артели и коммуны. Средняя прибавка к крестьянским наделам варьировалась от волости к волости в пределах от одной четверти до трех четвертей десятины³⁰. В Курской губернии имелось примерно 3,83 млн. десятин земли, из которых 3,79 млн. десятин было пригодно для пашни. Из этого количества 3,44 млн. десятин распределялось среди населения, а остальная часть передавалась в ведение сахарных заводов, совхозам, колхозам и иным учреждениям³¹.

Земельные угодья в ведении государства

Особенностью Курской губернии было сосредоточение в ней двадцати четырех сахарных заводов. После национализации этих предприятий встал вопрос об изъятии из частного владения их инфраструктуры, а так как под посевы сахарной свеклы требовались большие плантации, представлялось необходимым отвести для них определенное количество земель. С такой целью в 1917 г. начала работу специальная комиссия, которая наметила подлежащие изъятию угодья. Однако спустя некоторое время Губернский земельный отдел аннулировал акты этой комиссии, поскольку "в ее работах не были в достаточной степени учтены интересы трудового крестьянства". В апреле 1920 г. создаются три новые комиссии. Они действовали с малой скоростью, что Губземотдел объяснял "исключительной сложностью вопроса". Один из предлагаемых способов решения проблемы состоял в сохранении земли за крестьянами при обязательстве последних сеять за вознаграждение сахарную свеклу³².

В конечном счете центральная власть решила проблему более простым способом, согласно универсальной тактике, которой она придерживалось в сфере аграрных отношений. Не придавая значения тому, в чьем ведении находится земля, Совет Народных Комиссаров в ноябре 1920 г. издал директиву: "Вся сахарная свекла, находящаяся у отдельных лиц и организаций, подлежит обязательной сдаче ближайшему сахарному заводу"³³.

Идея землепользования на социалистических началах обусловила пристальное внимание большевиков к организации коллективных хозяйств. Вышеупомянутое "Положение о земельных комитетах" от 4 декабря 1917 г., определяя очередность при наделении угодьями сельских хозяев, давало преимущества артелям, испытывающим недостаток земли, а также "производительно-трудовым товариществам".

На нижние ступени ставились малоземельные и безземельные крестьяне и, наконец, пришлое население³⁴.

В случае локального спора о принадлежности того или иного земельного участка государство защищало интересы коммун. 28 сентября 1918 г. Новооскольский земельный съезд оставил без удовлетворения просьбу председателя Совета Бубновской волости об отводе под его юрисдикцию бывшей частновладельческой земли, на которую претендовала также Анновская коммуна³⁵. 6 ноября 1918 г. был издан Декрет СНК о миллионном фонде. Средства, переданные в распоряжение Наркомзема, предполагалось использовать для выдачи пособий и ссуд на мероприятия по улучшению аграрного сектора. Преимущества получали те хозяйства, где наиболее полно было произведено обобществление³⁶.

В деле организации коллективных хозяйств большевики не желали действовать вопреки интересам крестьянства, но, однозначно выступая за скорейшее воплощение своих идей, стремились, чтобы крестьяне по собственной воле отказывались от прав на полученную землю. Еще К. Маркс рекомендовал обобществлять крестьянские хозяйства не путем экспроприаций, а посредством примера и предложения помощи. Съезды Советов принимали резолюции: "Приветствовать... принцип добровольчества при вступлении в коммуны"³⁷. Представители власти понимали, что, займи они выжидающую позицию, земледельцы ни за что не откажутся от индивидуальных прав на свои наделы, и поэтому пытались активно воздействовать на сознание крестьян, исполняя роль оракулов, крайне необходимых неграмотному населению. Приведем выдержку из документа: "Искание населением форм землепользования заставляет Советскую власть направлять эти искания в русло коллективного землепользования", более эффективного экономически и соответствующего духу марксизма³⁸.

Несмотря на все старания, большевикам в первые послеоктябрьские годы не удалось пробудить в деревне массовое колхозное движение, так как крестьянский мир продолжал жить вековыми традициями, в рамках которых принципы коллективизма и уравнительности сосуществовали с ведением индивидуального хозяйства. Час коллективизации еще не пробил.

Наделение земель крестьян

"Давно уже нужно подумать в Государственном масштабе о наделении сельского населения усадьбами и в связи с этим о расселении и

разделе наших селений"³⁹, – громко заявляли на земельных съездах те, кто полагал, что малоземелье есть основная причина крестьянских бед и ее устранение немедленно приведет к позитивным сдвигам. На деле же благополучие земледельцев напрямую зависит от принципов, на которых строятся аграрные отношения.

Основу наделения пахарей сельскохозяйственными угодьями составляла потребительско-трудовая норма. Современники видели в ней рациональное зерно: "С одной стороны – крестьянское хозяйство получает такое количество земли, которое может удовлетворить все его потребности, а с другой стороны – это количество земли не выходит за пределы его трудовых сил"⁴⁰.

В качестве критериев при распределении угодий могли выступать количество едоков либо способность крестьянской семьи самостоятельно обрабатывать участок. Имелись случаи, когда исходя из принципа целесообразности земля выдавалась тем, кто имеет семена. Максимально допустимые размеры угодий устанавливались уездными административными органами. Сельские сходы в процессе распределения угодий были призваны следить, чтобы получаемые крестьянами наделы не превышали заданного потолка, который мог составлять, к примеру, 80 x 15 сажень на двор.

В списке граждан, получивших в 1921 г. от Корочанского коммунального отдела усадебные места и сады, имеется упоминание о передаче некому Н.В. Парманину усадьбы размером 30 квадратных саженьей, принадлежавшей прежде помещику Спесивцеву, моему прапрадеду⁴¹.

Из принципа уравнительного землепользования вытекал запрет или ограничения на приобретение угодий тем категориям граждан, для которых земля не являлась единственным источником дохода. Устанавливаемые на местах правовые нормы препятствовали выдаче земельных наделов членам семей лиц, постоянно служивших на заводе, железной дороге или в других организациях и считавшихся материально обеспеченными⁴².

В то же время указанный принцип не отрицал возможности отведения земельного участка даже тем, кто не отличался "социальной близостью" и политической благонадежностью по отношению к Советам. В апреле 1919 г. уездным земельным отделам был направлен из Курска циркуляр, согласно которому зажиточным крестьянам, покинувшим территорию Республики во время военных действий, разрешалось получить земельные наделы по трудовой норме⁴³.

Итоги первичных переделов в целом можно считать удовлетворительными: крестьяне получили прирезки к своим земельным участкам, а помещики и зажиточные хозяева в обстановке дискриминации в других сферах общественных отношений были вполне удовлетворены возможностью вести трудовое хозяйство. В отчете Курского земотдела губернскому съезду Советов (1921 г.) говорилось о полной поддержке крестьянством нового аграрного порядка: «Население поставило своей задачей создание такого земельного режима, который бы способен был самым чутким образом реагировать, отвечать на всякие изменения, происходящие в составе крестьянской семьи»⁴⁴. Между тем составители этого же документа справедливо указывали на то, что частые переделы земли препятствуют прогрессивному развитию сельского хозяйства.

Действительно, с течением времени принцип уравнительности все менее соответствовал интересам крестьянства: при строгом его соблюдении резко возросла частота земельных переделов, поводом для проведения которых становились, как правило, трагические семейные события или жалобы соседей, красноречиво доказывающих свои преимущественные права на пользование данным участком. Удовлетворение крестьян земельными прирезками омрачалось неустойчивостью прав на полученные угодья.

Система распределения земли на уравнительной основе была чревата следующими недостатками.

1. Способность самостоятельно обработать земельные угодья определенного размера не являлась величиной постоянной. По идее при снижении этой способности земля подлежала изъятию, а при повышении – крестьянский надел предполагалось увеличить. Однако в реализации такого замысла существовали немалые технические трудности, к тому же чувствовалась нехватка свободной земли. Учтем, что во все времена люди делились на более и менее предприимчивых, и добиться получения необходимой доли земли представителям последней группы было крайне сложно. В итоге те крестьяне, которые не смогли выхлопотать прирезок, были обречены на полуголодную жизнь. Новые аграрные отношения лишали сельских жителей стабильности – того, к чему они привыкли на протяжении веков.

2. Категорическое отрицание большевиками наемного труда далеко не всегда соответствовало интересам земледельцев. Крестьянские семьи, потеряв кормильца, часто прибегали к использованию наемных работников. Кроме того, отнюдь не все батраки желали вести

собственное хозяйство, так как это было связано с риском и прочими трудностями.

3. Сельское население состояло далеко не из одних земледельцев. Многие представители других хозяйственных ориентаций не желали получать дополнительные наделы с обязанностью их обрабатывать. 20 марта 1918 г. на Новооскольском земельном съезде делегат от Великомихайловки заметил, что для 90% жителей слободы Закон о социализации земли не приемлем, поскольку они занимаются кустарным производством, а наделную землю сдают в аренду. По утверждению делегата, при отчуждении угодий крестьяне-промысловики будут «выброшены за борт жизни»⁴⁵.

4. Принцип уравнительности предполагал передачу угодий большеземельных волостей малоземельным. На деле же оказывалось, что жители некоторых малоземельных волостей сами не стремятся иметь дополнительные владения.

5. Отсутствие постоянных земельных владений препятствовало внедрению интенсивных методов ведения сельского хозяйства. По мнению Н.Г. Рогалиной, земельная революция 1918–1919 гг. «возродила крестьянскую веру в спасительность пространства и надежду на расширение землепользования за счет других классов»⁴⁶.

Возвращение части угодий бывшим владельцам

Декретом о земле как актом демократично настроенного Рабоче-крестьянского правительства предусматривалось наделение бывших собственников имений участками по трудовой норме. Кроме того, за пострадавшими от имущественного переворота сохранялось «право на общественную поддержку»: вплоть до развертывания кампании по изгнанию помещиков из их хозяйств владельцы национализированных имений по собственному желанию могли продолжить деятельность в аграрной сфере.

В июле 1918 г. Обоянский уездный земельный комитет Курской губернии постановил сохранить за «нетрудовыми хозяевами» соответствующее числу душ количество десятин, полагая на каждого человека по четверти десятины озимого посева 1917 года. Указание выделить бывшим владельцам долю земли и инвентаря по принятой норме содержится также в постановлении Новооскольского земельного съезда от 5 марта 1918 г.⁴⁷

Право граждан либо на возврат части изъятых надела, либо на компенсацию ущерба в той или иной форме не ограничивалось поло-

жениями Декрета о земле. Преобладание здравого смысла над анархическими настроениями видно, например, в решении одного из земельных съездов обязать лиц, получивших помещичью землю, заплатить прежним владельцам за ее обработку.

Социальный спектр тех, кто мог надеяться на восстановление справедливости в сфере личного землепользования, был довольно широк, что удивительно для эпохи гражданской войны. 15 марта 1920 г. Курский губернский съезд постановил: "О дезертирах как не защищающих Рабоче-Крестьянские интересы и Власть лишать наделов с правом возврата по искуплении вины"⁴⁸. Приведенный документ иллюстрирует инертную общинную установку – нежелание содержать тех, кто приносит вред, при одновременной страховке виновных от безвыходного положения.

Как видим, в области аграрных отношений традиционализм крестьянской общины в некоторой степени отвергал новую революционную мораль, и поэтому идея уравнительности доминировала над классовой ненавистью. В результате такого расклада сил пострадавшие от изъятий могли рассчитывать на участливое к ним отношение, тем более что защитить свои интересы правовым путем им было крайне сложно.

"АГРАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ" ГЛАЗАМИ ЕЕ УЧАСТНИКОВ

Позиция советских служащих по вопросу о судьбе права собственности на землю всецело диктовалась политикой Центра. Представители власти улавливали в этой политике тонкости, помогающие лавировать между Декретом о земле, с одной стороны, и Законом о социализации земли (позднее "Положением о социалистическом землеустройстве") – с другой. На уровне языка документов важность для большевиков аграрных мероприятий подчеркивалась употреблением прописной буквы в обозначениях типа *Земельная реформа*, а также насыщением фраз высокопарными эпитетами: "от великих земельных преобразований мы отойти не можем". По словам D. Raleigh, сильное воздействие подобных идеологем на адресата происходит за счет того, что в них комбинируется описательный и оценочный язык⁴⁹. Вера в непогрешимость идеи, которой следовали советские должностные лица, заставляла их не замечать нежелательных побочных эффектов нового земельного строя, что было чревато серьезными последствиями.

Тот, кто в результате очередного передела земли оказывался в проигрыше, естественно, не мог одобрить действий большевиков. Восприятие коренных изменений в аграрной сфере определялось критерием семейного благополучия. Авторы прошений напоминали властям о многочисленных трудностях, с которыми приходилось сталкиваться после изъятия у них земельных угодий.

Типичный случай несоответствия между чтимым народом принципом уравнительности и направленностью его вопреки крестьянским интересам – отчуждение доли надела у членов семей, потерявших кормильца. В феврале 1918 г. лишившаяся надела Н.П. Попова (г. Воронеж) сетовала на то, что она вдова, перенесшая удаление почки, что на ее хуторе крестьянами разграблено имущество и что у нее осталось четверо малолетних детей. По мнению просительницы, только наемный труд оставался источником, благодаря которому она была бы способна "воспитать сирот и поднять их на ноги". Связь права на землю с общественной значимостью деятельности собственника – одна из важных установок народного сознания – также прослеживается в заявлении Н.П. Поповой: "Ведь муж мой всю жизнь служил народному делу в Земствах и когда погиб на этой же службе, то неужели его малолетних детей не поддержит этот же народ?"⁵⁰.

Проходя сквозь призму народного сознания и отражаясь в нем, идеологемы выступали в совершенно ином, подчас саркастическом виде. Так, 13 мая 1919 г. жительница г. Белгорода М.В. Мачурина с горечью констатировала: земля переехавшей в Москву дочери "в настоящее время.. перешла в народную [собственность] и я осталась с семьей моею, состоящую из восьми душ, без земли"⁵¹.

Учитывая историческую обстановку, бывшие землевладельцы, в особенности помещики, не могли однозначно становиться на защиту своей собственности. Следующий документ – прошение М.Н. Самбикина (Воронежский уезд) от 1 декабря 1917 г. – свидетельствует о надежде на возможность установления приемлемого земельного строя путем выработки законодательной нормы общенациональными усилиями: "...Какое будет сделано распоряжение Учредительного Собрания по поводу земли, леса и прочего имущества, тому я и подчинюсь"⁵².

В сознании лиц, пострадавших от изъятия земельных угодий, ценность вложенного труда занимала слишком высокое положение, чтобы эти люди могли безоговорочно принимать те отношения собственности, которые на данный момент устанавливались властью пре-

держашими. Частник, утративший недвижимость, подчас был не в силах порвать с ней духовные связи. Внешне это выражалось в феноменальном явлении – заботе об изъятом имуществе.

Житель Воронежского уезда И.Т. Алисов, чью усадьбу вместе с угодьями и всем скарбом постановили распродать, в своем заявлении указывает, что в его бывшем хозяйстве находится конский завод и фруктовые сады: "...Прошу Вас об охране перечисленного имущества в интересах местного народонаселения и общегосударственных"⁵³.

Конечно, мотивом подобных просьб могла быть тайная надежда на возвращение изъятой земли, но, как будет подтверждено в случаях с другими видами имущества, нельзя отрицать наличия у бывших собственников и заботы о том, чтобы их имущество приносило общественную пользу.

Те граждане, чье промежуточное положение на социальной лестнице не позволяло записать их ни в группу "богачей", ни в группу "трудящихся", стремились подчеркнуть свою непринадлежность к классу эксплуататоров. А в силу того что критерием богатства издавна служило обладание крупным поместьем, – земельная собственность, по крайней мере в обращениях к власти, расценивалась данной социальной группой как смертный грех, которого все всегда старались избегать. Л.В. Золотарева, прося о возвращении отобранного Советом личного имущества, подчеркивает: "Я ни в Курской губернии, ни в какой другой никогда не имела и не имею земельного владения, а равно и недвижимой собственности в городе"⁵⁴.

Рядовые земледельцы изъятие своих земельных угодий воспринимали особенно остро, поскольку не ожидали, что борьба против помещиков перекинется, как пожар, на широкие слои населения. Крестьяне, написавшие 242 наказа о необходимости введения принципа уравнительности, вряд ли предполагали, что права на имеющуюся в их пользовании землю станут столь шаткими.

Житель с. Щетинова Белгородского уезда И.М. Карташов, чей надел в результате перераспределения земли оказался намного меньше положенного по норме, напоминает: "Волею народа – граждан села Щетинова – весной сего года было постановлено уравнивать граждан пользованием усадебным местом"⁵⁵. В июне 1919 г. у корочанского крестьянина Н.Н. Чушкина была отнята усадьба, данная ему год назад⁵⁶ (проявление скользкого права собственности!)

Со стороны сельских хозяев, *сохранивших и приумноживших* свои земельные наделы, отношение к аграрной политике большевиков

было одобрительным. Омский профессор-лингвист В.И. Осипов, опубликовавший автобиографические записки сибирского крестьянина В.А. Плотникова, пишет: "В 70–80 гг. я побывал с диалектологическими экспедициями во многих селах Предуралья – восточной окраины бывшей Вятской губернии. Рассказывая о прошлом, старые люди единодушно рисовали период между революцией и коллективизацией как какой-то крестьянский рай: "Земли надавали много, работали на себя. Работа, конечно, была тяжелая – все вручную. Кто не ленился, тот жил крепко"⁵⁷. В.И. Осипов замечает, что острой борьбы за землю в Сибири не велось, поскольку недостатка в сельскохозяйственных угодьях не было. Дискриминационные же меры против сельских богачей воспринимались как дань справедливости⁵⁷.

Аналогичные наблюдения находим в статье Е.А. Беловой по истории Урянхайского края (современная Республика Тыва) в период 1915–1919 гг. По мнению исследователя, установление в регионе Советской власти было встречено положительно, поскольку конфискация земель и имущества богатых русских крестьян с целью раздачи новым хозяевам отвечала интересам урянхайской бедноты, и без того грабившей русских поселенцев⁵⁸.

Светлые чувства радующихся аграрным преобразованиям крестьян выразил народный поэт Демьян Бедный:

Как дела теперь пошли:

Либо-милто!

Сколько сразу нам земли

Привалило! ...⁵⁹

Благодарность части крестьянства по отношению к Советской власти за прирезки земли не означала, что все направления аграрной политики большевиков воспринимались с одобрением. Земледельцам более всего не нравилось, когда их почти насильно заставляли организовывать коммуны путем объединения наделов. "К общественному землепользованию крестьянство относится отрицательно", – констатировал на губернском съезде работников деревни делегат Белгородского уезда М.Г. Машкин. "О коммуне категорически отказывались слушать," – сетовал направленный в Грайворонский уезд агитатор⁶⁰. Неприязнь чуждых аграрных порядков выражалась и в действиях крестьян: от нежелания удобрять общественную землю до поджогов построек в советских имениях.

Население враждебно относилось к организации советских хозяйств в том случае, если 1) остро стояла проблема малоземелья; 2) изъятие из частного оборота угодья ранее сдавались в аренду; 3) земли находились поблизости от поселений⁶¹.

У тех социальных групп, которые могли рассчитывать на расширение собственных наделов, все отчетливее проявлялась потребительская психология. Желание и возможность бедняков завладеть лишней землей путем безвозмездного отчуждения угодий у другого лица обостряло межличностные отношения, усиливало враждебность среди односельчан.

Инструктор стрелкового полка Ф. Жогло жаловался на заведующего Жилищно-земельным отделом г. Корочи за то, что тот сначала вовсе не наделил их с супругой садом, находящимся у дома, где проживало еще две семьи, а потом отвел только третью часть. Заявитель же претендовал на получение всего сада, поскольку родственники его соседей якобы имеют усадьбы. Ф. Жогло приводит еще одну мотивировку в свою пользу: "У [соседей] Лодыгина и Козлова имеются дети, могущие оказывать помощь в обработке земли и сами они тоже состоят на службе в Короче и имели полную возможность получить другие усадьбы"⁶². Заметим, что серии подобных аргументов и контраргументов объективно присутствовали у обеих сторон, но победу в тяжбе выигрывал обычно тот, кто умел более ярко и убедительно доказать свою правоту. Принцип уравнительности оказывался мощным орудием, которое можно было использовать в корыстных целях.

Иждивенческие настроения, произрастая на изъятых землях, распространялись и на другие пространства имущественных отношений. 25 августа 1918 г. Фроловский комбед (Обоянский уезд) направил в волостной земельный комитет заявление с просьбой выдать зерна бедным крестьянам, "так как собрано хлеба мало, а земле прибавилось в этом году. И они хлеб свой высеяли на семена и у них не фатило досеять свое поле"⁶³.

По мере безвозмездного удовлетворения одних потребностей как снежный ком нарастали другие. Порождаемая этим установка на потребление сдерживала стимулы к производственной деятельности.

ВЫВОДЫ

Так как вопрос о допустимости частной собственности на землю не имеет однозначного решения, при попытках аграрных преобразо-

ваний в начале XX в. требовался взвешенный подход. Между тем в канун революций 1917 г. диспропорции в земельном строе царской России нарастали стремительными темпами, вследствие чего поистине чудодейственным казалось лишь радикальное решение всего комплекса проблем. В итоге альтернативные проекты, согласно которым предполагалось наделение сельских хозяев землей за выкуп, сокращение государственного земельного фонда и т.п., были отвергнуты. Крестьянство поддержало большевиков, выступающих за отмену частной собственности на землю и наделение ею трудового народа на уравнительных началах. Краеугольным камнем новых аграрных порядков стал принцип уравнительного землепользования.

Тем временем большевики, санкционировав масштабный передел земли, расценивали этот шаг всего лишь как тактическую уступку народным массам. По их замыслу, будущий земельный строй должен был воплотить в себе прагматическую и идеологическую цели. Первая из установок заключалась в предотвращении таких ситуаций, когда пересечение интересов учреждений и частных лиц мешало реализации государственных проектов. Большевистскую власть однозначно не устроили бы порядки, существовавшие, к примеру, в Англии XVIII в. Философ Г. Блэкстоун свидетельствовал, что права современных его землевладельцев уважаются даже тогда, "когда дело идет об общей пользе, есть либ например, надобно было сделать новую дорогу, и надлежало б проложить ее через земли какого-либо частного человека, то должно, чтоб правительство испросило наперед позволения у владельца оных земель"⁶⁴. В российских же условиях препятствия, могущие возникнуть только лишь в силу неовещественного права собственности, были – да и в настоящее время остаются! – величиной, которой можно пренебречь. В первые послеоктябрьские годы экономист Ю. Ларин упоминал в качестве преимущества ликвидации права частной собственности на землю то, что в результате такого шага устраняются все юридические препятствия на пути к рациональному перераспределению ресурсов. "Нет ни межей, ни границ земельных владений, проезд, проведение новых путей, прокладка проводов, труб и проч. зависят от простого решения соответствующего органа"⁶⁵.

Вторая, идеологическая, цель аграрных мероприятий большевиков состояла в воплощении постулата марксизма о необходимости обобществления крестьянских хозяйств. Курс на коллективное землепользование проводился посредством агитационных кампаний. Законо-

дательные акты все в большей степени давали преимущества развитию совхозов и коммун. Но несмотря на такие обстоятельства, основная масса крестьян устойчиво противодействовала обобществлению земли, выступая за сохранение свободы хозяйствования, пусть и существенно урезанной.

Опасаясь потерять опору в лице крестьянства, а значит и власть, в первые послеоктябрьские годы большевики не настаивали на повсеместном утверждении коллективных форм землепользования, что существенно укрепляло их позиции. Победу Красной Армии на фронтах гражданской войны в немалой степени обеспечила поддержка крестьянского тыла. Изъятие земли в прямом смысле, когда в личном пользовании крестьян остались лишь небольшие участки, советскому руководству удалось осуществить позднее, в период сталинской коллективизации.

Наделяя крестьян землей, безвозмездно отобранной у частных владельцев во имя "народного блага", большевики как приверженцы марксизма недооценивали возможных негативных впечатков в сознании тех, кому они делали добро. В частности, исключение сельскохозяйственных угодий из рыночного оборота приводило к тому, что многие хозяева, желая получить дополнительные территории под пашню, добивались этого путем подачи властям просьбы об изъятии требуемого земельного участка у других хозяев.

Пренебрежение правом собственности на землю вело к нивелированию прав граждан на владение другими видами имущества. "Упразднить собственность в одной только области жизни, оставив ее во всех других, – это было бы похоже на попытку выкопать яму на поверхности пруда", – предостерегал В.Г. Короленко⁶⁶. Любопытно, что советские лидеры обосновывали неизбежность экстремальных конфискационных мероприятий на более широкий круг материальных объектов интересами самих трудящихся. Так, по мнению В. П. Милютин, право крестьян на землю может быть упрочено "только в том случае, если власти капитала будет нанесен решительный удар по всему фронту", т.е. при условии национализации банков и предприятий⁶⁷.

Точно так же смелость большевистского правительства, решившегося в мае 1918 г. на издание декретов о принудительных хлебозаготовках, была обусловлена тем, что, по мнению партийных лидеров, крестьяне были заинтересованы в предотвращении голода. Предполагалось, что население боится голода потому, что он может повлечь

за собой гибель советского строя и, следовательно, восстановления помещичьих хозяйств в прежних границах⁶⁸.

Возможность изымать излишки жилой площади большевики получили с помощью юридической уловки, которую популярно объяснил Д.И. Курский: "Мы должны точно и ясно сказать, что предоставляем право частной собственности на строения, но не предоставляем права частной собственности на участки под этими строениями"⁶⁹. Таким образом, Декрет о земле явился знаменем глобальных имущественных катаклизмов.

Впоследствии право земельной собственности в России подвергалось существенным пертурбациям. Юридический статус российских земельных угодий окончательно не определен до настоящего времени, и тем явственнее предстает перед нами все несовершенство прав владения – распоряжения – пользования.

На доводы противников введения в России права частной собственности на землю влияет тот факт, что приватизация земельного участка означает его исключение из сферы общественных интересов.

Сторонники же того, чтобы доля пахотных и иных земель принадлежала частным владельцам, приводят не менее существенные доводы в свою пользу, главный из которых заключается в наличии у полноправного землевладельца "чувства собственника". Утверждается при этом, что гарантия незыблемости прав владения землей делает труд земледельца более усердным.

Таким образом, на сегодняшний день российские земельные угодья являются практически единственным видом имущества, в отношении которого вопрос о введении права собственности встречает столь серьезные разногласия. В качестве преодоления ситуации неопределенности предлагаются различные рецепты. Так, по мнению В. Тихонова земля должна получить статус многосубъектной общественной собственности⁷⁰, однако, на наш взгляд, реализация такого подхода не снимет поставленной проблемы. В силу этого представляется уместным компромиссный путь: поддерживая принцип многообразия форм собственности, закрепить за сельскими хозяевами широкие наследственные права, сохраняя за государством возможность при исключительных обстоятельствах вторгаться в зону частного интереса. Кроме того, необходимо введение более жестких санкций за ущерб природной среде. Заметим, что компромиссное решение проблемы и затягивание с определением статуса земельных угодий – далеко не одно и то же.

Примечания (глава 2)

- ¹ См.: Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: РОССПЭН, 1998. – С.6.
- ² Комитеты деревенской бедноты. Как организовать Комитет бедноты? Что дает Комитет бедноты? – Тверь, 1918. – С.4.
- ³ Карр Э. История Советской России. Кн.1. Том 1 и 2. Большевицкая революция. 1917-1923. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – С.430.
- ⁴ Пайпс Р. Русская революция. Ч.2. – М.: РОССПЭН, 1994. – С.185.
- ⁵ Революция в деревне в 1917 году. Воспоминания крестьян / Под ред. и с предисл. Я.А. Яковлева. – М.: Крестьянская газета, 1927. – С.24.
- ⁶ Милотин В.П. Земельный вопрос в России. – Пб., 1918. – С.5.
- ⁷ Андреев В.М. Российское крестьянство навстечу судьбе. 1917-1020. – М.: Изд-во МПГУ, 1997. – С.10.
- ⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1970). Изд. 8-е. Т.1. 1898-1917. – М.: Политиздат, 1970. – С.442.
- ⁹ ГАБО, ф.Р-398, оп.1, д.3, л.32.
- ¹⁰ Там же. В приведенном примере обращает на себя внимание простота языка, не свойственная нормативным актам, которую можно объяснить стремлением автора документа усилить воздействие на адресата и тем самым добиться максимально точного следования инструкции.
- ¹¹ Государственный архив Рязанской области, ф.Р-49, оп.1, д.140, л.79-79 об.
- ¹² Государственный архив Ярославской области, ф.Р-180, оп.1, д.25, л.13. Копия с затухающего оригинала.
- ¹³ См.: Кочетовская Е. Национализация земли в СССР. Изд.2-е, доп. – М.: Политиздат, 1952. – С.110-111.
- ¹⁴ Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. – М.: Политиздат, 1990. – С.346.
- ¹⁵ Генкин Д.М., Новицкий И.Б., Рабинович Н.В. История советского государства и права. – М.: Юрид. лит., 1949. – С.88.
- ¹⁶ Карр Э. История Советской России. Кн.1. Том 1 и 2. Большевицкая революция. 1917-1923. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – С.437. См. также: Ирошников М.П. Создание советского центрального государственного аппарата. Совет народных комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 – январь 1918 гг. Изд. 2-е. – Л.: Наука, 1967. – С.269.
- ¹⁷ Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991 гг.: Учеб. для вузов по спец. “История”. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во РГГУ, 1994. – С.50.
- ¹⁸ ГАБО, ф.Р-398, оп.1, д.3, л.5.
- ¹⁹ Там же, ф.Р-428, оп.1, д.1, л.22.
- ²⁰ Шестаков А.В. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма. – Воронеж, 1930. – С.29.
- ²¹ Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в советской России (1917-1921 гг.). – М., 1975. – С.94.
- ²² Подробнее см.: Никитина Н.Н. Советская власть и крестьянский мир в ходе выселения бывших помещиков из имений в 1920-е годы // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. – М.: МП “НВ Магистр”, 1993. – С.148-159; Говорков А.А. К вопросу о судьбе бывших помещиков после аграрной революции 1917-1918 гг (по материалам Курской губ.) // Из истории революций в России (первая четверть XX в.): Материалы Всеросс. симпозиума. Вып.1. – Томск, 1996. – С.155-158.
- ²³ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.5, лл.11об., 40об., 61об., 64 об.
- ²⁴ Там же, д.50, лл.240-241.
- ²⁵ Курский край в истории Отечества / Под ред. Л.С. Полнера. – Курск: КГТУ, 1996. – С.118.
- ²⁶ ГАБО, ф.Р-398, оп.1, д.3, л.127.
- ²⁷ Там же, ф.Р-520, оп.1, д.12, л.57.
- ²⁸ Там же, ф.Р-528, оп.1, д.5. л. 17-17об.; Там же, ф.Р-600, оп.1, д.4, л.52об.
- ²⁹ Там же, л. 33об.
- ³⁰ Карр Э. Указ. соч. – С.441-442.
- ³¹ Курский губернский земельный отдел. Земельный вопрос в нашей губернии. Отчет *му губ. съезду Советов за период с 1 января по 1 июня 1921 года. – Курск, 1921. – С.3.
- ³² Там же. – С.6-7.
- ³³ ГАБО, ф.Р-400, оп.1, д.2. л.64.
- ³⁴ ГАБО, ф.Р-398, оп.1, д.3, л.12.
- ³⁵ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.5, л.61об.
- ³⁶ Книпович Б.Н. Очерк деятельности Народного Комиссариата земледелия за три года (1917-1920). – М., 1920.
- ³⁷ ГАБО, ф.Р-428, оп.1, д.1, л.117.
- ³⁸ Там же, ф.Р-600, оп.1, д.4, л.52об.
- ³⁹ Там же, ф.Р-428, оп.1, д.1, л.118.
- ⁴⁰ Курский губернский земельный отдел... – С.10.
- ⁴¹ ГАБО, ф.Р-520, оп.1, д.45, л.24-25.
- ⁴² Там же, ф.Р-398 оп.1, д.3, лл.34, 125.
- ⁴³ Там же, Ф.Р-600, оп.1, д.5, л.4.
- ⁴⁴ Курский губернский земельный отдел... – С.13.
- ⁴⁵ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.5, л.6.
- ⁴⁶ Роголина Н.Г. Реформаторство XX в. и крестьянский менталитет // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). Материалы международной конференции. – М.: РОССПЭН, 1996. – С.230.
- ⁴⁷ ГАБО, ф.Р-398, оп.1, д.3, л.99об.; Там же, ф.Р-528. оп.1. д.5, л.2об.
- ⁴⁸ ГАБО, ф.Р-600, оп.1, д.4, л.57.
- ⁴⁹ Raleigh, Donald J. Languages of Power: How the Saratov Bolsheviks Imagined Their Enemies // The Slavic Review. – 1998. – Vol. 57. – No 2. – P.338.
- ⁵⁰ ГАБО, ф.Р-19, оп.1, д.10, л.36-36 об.
- ⁵¹ ГАБО, ф.Р-600, оп.1, д.17, л.16-16 об.
- ⁵² Там же, л.32 об.
- ⁵³ ГАБО, ф.Р-19, оп.1, д.10, л.10.
- ⁵⁴ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д. 9, л.45об.
- ⁵⁵ Там же, ф.Р-600, оп.1, д.17, л.13. 30 апреля 1919 г.
- ⁵⁶ Там же, ф.Р-520, оп.1, д.5, л.64.
- ⁵⁷ Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А. Плотникова: публикация и исследование текста / Подг. текста, предисл. и комментарий Б.И. Осипова. – Омск, Изд-во ОмГУ, 1995. – С.37.
- ⁵⁸ Белов Е.А. Борьба за Урянхайский край в 1915-1919 гг. // Отечественная история.– 1998.– №1.– С.62-63.
- ⁵⁹ Стихи и поэмы. 1917-1947. – М.: Правда, 1947.– С.88.
- ⁶⁰ АФО, ф.65, оп.1, д.108, л.5; ГАБО, ф.Р-386, оп.1, д.12, л.29.
- ⁶¹ ГАБО, ф.Р-600, оп.1, д.5. л.14.
- ⁶² Там же, ф.Р-520, оп.1, д.5, л.73-73об.

⁶³ Там же, ф.Р-398, оп.1, д.3, л.82. Там же, ф.Р-398, оп.1, д.3, л.82.

⁶⁴ Блэкстоун Г. Истолкования аглинских законов Г. Блэкстоуна, переведенные по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской с подлинника Аглинского. Кн. I. – М., 1780. – С.359.

⁶⁵ Цит. по: Мау В.А. Реформы и догмы, 1914-1929: Очерки истории становления хозяйства системы советского тоталитаризма. – М., 1993. – С.60.

⁶⁶ Короленко В.Г. Земли! Земли!: мысли, воспоминания, картины. – М.: Современный писатель, 1991. – С.113.

⁶⁷ Милотин В.П. Земельный вопрос... – С.3.

⁶⁸ Комитеты деревенской бедноты... – С.3-4..

⁶⁹ Курский Д.И. Избранные речи и статьи. – М.: Изд-во МЮ СССР, 1948. – С.89

⁷⁰ Тихонов В. Будущее человеческой цивилизации и России. Закономерности развития человеческого общества. – М.: Палея, 1996. – С.35.

ГЛАВА 3. ИЗЪЯТИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ

Процесс огосударствления частновладельческих предприятий будет анализироваться по общей схеме, разработанной для рассмотрения всех видов имущества, что позволит доказать гипотезу о сходстве и взаимоиндукции явлений, характерных для глобального кризиса собственности, в котором оказалась Россия в революционную эпоху. Термин "предприятие" мы будем использовать в расширенном значении, подразумевая под ним любое учреждение, осуществляющее предпринимательскую деятельность в области производства, торговли и услуг.

Понятие "национализация", употребляемое в научной литературе относительно отчуждения частновладельческих предприятий, в силу ряда обстоятельств примем с долей условности. Тому есть несколько причин. Во-первых, само это обозначение появляется в официальных документах не сразу после начала процесса, а несколько месяцев спустя. Во-вторых, как сообщает в своем исследовании Н.Н. Разумович, национализация производилась наряду с другими формами изъятий, такими, как "конфискация", "реквизиция", "секвестр", которые на практике почти не дифференцировались¹. В-третьих, современного историка и тем более правоведа не может не смущать этимология самого слова, буквально обозначающего переход частновладельческой недвижимости в *собственность всего народа*. Подобная проекция, по мнению Л.А. Морозовой, является юридически неопределенной и тем самым затрудняет реализацию имущественных прав².

Современник описываемых событий А. Атабекян, будучи противником большевиков, высказывал суждение, что национализация собственности сводится к ее захвату государственными органами³. Такой взгляд на проблему отражает лишь внешние ее контуры, вследствие чего из виду упускаются существенные моменты. Несколько ближе к истине был советский исследователь А.В. Венедиктов, понимавший под национализацией "обращение промышленных предприятий в собственность социалистического государства и тем самым – в общенародную собственность"⁴. За исключением финального аккорда это определение допустимо. Добавим, что национализация имела

принудительный и безвозмездный характер, являлась санкционированной центральной советской властью мероприятием и была направлена на воплощение в жизнь программного принципа большевистской партии.

Национализация предприятий как дозволенный при определенных условиях акт изъятия производственной недвижимости – удел не одной только Советской Республики 1917–1920 гг.: при соответствующих обстоятельствах от применения такого метода макроэкономического регулирования не отказывались и другие правительства.

Так, в предвоенной Германии широко применялся институт “прочесывания предприятий”. Суть его состояла в периодической проверке мелких и средних предприятий с целью приостановить деятельность некоторых из них⁵. Временное областное правительство Урала, функционировавшее с 19 августа по 4 ноября 1918 г., наряду с планируемым возвращением предприятий в руки частных владельцев, закрепило за собой право на повторную национализацию, о чем повествует Е.П. Сичинский⁶. Позднее перевод в государственную собственность отдельных промышленных объектов продолжал использоваться в мировой практике. В период после Второй мировой войны лейбористское правительство Англии национализировало Английский банк, угольную промышленность, а также железнодорожные предприятия. Во Франции государство осуществило возврат в свое ведение угольных копей, воздушного транспорта, Французского и четырех крупнейших депозитных банков, энергетических отраслей.

Суждение правоведа В.А. Белова о том, что социалистическая национализация являлась инструментом выживания экономики России в экстремальных условиях⁷, предполагает, что автор не усматривает принципиальных различий между большевистским типом национализации и тем, который и ранее, и позднее существовал в мировой практике. Между тем, рассматривая весь комплекс конфискационных мероприятий большевиков, мы попытаемся показать, что в данном случае *отчуждению предприятий сопутствовало систематическое и целенаправленное подавление частного производителя.*

Базовые антисобственнические установки, в том числе идею обобществления промышленности, большевистская партия черпала в теории Маркса-Энгельса. Классики марксизма предрекали: “Пролетариат воспользуется своей политической властью, чтобы постепенно вырвать у буржуазии капиталы, централизовав все орудия производства в руках государства, т.е. пролетариата, организованного как гос-

подствующий класс, и возможно скорее увеличить массу производительных сил”⁸. Кстати, область действия этого постулата после Октябрьской революции была распространена на все необходимые государству виды имущества.

Среди источников идеи обобществления производства, на которые опирались большевистские лидеры, вслед за Р. Пайпсом выделим также практику германского “военного социализма” времен Первой мировой войны и предложение Луи Блана заменить свободный рынок сетью государственных распределительных центров. Американский историк напоминает, что, согласно марксистской концепции, национализация предприятий должна была произойти посредством издания единого законодательного акта при достаточно высокой концентрации производства и распределения в условиях развитого капитализма⁹. Большевикам, однако, приходилось действовать усиленно и ускоренно, не дожидаясь созревания упомянутых К. Марксом предпосылок.

В отличие от не раз обсуждавшегося в партийных кругах проекта решения аграрного вопроса положение о национализации промышленности вошло в план действий РСДРП (б) относительно поздно, в августе 1917 г., и квалифицировалось официально лишь в качестве средства преодоления разрухи, но не как следование марксизму и тем более объективным законам, на которые вслед за И.В. Сталиным¹⁰ ссылались некоторые историки советского периода. После прихода большевистской партии к власти постулаты марксизма начали доминировать, однако можно предположить, что манипуляции с крупной собственностью производились не в последнюю очередь в силу отсутствия преград для их осуществления при очевидной политической и кажущейся экономической выгоде для государства.

Правовая база национализации

Значимость предприятий в структуре недвижимого имущества макроэкономики страны предопределила появление в конце 1917–1920 гг. большого количества нормативно-правовых актов, регламентирующих порядок обращения промышленных объектов в собственность государства.

В период от установления власти большевиков до конца июня 1918 г. сталкивались тенденции единовременной и перманентной национализации. Первая из них вскоре была отвергнута, и потому в государственную собственность стали переходить только *отдельные* предприятия.

Уже через два дня после штурма Зимнего издается постановление "О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле", логика которого постепенно наводит на мысль о допустимости и праве государственных структур производить безусловное изъятие частновладельческой недвижимости. Обратим внимание на последовательность встречающихся в документе формулировок прав учреждений: "взять (предприятия) под свой надзор и руководство"; городские самоуправления "имеют право превратить рестораны в трактиры и общественные столовые"; "секвестрировать" торговое или торговое-промышленное заведение и, наконец, "конфисковать все частные предприятия, необходимые для продовольственного дела, а также продукты, предметы, аппараты, транспорт"¹¹. 17 ноября 1917 г. была национализирована Ликинская мануфактура¹².

Оттягивание решения вопроса о национализации радикальному крылу большевиков представлялось равнозначным отходу от социалистической идеи. 14 декабря 1917 г. В.И. Ленин представил на рассмотрение ВСНХ законопроект о национализации всех промышленных предприятий, но большинство присутствующих на заседании сочло этот проект неосуществимым. В последующие месяцы продолжались "неуверенные и спотыкающиеся" (Э. Карр) шаги по направлению к массовому выбрасыванию частника из сферы крупного производства. Весной 1918 г. поступь революции становится более твердой, и в соответствующих декретах обоснования конфискаций делаются все более размытыми, а иногда и вовсе начинают исчезать.

С мая 1918 г. объектами национализации становятся целые отрасли: 2 мая под юрисдикцию государства переходит сахарная промышленность и ряд других отраслей. Курс на углубление конфискационной политики подтверждается первым съездом ВСНХ (конец мая 1918 г.) и окончательно обретает силу с выходом декрета от 28 июня об обращении в государственную собственность всех важнейших отраслей промышленности¹³.

Санкционирование на правовом уровне конфискации предприятий раздвигало масштабы применения этой меры на практике. Издаваемые в дальнейшем нормативные акты являлись уже логическим следствием в рамках заложенной правовой базы. Ход самих изъятий поддерживался напряженным идеологическим полем. Как итог, сохранение за частным владельцем средств производства стало не правилом, а исключением: декрет от 25 апреля 1920 г. оставлял за собственником только те объекты производства, где трудилось не более

десяти, а при наличии механического двигателя – не более пяти человек.

Лингвист Б.И. Осипов, изучая сборник "Декреты Советской власти", отметил, что "среди несметного количества декретов подавляющее большинство составляли акты о национализации", доля же документов, относящихся к прочей тематике, была ничтожно малой¹⁴.

Большое количество декретов отнюдь не означало детальной регламентации всех сторон конфискационного акта. По словам Н.Н. Разумовича, советское законодательство, не определяя в деталях всех вероятных действий уполномоченных структур, "представляло самые широкие возможности для революционного творчества рабочего класса и его союзников"¹⁵. Подчеркнутое равнодушие законодателя к процессу национализации конкретного объекта, а значит, передача прерогатив местному административному аппарату, все в большей степени способствовали ущемлению предпринимателей. Действие негативных факторов на ход производства при этом усиливалось, возникла производственная аритмия, снижалось качество выпускаемой продукции, что усугубляло кризисные явления в экономике.

Так как действовал принцип революционной законности и не регламентированные декретами ситуации нередко трактовались по аналогии с существующим законодательством, большое количество "конфискационных" декретов само по себе служило декларацией допустимости изъятия других видов имущества. Правовая база национализации приобретала универсальный характер.

Деятельность уполномоченных структур

Судьбу объектов предпринимательской деятельности первоначально могли определять Советы (ревкомы), обладающие многочисленными полномочиями, либо городские самоуправления. Однако, понимая важность производственной сферы, большевики почти сразу придали национализации общегосударственное значение, обнародовав 2 декабря 1917 г. декрет об организации Высшего Совета народного хозяйства. Новообразованному органу предоставлялось право манипулировать правом собственности на предприятия вплоть до безвозмездного отчуждения их у частника. В 1918–1920 гг. создавалось бесчисленное множество подведомственных ВСНХ главков. Оформление всей этой системы учреждений, призванных осуществлять национализацию и только во вторую очередь координировать производство, по существу отрицало чрезвычайный характер конфискационных

мероприятий, которые переводились в ранг рутинной канцелярской работы.

Дела о национализации имели право возбуждать фабрично-заводские комитеты, профессиональные союзы, органы местной администрации, отраслевые структуры и, наконец, центральная власть. Л.А. Коган, говоря о мероприятиях первых послеоктябрьских лет, замечает: "Многое в этом направлении делалось сторяча, импровизированно, в азарте борьбы. Большую роль играло нетерпение, желание ускорить ход истории"¹⁶.

На первых порах (с весны 1917 до середины 1918 гг.) предварительной ступенью к огосударствлению крупных и части средних промышленных объектов был рабочий контроль, узаконенный Положением от 14 ноября 1917 г. Декларирование рабочим права наблюдения за некоторыми сторонами деятельности предпринимателя казалось небывалым по тем временам шагом в сторону демократии.

Советские историки склонны были идеализировать красного пролетария, получившего долгожданный доступ к управлению предприятием. Авторы научных трудов стремились показать развитие у основной массы рабочих чувства хозяина производства, отмечая происходящие позитивные сдвиги в отношении к труду и народному достоянию¹⁷. Л.Е. Анкудинова пишет: "Приветствуя социалистическую национализацию предприятия, рабочие, как правило, отвечали на это повышением производительности труда, укреплением дисциплины"¹⁸. Полемизируя с подобным взглядом, Э. Карр указывает на случаях, когда рабочие присваивали средства национализированных предприятий либо продавали запасы и оборудование в своих собственных интересах¹⁹. Конечно, если судить в целом, картина получится мозаичной, но так или иначе появление в рабочей среде ростков самоорганизации неоспоримо. Вместе с тем при явной неподготовленности почвы и усиливающимся давлением государственного прессы эти ростки попросту не могли развиваться, и они исчезали, так как, согласно универсальному закону возрастания энтропии, при отсутствии энергетической подпитки извне любая система стремится к хаосу.

На практике рабочий контроль изначально не мог стать органичным компонентом экономики предприятий. Если официальные декреты провозглашали широкие права трудящихся, то параллельно издававшиеся "практические указания" однозначно определяли, что в результате внедрения рабочего контроля фабрикант становится ад-

министратором, выполняющим *общегосударственный* план, а рабочие получают возможность и обязанность проявлять интерес к ходу производственного цикла и "помнить, что они работают для общест-ва"²⁰.

По мере усиления позиций большевиков их действия по закручиванию гаек в области управления производством диктовались естественным желанием не оставлять промышленность без опытного хозяина, роль которого дочерние структуры ВСНХ перепоручали скорее бывшим владельцам предприятий, нежели пролетариям.

Оптимальное сочетание демократичного руководства предприятием с успешным функционированием последнего, по-видимому, не выработано до сих пор. Опыт стран Западной Европы по превращению рабочих в держателей акций и приданию открытости отчетной документации, за исключением сведений, содержащих коммерческую тайну, показывает, что все участники производственного процесса могут быть интегрированы в административно-хозяйственную сферу, но в ограниченных пределах, не мешающих нормальной работе предприятия.

Подводя итог своим высказываниям о рабочем контроле, Н. Верт с иронией заключает: "Рабочий контроль, ведущийся очень неумело, на некоторых предприятиях в период июня-октября 1918 г. сменился государственным "рабочим контролем" над самими рабочими, неспособными организовать"²¹.

Прежде чем приступить к национализации, государственные органы пытались выяснить различные характеристики производственных объектов, для чего производились меры по учету и контролю.

Ряд моментов, отражающих подготовку акта национализации по инициативе "снизу", охарактеризуем на примере отношения комитета фабрики Разореновых (с. Вичуга Иваново-Вознесенской губернии) в губернский совнархоз:

1) "на случай национализации" избирались кандидаты от фабзавкома, профсоюза и технического персонала, а затем утверждались общим собранием рабочих;

2) в отраслевое управление [в данном случае – Центротекстиль] командировался делегат с довольно обширной документацией, включавшей протоколы общего собрания рабочих и фабрично-заводского комитета, мотивированное заявление о необходимости немедленной национализации, подробные сведения о финансовой и технической сторонах предприятия²².

В фондах уездных исполкомов и совнархозов Государственного архива Белгородской области имеются сведения об отдельных аспектах национализации сахарных, чугунолитейных, меловых и др. заводов, а также типографий, кинематографа, чайных, бань, аптек, мельниц.

МОТИВЫ ПРОВЕДЕНИЯ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Большевистское правительство, отменив частную собственность на землю единовременным актом, в отношении предприятий опасалось действовать подобным образом. В ходе реализации проекта перманентного огосударствления предприятий властям приходилось мучительно искать достаточно веский повод для каждого очередного конфискационного вмешательства. С течением времени скорость процесса национализации возрастала по экспоненте – соответственно расширялась и амплитуда допустимых мотивировок, да и сами они становились все более размытыми.

Изъятие производственных объектов за правонарушения

Презумпция изначальной виновности самих промышленников, за которую они должны были расплачиваться исключительно лишением прав на принадлежащие им производственные объекты, являлась той защитной стеной, за которую прятались идеологи национализации на начальном этапе ее осуществления.

Выступая на первом всероссийском съезде совнархозов, А.И. Рыков подчеркивал: национализация "производилась независимо от вопросов снабжения, от хозяйственных соображений, а исходя исключительно из необходимости непосредственной борьбы с буржуазией"²³. Позднее такую позицию разделит советский историк П. Насырин²⁴.

В чем же заключался состав преступления владельцев предприятий, оказывающийся достаточным для проведения (во внесудебном порядке!) конфискационных мер?

Широко практиковались акты конфискации производственной недвижимости за неподчинение фабрикантов советскому законодательству, главным образом, декретам о введении рабочего контроля и демобилизации²⁵. Еще легче было приписать нарушения торговым предприятиям. 28 декабря 1918 г. исполнительный комитет Новоскольского уезда в ответе на запрос упродкома указал: "Лавка Союза приказчиков была закрыта за явную спекуляцию [и передана рабочему кооперативу]"²⁶.

Конфискационные меры принимались и при менее серьезных правонарушениях, видимо, уже по инерции.

Декретом от 30 декабря 1917 г. конфисковывалось все движимое и недвижимое имущество фабриканта Путилова ввиду того, что заводчик "на вызов следственной комиссии при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов в установленный срок не явился"²⁷.

Предприниматели могли быть лишены своей собственности даже без формального нарушения декретов с их стороны. Работа частных владельческих предприятий оценивалась теперь исключительно с позиции того, насколько она соответствовала интересам большевистского государства. В силу такого подхода вполне допустимой стала мотивировка "ввиду задолженности казне и неумелого ведения производства". 16 декабря 1918 г. была произведена конфискация Общества электрического освещения 1886 г. за то, что оно, "получая в течение целого ряда лет правительственные субсидии, своим управлением привело предприятие к полному финансовому краху и конфликту со служащими, грозящими прекратить работы предприятия"²⁸. Аналогичная мера наказания применялась "ввиду оставления предприятия правлением или владельцем"²⁹. Легитимность подобных мотивировок была закреплена декретом от 28 июня 1918 г.

Особое раздражение советских хозяйственных руководителей вызывал саботаж – приостановка предприятия на более или менее длительный срок. Существовавшее до революции законодательство страховало рабочих от массовых увольнений, ограничивая тем самым абсолютное право собственности предпринимателей, однако конфискации производственных объектов в таких случаях не предполагалось³⁰. В советских же декретах ссылки на правовые нормы были подменены моральной оценкой владельцев приостановленных предприятий.

Известный акт о национализации Ликинской мануфактуры от 17 ноября 1917 г. гласил: "1) Закрытие фабрики, исполняющей заказы на армию и обслуживающей нужды беднейших потребителей, – недопустимо; 2) материалы по обследованию дел на фабрике указывают на злую волю предпринимателя, явно стремящегося локаутировать рабочих, саботировать производство"³¹.

Обоснование правоты с позиции морали, выраженное с помощью искусных риторических приемов, оставалось ориентированным на чувства – не на разум. Однако при отсутствии ссылок на юридические нормы – критерий достаточно независимый – любое доказательство правоты могло быть с легкостью нейтрализовано контраргументами

оппонента. В обстановке, когда непрерывно подчеркивалась ничтожность прав частных владельцев на принадлежащую им недвижимость, реакцией последних выступало чувство собственника. Оно проявлялось в нежелании продолжать деятельность вкуче со стремлением отомстить государственной власти, которая лишила предпринимателей самого главного – стабильности. В итоге каждая сторона оставалась уверенной в собственной правоте, а это усиливало социальную напряженность.

Таким образом, понятие “нарушитель” трактовалось пространно: под таковым подразумевался всякий, чьи действия были нежелательны для представителей государства. И даже если отдельные документы не позволяют оспаривать виновность хозяев предприятий, следует обратить внимание на несоответствие степени тяжести правонарушений форме наказания и его целям.

Ведение предпринимательской деятельности достаточно часто влечет за собой мелкие проступки, совершаемые без злого умысла, и наказание призвано служить профилактике таких правонарушений. В действиях же советских органов власти явно просматривается “накопительный инстинкт” – стремление не столько проучить нарушителей порядка, сколько пополнить фонд государственной собственности.

В.П. Милютин, описывая акты изъятия недвижимости как средство борьбы с саботажем, делает вывод: “Мы видим, что процесс национализации в силу естественных экономических условий обратился именно туда, куда должен был обратиться, т.е. в сторону.. тяжелой индустрии”³². Трудно представить, что имелось в виду под “естественными экономическими условиями”. Вероятно, они всецело определялись обстановкой на политическом Олимпе.

Г.А. Трукан указывает на соответствие политики национализации идеологическим убеждениям большевиков³³. Н.Н. Разумович, говоря о национализации как о карательной мере, признает, что при этом “не упускалась из виду и такая задача, как строительство экономической базы социализма”³⁴.

Национализация в целях удовлетворения безопплагодательных государственных потребностей

Громогласно объявить государственную необходимость достаточным условием любого рода изъятий большевистское правительство не решалось даже тогда, когда в руках частных собственников были оставлены лишь самые мелкие предприятия. Вместе с тем по мере из-

живания представлений о собственности как о социально значимом институте, потребности государства в частновладельческом имуществе нарастали как снежный ком.

Претендентами на принадлежащую частному лицу производственную недвижимость в первую очередь становились военные. 11 декабря 1920 г. Велгородский уездный исполком по просьбе артиллерийского дивизиона направил в совнархоз распоряжение “в срочном порядке принять соответствующие меры к отводу.. кузницы частного владельца Жигалова Сергея”. Основанием для отчуждения мастерской служило отношение, предъявленное начальником 2-й Легкой батареи Временного артдивизиона, в котором говорилось, что дополнительные помещения крайне необходимы для “урегулирования бригадной кузницы”, которая должна выполнить “спешные работы по ремонту обоза и ковке лошадей для отправляемого на фронт сводного Тяжело-гаубичного дивизиона”³⁵.

Представителям власти казалось, что акты изъятия имущества, произведенные во имя удовлетворения насущных потребностей государственных структур, являются морально санкционированными, и потому неизбежность таких мероприятий не должна вызывать негативной реакции со стороны населения. Однако данное убеждение опровергалось рядом обстоятельств.

Во-первых, собственнику представлялся несправедливым выбор подлежащего отчуждению производственного объекта. Во-вторых, что намного серьезнее, глубокой драмой оборачивалось прощание частного с производственным объектом навсегда. Заметим, в том же распоряжении о кузнице речь шла отнюдь не о временном ее изъятии. Трудно расставаться по принуждению с любой вещью, но ведь собственник понимал отличительную черту предприятия как вида имущества, предназначенного для неоднократного использования. Должностные лица могли, но не желали довольствоваться разовым удовлетворением чрезвычайных потребностей государства и не хотели в дальнейшем при необходимости повторно обращаться к частнику за содействием.

И снова мы видим, что истинная цель, преследуемая властью при изъятии имущества: удовлетворение государственных потребностей на перспективу – отличалась от декларируемых мотивов (удовлетворение неотложных потребностей, равно как и пресечение правонарушений). Все конфискационные акты были направлены на воплощение в жизнь плана тотальной национализации.

Расширенное понимание государственной потребности

В силу объективного закона наименьших энергетических затрат переход единичного явления в повторяющееся происходит более легко, чем трансформация из состояния покоя в состояние движения. Если допускается одно исключение из правил (в сфере имущественных отношений – рассмотренные случаи, свидетельствующие об усилении нажима государства на частника), то остановить начавшийся процесс уже оказывается невозможным.

Формулировки типа “ввиду важного государственного значения” начинают появляться в отдельных документах с марта 1918 года. Упоминаемое “государственное значение” чаще всего состояло в декларировании необходимости подъема экономики страны в целом. Юридическое подтверждение принципу экономической целесообразности огосударствления предприятий было дано в декрете от 28 июня 1918 г. о национализации всех важнейших отраслей промышленности во имя “решительной борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой”.

Узаконения центральной советской власти придавали актам национализации придавали актам национализации все большую степень легитимности, являлись питательной средой для возрастания числа несанкционированных изъятий производственного имущества на местах. Кстати, вплоть до начала нэпа позиция большевиков по данному вопросу соответствовала принципу “Пусть сильнее грянет буря!”

Мотив национализации предприятий начинал абстрагироваться: с течением времени из соответствующих официальных документов постепенно исчезало упоминание о конкретных нуждах государства, предельно изъятие данного хозяйственного объекта.

Первые попытки обосновать национализацию общественными интересами предпринимались уже на раннем этапе советской истории. 5 марта 1918 г. Исполнительная коллегия агитационно-организационного отдела Ярославского Совета обсуждала вопрос о национализации кинематографа. По мнению ярославских большевиков, переход этой отрасли в ведение государства признавался возможным и даже необходимым исключительно во имя того, “чтобы кинематограф потерял свою порнографическую и развращающую сущность, а служил бы местом поднятия психологического уровня демократических масс”. Далее в документе говорилось: “Нынешний кинематограф, представляющий собою частную собственность и один из плохих ак-

тов эксплуатации масс – должен уйти, на смену ему должен прийти кинематограф национализированный, советский”. Кстати, из виду не упускалась и экономическая выгода: представители власти надеялись, что кинематограф после огосударствления будет урезать “колоссальнейшие прибыли предпринимателей”, наполняя доходом советскую кассу³⁶.

17 октября 1918 г. в той же губернии вышло “обязательное постановление” Любимского уездного совнархоза о национализации городских торгово-промышленных предприятий. В начале документа было определено, что указанная мера принимается “в целях подчинения общественным интересам всей торговли для упрочения диктатуры рабочего класса и бедноты”³⁷. Мы видим, насколько абстрактно был истолкован мотив национализации. Идеологема “диктатура пролетариата” на большевистском языке одновременно обозначала всевластие РКП(б) и “высшую форму демократии”. Правда, для пущей убедительности в текст постановления был включен мотив народного блага: по замыслу предполагалось так разместить государственные лавки в городе и уезде, “чтобы каждому гражданину близко и легко можно было покупать [продукты] без всяких хвостов и очередей”³⁸. Со случаями усердной заботы о пространстве, заботы, осуществляемой властью в ущерб интересам хозяина-частника, мы еще столкнемся, исследуя судьбу жилых помещений.

В нормативных актах, содержащих мотив абстрагированной государственной пользы, “заказчиком” выступало уже не отдельное учреждение, а сам народ, поскольку считалось, что все мероприятия большевиков проводились в соответствии с его интересами. В каких неприглядных формах мог проявиться “общенародный интерес”, видно из направленного в Белгородский ревком 17 января 1919 г. заявления владелицы картузной мастерской М.А. Черниковой. Содержание документа таково: в ноябре 1918 г., когда в городе действовала гайдамацкая администрация, М.А. Черныкова уехала в Харьков лечиться, оставив дома сына Залмана вместе с прислугой, а в мастерской – работника Арона Иоффе. Когда ожидалось наступление Красной Армии, Залман поехал в Харьков, чтобы привезти Марию Абрамовну в Белгород, однако возвратиться к намеченному сроку им не удалось. И в это время, по словам заявительницы, “вышеуказанный мастер Иоффе, пользуясь моим отсутствием, забрал из квартиры моей некоторые вещи, сам скрылся неизвестно куда, а затем подал в Чрезвычайную Комиссию заявление о моем выезде и отдал туда же

ключи от мастерской”³⁹. Данный пример иллюстрирует не столько акт конфискации предприятия отсутствующего владельца (о судьбе прав на картузную мастерскую нам неизвестно), сколько готовность отдельных “трудящихся” всемерно угождать большевистской власти.

Энергия конфискаций вызвала все более слабую реакцию со стороны общества; обратно пропорциональная зависимость: чем больше усилий – тем слабее резонанс – приводила к тому, что количество предприятий, отчуждаемых под знаменем удовлетворения общенародного интереса, было крайне велико – под такое обоснование могли подходить целые отрасли. Острые чувства пострадавших становились все более латентными, и тем обоснованнее казались властям дальнейшие меры по изъятию имущества.

Тот факт, что в июле 1920 г. последовал приказ Курского губисполкома открыть бесплатные зубные лечебницы и ликвидировать все частные⁴⁰, свидетельствовал, что в управленческих кругах утвердилось преждевременное представление об “аутсайдерской” роли частной врачебной практики, как и предпринимательства в целом, причем способность государства самостоятельно координировать сектор услуг была явно преувеличенной. Власть, уверовав в созданные ею самую идеологию, в одностороннем порядке стремилась приравнять их к “общественным интересам”.

Национализация как следствие других конфискационных мероприятий

Такой способ обоснования конфискационного акта охарактеризуем на примере, когда изымаемое помещение – средство предпринимательской деятельности – по инициативе органа власти превращалось в жилую площадь. Мелкий собственник оказывался при этом между Сциллой и Харибдой: над ним висела угроза как национализации, так и “уплотнения”.

В августе 1918 г. Новооскольский Совет постановил занять под государственное учреждение часть дома, которую снимал зубной врач Б. Иваницкий–Василенко. Хозяину вместе с семьей и прислугой, помогавшей ему в частной практике, были оставлены лишь две комнаты⁴¹.

Совмещение конфискационных мероприятий объясняется их многочисленностью и беспорядочностью, а также желанием властей перепрофилировать все недвижимое имущество в соответствии с субъективными потребностями.

Изъятие “остатка”

Успехи национализации под знаменем “общественного интереса” способствовали тому, что большевики начинают форсировать курс на окончательное устранение частника из сферы рыночных отношений. На первый план выдвинулась установка исключить мелкие и кустарные предприятия из товарно-денежной системы, подчинить их контролю сверху⁴². В том, что кустари решительно не желают вступать в артели, товарищества и союзы, виделась главная причина наблюдавшейся порой слабой производительности их труда⁴³. Более существенным фактором перехода к сплошной национализации было, скорее, естественное желание большевиков довести начатое дело до конца, подобно тому как после изготовления металлического предмета требуется удалить заусеницы. Остатки предпринимательской инициативы задевали честолюбие сторонников безраздельного господства социалистической собственности.

В.П. Милютин объясняет переход к широкой практике национализации в своем традиционном ключе: “...Процесс выбрасывания капитализма из всех отраслей промышленности неизбежен...” По этой причине, считает автор, “мы должны.. брать все, что мы можем взять для целесообразного использования”⁴⁴. Сомнительно, верил ли сам Милютин в начальные слова приведенной цитаты; фраза, следующая далее, была основой государственной политики; конец же приведенного высказывания История не расслышала.

Из постановлений уполномоченных структур о национализации предприятий стали исчезать более или менее убедительные мотивировки. 7 марта 1920 г. Алексеевский уездный совнархоз постановил объявить собственностью Республики с утверждения губернского совнархоза следующие производственные объекты: в слободе Волоконовка – чугунолитейный завод, в Волоконовской волости – водяную вальцовую мельницу бывшего Пятницкого монастыря, в г. Алексеевке – медовую баню, паровую вальцовую мельницу товарищества “Дружба” и паровую мукомольную мельницу Косенко, в слободе Дмитриевка – анисовый завод Габеркорн⁴⁵.

На микроуровне рассматриваемый процесс “удаления заусениц” выражался так: поскольку эффективная экономическая деятельность может осуществляться лишь при наличии комплекса экономических связей между хозяйствующими субъектами, постольку многие предприятия, будучи вырванными из сети экономических отношений,

после их национализации оказывались недееспособными. В.В. Коновалов отмечает, что причиной тому было наличие “тысячи нитей”, связывающих мелких производителей с целостным народно-хозяйственным организмом России⁴⁶. Если элементы инфраструктуры оставались в собственности частных владельцев, то во взаимоотношениях внутри хозяйственного комплекса нередко возникали трения, связанные, как правило, с нежеланием главка – нового хозяина предприятия – удовлетворять индивидуальные интересы. В таких случаях единственно возможным выходом из постоянных конфликтных ситуаций властям казалось лишь обращение производственного объекта в собственность государства. Противодействия такому акту со стороны вышестоящих структур практически не возникало.

9 декабря 1918 г. Пензенский губернский совнархоз, решая судьбу электростанции, подающей энергию на мыловаренный Хрипуновский завод, постановил: “Управлению Национализированных Предприятий приступить к национализации этой электрической станции, необходимой для национализированного Мыловаренного завода бывш[его] Хрипунова”⁴⁷.

Аллергия на соседство частника возникала также в случае параллельного производства однотипной продукции.

Поражает своей эгоистической тенденциозностью составленное в марте 1918 г. заявление Екатеринодарского профсоюза рабочих печатного дела, суть которого – недовольство переходом под крыло данной организации только части городских типографий: “такая постановка этого вопроса слишком осложнит и поставит в затруднительное положение союз, т. к. в наличии остаются еще частные типографии, которые будут затруднять ведение дела как конкуренцией..., так и тем обстоятельством что работа и материалы будут отвлекаться в сторону”. Далее следовала просьба о национализации всех типографий⁴⁸.

На макроуровне рассмотренные нами частные случаи соответствовали общему ходу национализации средних и мелких предприятий, производившейся в конце 1918–1920 гг. Апогеем такой политики стал вышеупомянутый декрет от 25 апреля 1920 г. Причины резкого углубления национализации трудно объяснить, даже признавая справедливость абстрактного мотива государственной необходимости. Р. – Пайпс категорично заявляет: “Эти беспрецедентные меры вовсе не были продиктованы условиями военного времени. Наоборот, они проводились несмотря на то, что в стране шла гражданская война”⁴⁹.

Иными словами, это был акт волюнтаризма, не соотношенный с реальными историческими предпосылками.

Отмену частной собственности на все производственные объекты, кроме мельчайших, В.И. Ленин обуславливал опасением, что под влиянием питательной среды кустарного производства может наступить возрождение капиталистического строя. Всеобщая национализация при этом вполне соответствовала идеологическим и прагматическим интересам местного административного аппарата, не желавшего мириться с существованием самостоятельной экономической силы.

СУДЬБА НАЦИОАЛИЗИРОВАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Позитивный результат любого мероприятия может проявиться только тогда, когда оно на всех этапах своего осуществления в равной степени, без перебоев, обеспечивается энергией своих вдохновителей. Относительно национализации промышленности мы можем утверждать, что весь энтузиазм власти и поддерживающих ее масс направлялся именно на акты изъятия, тогда как на заявленную в начале периода цель отчуждения – подъем производства – не хватало уже ни материальных, ни моральных сил.

Корни многих издержек в управлении национализированными предприятиями таились в избранных большевистским правительством постулатах. В частности, использовался принцип единства фонда государственной социалистической собственности: новый владелец изъятых средств производства персонифицировался в неделимом сверхобразе Государства вне зависимости от непосредственно управляющей структуры и от того, в бюджет какого этажа власти направлялась прибыль⁵⁰. При таком порядке хозяйствования члены производственного коллектива – от директора до рабочего – не чувствовали зависимости между степенью вложенного труда и благосостоянием завода (в качестве критерия благосостояния мог бы выступать размер личных доходов). Как отмечал современник описываемых событий С.Н. Прокопович, главной причиной упадка промышленности было “уничтожение стимулов к напряженному и квалифицированному, вообще высокопроизводительному труду”⁵¹.

Аморфность единого фонда огосударственной собственности по принципу бездонной бочки влекла за собой сепаратизм в пользовании материальными благами со стороны тех, кто получил право ими распорядиться. В ноябре 1918 г. заведующий Новооскольской ти-

пографией бывший ее владелец Халхвин жаловался, "что в настоящее время хозяином типографии является почти каждый отдел Исполкома, что каждый из них старается, чтобы [была] сделана прежде всего только его работа"⁵². По идее, у советских служащих, работающих на благо страны, почва для злоупотреблений попросту отсутствовала. На практике же интересы государства трактовались сквозь призму интересов конкретного учреждения, которые определялись субъективно.

Экономическому сепаратизму на местах была созвучна бесхозяйственность со стороны некоторых центральных органов власти. 18 января 1919 г. заместитель председателя Тамбовского губернского совнархоза Мусс телеграфировал В.И. Ленину: "Тамбовской губернии моем сведении имеется масса разных товаров сырья кустарных изделий что лежит без движения гниет беспощадно...[в то время как главки, ссылаясь на отсутствие необходимых декретов, препятствуют работе по преодолению кризисной ситуации]"⁵³. Повышенная эмоциональная напряженность текста телеграммы свидетельствует об отчаянии автора, безуспешно борющегося с проявлением бюрократизма.

Даже существенные издержки в управлении национализированными предприятиями не давали повода большевистским лидерам усомниться в целесообразности национализации. Идея абсолютного приоритета "социалистической", "общенародной" собственности на средства производства на протяжении всего рассматриваемого периода оставалась незыблемой. В 1918 г. В.П. Милютин заявлял: мы должны (!) национализировать нефтяную промышленность, "хотя я закрываю глаза на то, что это вызовет известное падение производства и расстройство управляющего аппарата, но вместе с тем это экономически неизбежно"⁵⁴. На фоне кажущихся идеологических преимуществ власть недооценивала шлейфа хозяйственных недоразумений. Энтузиазм верхов подхватывали органы местной администрации. 15 октября 1918 г. Новооскольский уездный исполнительный комитет, решая вопрос о возможности временной передачи мельницы Маркова Союзу кредитных товариществ, заметил, что Совет народного хозяйства национализировать предприятия "не для того, чтобы передавать их в арендное пользование, а [затем, чтобы] своими техническими и экономическими средствами [их] эксплуатировать"⁵⁵.

Да и к чему было большевикам признавать поражение их экономических принципов, если с середины 1918 г. РКП (б) безраздельно господствовала на политическом Олимпе? Эликсир от полной

остановки производства был найден иным способом. Поистине феноменальным шагом кажется нам привлечение к "общественно-полезному" труду бывших собственников.

Сигналом к началу использования на советских предприятиях "буржуазных специалистов" стала речь Л.Д. Троцкого 1 апреля 1918 г.: "Правительство нуждается в специальных силах, а потому берет на службу всех вчерашних саботажников - инженеров, врачей, бухгалтеров и т.д., которые убедились в том, что надежды их на падении советской власти пали"⁵⁶.

Для ведения дел на крупных предприятиях по решению органов власти назначались "комиссары" и по два директора - технический и административный. В то время как технический руководитель - бывший хозяин или управляющий - управлял производственным процессом, директор административный (позже поименованный "красным"), являясь членом партии, контролировал своего коллегу на предмет соответствия его деятельности интересам государства⁵⁷.

Любопытно, что государственное управление предприятиями не сводилось только к национализированным объектам. Возможности относительно независимого функционирования мелкого частного предпринимательства к 1920 - началу 1921 гг. становились все более узкими. Ограничения прав владельца распоряжаться своей собственностью выражались, например, в следующем.

1. Со стороны государственных учреждений по отношению к частнику допускались категорические требования жертвовать производственным имуществом. В докладе Алексеевского уездного Совнархоза в Исполком от 19 февраля 1920 г. указывалось на необходимость "снять электрическую арматуру без проводов на заводе Бокарева на 18 ламп"⁵⁸.

2. Промышленники по требованию местной власти должны были выполнять определенные повинности. 17 октября 1918 г. на заседании членов Корочанского Исполкома и потребительского общества служащий Зак объявил: в уезде "имеется много частных сушилок; все они будут использованы для овощей, полученных от товарообмена"⁵⁹.

3. Уездные, волостные и сельские Советы нередко детально регламентировали порядок деятельности частновладельческих объектов. Мелочная опека со стороны аппарата иногда доходила до курьезов. 30 января 1920 г. Исполнительный комитет Алексеевского уезда издал постановление о бане гражданина Петренко, указывая, во-пер-

вых, размер платы за услуги – 10 рублей со взрослого и 5 рублей с ребенка возрастом 3–10 лет, и во-вторых, ограничивая время пребывания в бане одним часом. Даже губернское руководство, получив из Алексеевки копию протокола, пришло в недоумение, написав резолюцию: “Запросить, чем руководствовались”⁶⁰.

Старооскольский предприниматель Дятлов сам обратился в местный совнархоз с просьбой национализировать принадлежащую ему мельницу, не желая, чтобы мельничное хозяйство, в дела которого постоянно вмешивался исполком села Каплина, пришло в полный упадок⁶¹.

Результатом промышленной политики большевистского государства в 1918 – начале 1921 гг. являлось поддержание чуть тлеющего очага производства при чрезмерном, неадекватном напряжении общественных сил. По справедливому замечанию С.Н. Прокоповича, разрушительное влияние на российскую промышленность оказали не ошибки советской власти в применении коммунистических принципов, а сама природа последних⁶².

Предприятия – единственный из рассматриваемых нами видов изымаемого имущества, который всецело предназначался для перехода в ведение государства. По этой причине не приходится говорить о “новых владельцах” заводов и фабрик. Точно так же и возвращение производственной недвижимости бывшим собственникам вряд ли было возможно. Нам встретилось упоминание только об одном случае, когда алексеевские паровые и газогенераторные мельницы “ввиду неимения средств” изымались из учета и передавались в ведение рабочих комитетов⁶³.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Служащие административного аппарата воспринимали свои действия и действия коллег так, как того требовала большевистская идеология. “Советская власть проделала колоссальную творческую работу по изъятию орудий производства из рук частного капитала и передачи их государству”, – указывал в отчете командированный в Курскую губернию агент по продовольствию Ефимов⁶⁴. Понятно, что представители власти по долгу службы были обязаны лестно отзываться о мероприятиях, начатых по инициативе партии большеви-

ков. В то же время наблюдаемое в документах использование выразительных языковых средств говорит об *искренней* вере работников аппарата в правильность и праведность их общего дела.

В лингвистической науке существует понятие “коннотация” (со значение), под которым подразумевается, в частности, скрытая в слове положительная (мелиоративная) или отрицательная (пейоративная) оценочность. Проследим субъективную оценку национализации по двум примерам словоупотреблений, содержащим слова и словосочетания с мелиоративной коннотацией: “миссия” и “восстановить деятельность”:

1) предложить, чтобы Агитационно-Организационный отдел “взял бы на себя по примеру Москвы и других [городов] миссию национализации в городе [Ярославле] всех кинематографов”;

2) технический отдел Галичского совнархоза, “имея намерение восстановить деятельность завода, национализировав его”, просил вышестоящую инстанцию распорядиться о передаче в его ведение сырья и материалов⁶⁵.

Взгляд советских служащих на политику национализации был прямолинейным.

Анализ позиции бывших владельцев национализированных предприятий затруднен ничтожно малым числом документальных свидетельств. Дело в том, что требование вернуть производственные объекты, как правило, не становилось предметом прошений: апеллировать к власти по поводу несправедливого изъятия завода представлялось абсолютно бесполезным.

Реакция крупных промышленников на лишение их производственной собственности была далеко не однозначной. Понятно желание некоторых промышленников свергнуть власть большевиков и восстановить прежний порядок вещей. Однако назвать такие настроения доминирующими – значит серьезно ошибиться. Представления о происходящем вокруг преломлялись через сложную структуру многогранника национального менталитета. Отсюда и то “удивительное хладнокровие”, с которым, по мнению Ричарда Пайпса, российское деловое сообщество восприняло режим, угрожающий им экономическими санкциями и даже физическим уничтожением⁶⁶. Отсутствие у предпринимателей бурной реакции сопротивления объяснимо либо неверием в то, что будет “до конца плохо”, либо жертвенностью, либо фаталистическим мировосприятием, либо пониманием своего

аутсайдерского положения и неравенства сил, могущих противостоять блоку "власть-массы".

Допустимо или нет, но отдельные факты свидетельствуют об осознании фабрикантами – скорее, в силу внушения, идеологического прессинга – своей эксплуататорской сущности. Приводя пример, как сын одного промышленника с наслаждением разбивал окна на отцовском заводе, В.П. Булдаков подытоживает: "С русскими предпринимательскими родами (в значительной мере старообрядческими) происходили вещи странные: дети ощущали недовольство наследников богатства, нажитого, как казалось, отнюдь не правильным путем"⁶⁷. Видимо, мазохистское начало в сознании российских промышленников как раз и было использовано в деле привлечения бывших собственников к управлению национализированными предприятиями.

Мало того что сам факт служения чужой власти кажется чуждым природе человеческой гордости, потрясает и готовность "буржуазных специалистов" осуществлять свою деятельность в атмосфере неприкрытой неприязни. Тем не менее советских руководителей производства смущало недостаточно усердное, как им казалось, отношение буржуазии к труду. "Инженеры и техники (как и вообще интеллигенты) нового общественного строя, сознательно служащие обществу, – это пока еще единицы. Большинство представляют наследие капитализма, служащие лишь за деньги"⁶⁸. Применительно к изучаемой эпохе не стоит, однако, говорить о том, что инженеры халатно относились к производству: халтура как реакция на новые производственные отношения стала распространенным явлением в более поздние времена.

Большинство специалистов старой закалки готово было работать и работать независимо от характера политической власти. Правы советские авторы, отмечавшие объективную (!) возможность использования представителей класса капиталистов в качестве специалистов по организации крупного промышленного производства под контролем пролетарского государства⁶⁹. Так работавшие "за деньги", но в обстановке подозрительности и неприязни бывшие владельцы предприятий и представители дореволюционной интеллигенции оказывались в заложниках собственной школы труда.

В сохранившихся единичных прошениях мелких предпринимателей просматривается стремление подчеркнуть ценность труда не столько ради обогащения, сколько во имя пользы для других людей. Упомя-

нутый ранее новооскольский врач В. Иваницкий-Василенко, квартира которого, одновременно служившая кабинетом, была подвергнута уплотнению, просил вернуть отобранную площадь, чтобы продолжать оказывать помощь всем тем, которые ежедневно к нему обращаются. "Занятие моей квартиры, – пишет заявитель, – лишит меня возможности практиковать, т.е. лишит население города и уезда зубоврачебной помощи"⁷⁰.

Чувство собственника выражалось в стремлении сохранить в прежнем варианте не только содержание деятельности, но и форму, в которую оно было облечено. Тот же Иваницкий-Василенко связывал возможность своей работы с конкретным помещением: "Эта квартира хотя и холодна (в приемной температура зимой доходит до 7°), однако для меня, как для врача, она удобна тем, что светла".

Известны случаи, когда национализированные предприятия, равно как и усадьбы, становились объектом заботы своих бывших собственников. Т.Н. Мачехина (г. Короча), узнав, что кто-то ворует доски из ее бывшей лавки, решила перенести их в более надежное место. К сожалению, ее благое начинание оказалось непонятым государственными служащими: "Миллионер Гребенников, – читаем в заявлении, – запретил мне это, сказав, что доски не мои, а народные"⁷¹.

Наиболее смекалистые граждане пытались обратить обрушившиеся на них неприятности себе на пользу. Жительница г. Старого Оскола В.А. Иванова в своем заявлении от 3 февраля 1920 г., отмечая, что при изъятии у ее супруга воскобойного завода на учет были взяты надворные строения, просила Совнархоз наказать соседей, воруемых древесину. "...Я одна беззащитная женщина противостоять им не могу, – присовокупляла заявительница, – и если Совнархоз со своей стороны не примет каких-либо мер, то от заборов и сараев останутся одни воспоминания"⁷².

Что же чувствовали рабочие, сознание которых пропитывалось идеологемами о ведущей роли пролетариата в общественной жизни, а бытие, пусть ненамного, но изменялось в лучшую сторону? Новшеством, которым некоторые из них непременно хотели воспользоваться, стала возможность без страха за себя высказывать негативное отношение к фабрикантам и инженерам, мстить за прошлые обиды. Помимо этого, захват рабочими промышленных предприятий не в последнюю очередь имел для пролетариев и практическое значение, заключавшееся в легком и быстром способе улучшить материальные

условия⁷³. В целом рабочие сравнительно легко были интегрированы в сферу огосударственной экономики.

Те слои населения, которые ожидали от национализации улучшения условий труда, наверняка не предполагали, что конфискационная политика Рабоче-Крестьянского правительства, встреченная *in statu nascendi* (в состоянии зарождения) "с флагами и песнями", распространится на мелкое движимое имущество.

В июле 1991 г. автор слышал рассказ старожила села Титовки В.М. Полякова (Белгородская область, Шебекинский район): "А в Шебекино там был Ребенгер-немец. То у него был сахарный завод. Роста был небольшого, среднего такого, полный был мужчина. Расстреляли, дураки. А какую пользу давал!"

ВЫВОДЫ

Последствия хирургического вмешательства государства в промышленную сферу видны при рассмотрении механизма национализации. В юридической литературе отмечается, что предприятие как вид недвижимости нельзя сводить к комплексу оборудования, так как превращение такой совокупности в нормально функционирующий производственный объект нуждается в дополнительных действиях организатора производства⁷⁴. Смена собственника, продолжим мысль, не означает автоматической передачи новому владельцу всего "хрустального комплекса" производительных сил и производственных отношений в целостности и сохранности, так как при этом рушатся традиционные хозяйственные связи, может произойти спад трудовой дисциплины, уменьшение количества и ухудшение качества выпускаемой продукции.

Следствием национализации промышленности в Советской России стал неведомый ранее спад производства. Н.Г. Роголина замечает, что вследствие курса на ликвидацию частной предпринимательской деятельности государство резко обеднело, так как многие отрасли хозяйства страны стали убыточными и заметно сократились условия для накопления производственного капитала⁷⁵.

Кампания по изъятию из частного владения объектов экономической деятельности в период с ноября 1917 по март 1921 г. происходила достаточно осторожно, но темпы и масштабы ее неуклонно нарастали. В отличие от права частной собственности на землю, уничтоженного единым законодательным актом, психологическая подго-

товка общества к аналогичному отчуждению промышленности заняла восемь месяцев, если точкой отсчета признать декрет от 28 июня 1918 г. Декрет же 1920 г. о "сплошной" национализации принимался уже в условиях, когда о движении вспять не могло быть и речи.

Введение нэпа являло собой вновь открывшуюся возможность, правда, в очень ограниченных пределах, для развития частной инициативы. Естественно, вопрос о денационализации возникнуть не мог. Освободившаяся энергия частника с его трудолюбием и инициативностью позволила в максимально сжатые сроки создать сотни новых предприятий и стабилизировать экономику России. Это, однако, не помешало власти посчитать нэповских предпринимателей преступниками и соответствующим образом их наказать.

Драматично сложилась судьба Елены Дмитриевны Ростовцевой (1921 г. рожд.). Ее дед В.П. Соустов (1843–1910) имел торговую лавку, а мать, Александра Васильевна, помогала ему в вести торговлю. После смерти отца А.В. Соустова вышла замуж за приказчика в этой лавке Д.П. Ростовцева. Мелкая торговля, которую вела мать Е.Д. Ростовцевой в период нэпа, послужила поводом к тому, чтобы арестовать Александру Васильевну за спекуляцию и сослать в г. Харовск Вологодской области, где она пробыла до 1940 г. Этим, по мнению властей, А.В. Ростовцева не искупила свою вину. В 1943 г. милиционер из деревни Воздремо, где Елена Дмитриевна жила с родителями после возвращения матери из ссылки, напал на след "врагов народа", "крупных недобитых спекулянтов", как было написано им в местной газете. Александре Васильевне дали срок 10 лет (отбыла 3 года в колонии г. Углича), а саму Елену Дмитриевну сослали на 5 лет в Советскую Гавань.

Брат моей прабабушки житель г. Твери Арсений Михайлович Курочкин был сослан в Березов за то, что имел собственную лавочку и продавал выпекаемые матерью и братом хлебобулочные изделия. Вскоре он вернулся, но представления о человеке, побывавшем в ссылке, как о вероятном преступнике дали повод заподозрить его в убийстве одной женщины. Суд оправдал Арсения Михайловича, однако полученная душевная травма стала одной из причин его самоубийства.

После свертывания нэпа принципы, заложенные в фундамент социалистической экономики, на долгое время отделили производителя от потребителя, сделав производство средством удовлетворения сугубо государственных потребностей, прежде всего потребности в увеличении военной мощи. В то же время запрет на организацию мелкой предпринимательской деятельности на попроще производства, торговли и рынка услуг до предела сузил возможности удовлетворения личных потребностей человека.

Примечания (глава 3)

- ¹ Разумович Н.Н. Организационно-правовые формы социалистического обобществления промышленности в СССР. 1917-1920 гг. – М., 1959. – С.56.
- ² Морозова Л.А. Рец. на кн. С.А. Зинченко, Н.С. Бондарь. Собственность – Свобода – Право. Ростов н/Д, 1995. 160 с. // Государство и право. – 1996. – № 9. – С.134.
- ³ Атабекян А. “Великий опыт”. – М., 1919. – С.2.
- ⁴ Венедиктов А.В. Организация государственной промышленности в СССР. Т.1. 1917-1920. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1957.– С.174.
- ⁵ Цит. по: Белов В.А. Национализация в российском гражданском праве: история и современность // http://online.garant.ru/jorn/leg_5_02_99.htm
- ⁶ Сичинский Е.П. Из истории временного областного правительства на Урале (К вопросу о “третьем пути” русской революции) // История СССР. – 1992. – № 1. – С.166.
- ⁷ Белов В.А. Указ. соч.
- ⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.4. – С.435, 446.
- ⁹ Пайпс Р. Русская революция. Ч.2. – М.: РОССПЭН, 1994. – С.355-356.
- ¹⁰ По словам И.В. Сталина, в лице рабочих и крестьянства нашлась сила, которая “дала простор объективно действующему экономическому закону обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил”. Цит по: Первухин М.Г. 35-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1952 г. – М., 1952. – 32 с.
- ¹¹ Декреты Советской власти. Т.1. 25 окт. 1917 – 16 марта 1918 гг. – М., 1957. – С.27-28.
- ¹² Там же. – № 74 а.
- ¹³ Декреты Советской власти. Т.2. 17 марта – 10 июля 1918 г. – М., 1959. – С.498.
- ¹⁴ Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А. Плотникова: Публикация и исследование текста / Подготовка текста, исследование и комментарий Б.И. Осипова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. – С.37.
- ¹⁵ Разумович Н.Н. Организационно-правовые формы социалистического обобществления промышленности в СССР. 1917-1920 гг. – М., 1959. – С.55.
- ¹⁶ Коган Л.А. Военный коммунизм: утопия и реальность // Вопросы истории. – 1998. – № 2. – С.122-134.
- ¹⁷ См.: Шишкин В.Ф. Великий Октябрь и пролетарская мораль. – М.: Мысль, 1976. – С.198. Дробижев В.З. Красногвардейская атака на капитал. – М.: Политиздат, 1976. – С.84.
- ¹⁸ Анкудинова Л.Е. Национализация промышленности в СССР (1917-1920 гг.). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – С.112-113.
- ¹⁹ Карр Э. История Советской России. Кн.1. Том1 и 2. Большевицкая революция. 1917-1923. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – С.461; см. также: Курский край в истории Отечества / Под ред. Л.С. Полнера. – Курск: КГТУ, 1996. – С.124.
- ²⁰ Рабочий контроль. Практические указания по внедрению рабочего контроля в промышленных предприятиях. – М., 1918. – 16 с.
- ²¹ Верт Н. История Советского государства. 1900-1991: Пер. с фр. Изд. 2-е. М.: Прогресс-Академия, 1994. – С.119.
- ²² Материалы по истории СССР. Рабочий контроль и национализация крупной промышленности в Иваново-Вознесенской губернии. – М., 1956. – №190. Цит. по ответу № 6-14 от 27.01.98 г. на запрос в Государственный архив Ивановской области.
- ²³ Цит. по: Карр Э. Указ. соч. – С.471.
- ²⁴ См.: Анкудинова Л.Е. Указ. соч. – С.49.
- ²⁵ Перечень национализированных предприятий см. в статье: Конфискация предприятий и объявление их собственностью Российской Республики // Народное хозяйство. – 1918. – № 1. – С.38.
- ²⁶ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.25, л.102.
- ²⁷ Разумович Н.Н. Указ. соч. – С.36.
- ²⁸ Рубинчик М. Рабочий контроль и национализация промышленности в первые месяцы советской власти // Проблемы экономики. – 1936. – № 1. – С.96.
- ²⁹ Конфискация предприятий... С.38.
- ³⁰ См.: Таль Л.С. Очерки промышленного права. – М.,1916. – С.119-124.
- ³¹ Декреты Советской власти. Т.1., №74а.
- ³² Милютин В.П. Современное экономическое развитие России и диктатура пролетариата (1914-1918 гг.). – М.,1918. – С.61.
- ³³ Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму: 1917-1929 гг. – М.: Наука, 1994. – С.50.
- ³⁴ Разумович Н.Н. Указ. соч. – С.37.
- ³⁵ ГАБО, ф.Р-400, оп.1, д.17, лл.18,19.
- ³⁶ ГАЯО, ф.Р-180, оп.1, д.163, л.44.
- ³⁷ Там же, ф.Р-372, оп.1, д.72, л.63.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ ГАБО, ф. Р-380, оп.1, д.7, л.16.
- ⁴⁰ ГАКО, ф.Р-325, оп.1, д.12, л.23 об.
- ⁴¹ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.14, л.14.
- ⁴² Silvana Malle. The Economic Organization of War Communism, 1918-1921. – Cambridge University Press, Cambridge, 1985. – P. 67, 172.
- ⁴³ ГАБО, ф.Р-502, оп.1, д.5, л.77 об.
- ⁴⁴ Милютин В.П. Указ. соч. – С.62-63.
- ⁴⁵ ГАБО, ф. Р-197, оп.1, д.3, л.33-34.
- ⁴⁶ Коновалов В.В. Указ. соч. – С.3.
- ⁴⁷ Государственный архив Пензенской области, ф.Р-442, оп.1, д.99, л.20. Ответ № 20-г от 16.08.98 г. на тематический запрос.
- ⁴⁸ ГАКК, ф.Р-975, оп.1, д.2, л.3.
- ⁴⁹ Пайпс Р. Указ. соч. – С.355.
- ⁵⁰ См.: Венедиктов А.В. Указ. соч. – С.209. Аналогичная мысль повторяется в работе: Анкудинова Л.Е. Указ. соч. – С.48.
- ⁵¹ Прокопович С.Н. Очерки хозяйства Советской России. – Берлин: Обелиск, 1923. – С.27.
- ⁵² ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.50, л.276.
- ⁵³ РГАЭ, ф.3429, оп.2, д.315, л.9.
- ⁵⁴ Милютин В.П. Указ. соч. – С.62.
- ⁵⁵ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.25, л.71.
- ⁵⁶ Новая жизнь. – 1918. – 2 апр. – С.2.
- ⁵⁷ Верт Н. Указ. соч. – С.119.
- ⁵⁸ ГАБО, ф. Р-197, оп.1, д.3, л.7 об.
- ⁵⁹ АФОО, ф.65, оп.1, д.11, л.23.
- ⁶⁰ ГАБО, ф.Р-197, оп.1, д.3, л.40.
- ⁶¹ Там же, ф.Р-502, оп.1, д.5, л.1 об.
- ⁶² Прокопович С.Н. Указ. соч. – С.59.

- ⁶³ ГАБО, ф.Р-197, оп.1, д.3, л.40.
- ⁶⁴ Там же, ф.Р-528, оп.1, д.50, л.26 об.
- ⁶⁵ ГАЯО, ф.Р-180, оп.1, д.163, л.44; ГАКострО, ф.Р-1, оп.1, д.38, л.1
- ⁶⁶ Пайпс Р. Указ. соч. – С.359.
- ⁶⁷ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 1997. – С.15.
- ⁶⁸ Милютин В.П. Указ. соч. – С.94.
- ⁶⁹ Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917 - 1920 гг. – М.: Мысль, 1976. – С.172.
- ⁷⁰ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.14, лл.14 об.-15.
- ⁷¹ Там же, ф.Р-Р-520, оп.1, д.12, л.92.
- ⁷² Там же, ф.Р-502, оп.1, д.33, л.48.
- ⁷³ Прокопович С.Н. Указ. соч. – С.10.
- ⁷⁴ Жариков Ю.Г., Масевич М.Г. Недвижимое имущество: правовое регулирование. Научно-практическое пособие. – М.: БЕК, 1997. – С.185. То, что особое свойство предприятия как целого заключается в его *организации*, отмечал еще В.Л. Таль в работе, изданной в 1916 г. (Указ. соч. – С.12).
- ⁷⁵ Роголина Н.Г. Реформаторство XX в. и крестьянский менталитет // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). Материалы международной конференции. – М.: РОССПЭН, 1996. – С.231.

ГЛАВА 4. ИЗЪЯТИЕ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

В отличие от действий большевиков по изъятию хозяйственных объектов лишение граждан возможности владеть излишками жилой площади не принимало характера широкомасштабной идеологизированной кампании. Сам процесс изъятия жилья, будучи признаваемым де-факто, идеологически не оправдывался, не превозносился и не был широко освещен в литературе последующих десятилетий. Советские исследователи ограничивались лишь упоминанием о том, что жилищные условия трудящихся были улучшены.

Определялись ли целенаправленные акции большевиков по огосударствлению жилья сложной исторической обстановкой? Вдохновители политики муниципализации упорно доказывали, что к 1917 г. частное домовладение находилось в состоянии глубокого кризиса. Согласно утверждению Д.В. Кузовкова, домовладельческие хозяйства велись крайне нерационально, вопросы о снабжении топливом и ремонте помещений решались в большинстве случаев с помощью муниципалитета, а квартирная плата, замороженная правительственными постановлениями 1915 г., была намного меньше реальных затрат на содержание жилья. С таких позиций муниципализация жилищного фонда выглядела спасительной мерой¹.

На скорость и методы решения жилищного вопроса влияло давление снизу. В начале XVII в. лидер крестьянского восстания Иван Болотников призывал: "...И разделим дома вельмож и сильных, и благородные жены их и дочери примем в жены себе". После Октября народные массы ожидали от большевистской власти скорейшего улучшения условий своего быта, однако их устремления учитывались только в тех случаях, когда были сонаправлены интересам и потребностям администрации. "Все эти мероприятия принимаются как для того, чтобы дать рабочим здоровые квартиры, так и для того, чтобы все дома стали советскими укреплениями"².

По мере упрочнения политических позиций большевиков стал утверждаться применительно к жилищному вопросу принцип: "Власть не терпит пустоты". Государство не признавало существования замк-

нутаго пространства, отграниченного контурами частной собственности, и потому обращало свой взор на помещения как покинутые прежними владельцами, так и заселенные "не полностью", когда большая квартира принадлежала малой семье. При наблюдении через такую призму казалось достаточно "свободной" жилой площади, чтобы удовлетворить потребности и государства, и нуждающихся в "крыше над головой". Учтем, что наделение трудящихся жильем отнюдь не противоречило государственному интересу.

Таким образом, изъятие жилых помещений стало возможным потому, что оно, как говорилось в газете "Курская беднота", вытекало из самой сущности революционной диктатуры и текущего момента³. Если решения задач национализации многих предприятий были подогнаны под ответ, то после санкционирования изъятия производственной недвижимости овладеть правом собственности на жилые помещения государству было намного легче.

Законодательная регламентация изъятия жилья

Начало процесса перераспределения жилья не было обозначено специальным юридическим актом. Долгое отсутствие общегосударственных законов, регламентирующих изъятие домов и квартир, объяснялась нежеланием Центра поручать местным Советам дополнительную работу, с которой они поначалу не могли бы справиться⁴.

Такое положение вещей, однако, не являлось серьезным препятствием к вторжению власти в сферу жилищной собственности, так как утвердившаяся правовая доминанта – революционная законность – не давала противопоставлений для изъятия у граждан излишков жилой площади.

Законодательный вакуум в отдельных местностях восполнялся собственным правотворчеством. 12 декабря 1917 г. Московский Совет издал постановление о муниципализации домов, оцениваемых свыше 9000 рублей, а также тех, которые состояли более, чем из 20 квартир. Особо оговаривалась возможность домовых комитетов действовать и независимо от вышеуказанных ограничений⁵.

В то же время самоуправство нижних этажей власти не могло устраивать ни Центр, ни губернские Советы, отчего и возникала потребность уточнить некоторые аспекты порядка отчуждения частных домов и квартир.

22 мая 1918 г. Ю. Ларин направил в губернии циркулярную телеграмму, в которой со ссылкой на решение Комиссии ВЦИК утверж-

дал, что национализации могут быть подвергнуты все жилые дома, оцененные в 1916 г. на сумму свыше двадцати тысяч рублей⁶. 24 августа 1918 г. большевистское правительство принимает декрет "Об отмене частной собственности на городские недвижимости". Порядок изъятия частновладельческого жилья в документе напрямую не определялся. Право устанавливать порог стоимости помещения, оставляемого за частным владельцем, передавалось местным Советам. Декрет резко ограничил право наследования. Сохранение за бывшим собственником сдаваемых в наем помещений допускалось лишь в том случае, если их прежняя годовая доходность не превышала 800-рублевого максимума. Домовладельцу под страхом выселения, заключения в тюрьму и конфискации всего имущества запрещалось взимать наемную плату с квартирантов⁷.

Правовой статус сельских жилых домов не был выше. Напротив, постановление Наркомюста РСФСР от 6 сентября 1918 г. рассматривало запрет на куплю-продажу строений как следствие законодательных установок, отменяющих частную собственность на находящуюся под этими строениями землю⁸.

Следующим экстремумом на прямой жилищного законодательства первых послеоктябрьских лет стал изданный 25 мая 1920 г. декрет "О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения", представляющий собой попытку обуздать беспорядочные акции по огосударствлению жилья. Документ ограничивал принудительное переселение домовладельцев случаями особо острой общественной нужды, причем для реализации этой меры теперь требовалось особое мотивированное постановление местного исполнительного комитета. Также были учтены права бывших собственников на транспорт для перевозки мебели и на "подыскание себе сожителей" при угрозе уплотнения⁹.

Итак, отсутствие правовой защищенности как у крупных, так и у мелких собственников домов и квартир, являлось существенной предпосылкой массового изъятия жилых помещений.

Деятельность уполномоченных структур

Изъятие и распределение жилья считалось вопросом локального характера, и потому специализированное общегосударственное ведомство создано не было. Декретом от 24 августа 1918 г. абсолютные права решать жилищную проблему получали органы местной администрации, имеющие теперь возможность не только выбирать конкрет-

ные объекты изъятия, но и устанавливать планку предельно допустимой стоимости помещения, при которой оно еще может оставаться в собственности владельца.

Для решения вопросов, связанных с жильем, местные органы власти организовывали специальные комиссии, отделы или секции. Так, ревкомы "создавали специальные комиссии в составе трех-пяти членов, которые обязаны были проводить учет квартир в городе, осуществлять контроль за их правильным заселением и распределением"¹⁰. В городе Алексеевке с момента восстановления советских учреждений после изгнания белогвардейцев действовала жилищно-хозяйственная секция, которая, находясь при уездном Отделе управления, а позднее при совнархозе, занималась распределением квартир между гражданами. В Новом Осколе существовал муниципально-коммунальный отдел, в Короче подобный отдел назывался жилищно-земельным. Исполнительные комитеты волостного уровня ведали, в частности, выделением зданий для комиссариатов и караульных команд. В селах вопросы конфискации домов решали сельские сходы.

Изъятие домов и квартир в динамике выглядело обычно так: организация (пограничная охрана, комитет бедноты, рабоче-крестьянская инспекция и т.п.) или частное лицо обращались в орган местной администрации с просьбой выделить необходимое помещение; в некоторых случаях речь велась о домах, которые они предварительно уже присмотрели. "...Мною была найдена квартира по Введениской ул. № 38..."¹¹, - пишет некто заявитель в Белгородскую уездную парторганизацию. Исполнительные комитеты указывали на подходящую жилую площадь, но встречается и такой тип документа, как *разрешение* изъять любой подходящий дом.

"Дано сие секретарю сего Исполнительного Комитета Тимофею Ивановичу Коваленко в том, что ему уездным Исполнительным Комитетом разрешается реквизировать квартиру для канцелярии Государственного Контроля там где ему Коваленко понравится, что подписанием и приложением печати удостоверяется"¹².

После того как заинтересованная сторона облюбовала себе "место дислокации", на имя собственника приходило отношение, которое могло иметь следующую форму: "Уездный исполнительный комитет предлагает Вам очистить в двухдневный срок квартиру..."¹³. Если домовладелец добровольно не подчинялся такому требованию, к процессу изъятия жилья подключались органы милиции. Результатом всего

этого являлось "уплотнение" жилья или переселение хозяина с семьей на другую квартиру.

МОТИВЫ ИЗЪЯТИЯ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

Изъятие жилья за правонарушения

По изученным документам можно судить о применении конфискации жилых помещений за следующие проступки.

1. Незаконное обладание жильем. В условиях "революционного хаоса" лишившиеся родового гнезда граждане, находя себе временное укрытие, не всегда ставили в известность часто меняющиеся административные органы.

22 июля 1919 г. Ракирянский волостной ревком, рассматривая вопрос о предоставлении квартир служащим советских учреждений, постановил выселить лиц, которые занимали принадлежащие волостному квартиры, но не являлись служащими¹⁴.

2. Незаконная продажа и покупка жилья. Недействительными признавались сделки с недвижимостью, совершенные во время пребывания у власти в населенном пункте небольшевистских политических сил (гайдамаков, белогвардейцев).

29 апреля 1920 г. жителя села Погореловка Корочанского уезда Сафронова выселили из занимаемого им помещения, так как покупка дома была расценена как незаконная. Видимо, оставлять такой мотив единственным основанием для "выдворения" домовладельца советские работники не решились, сделав приписку о необходимости помещения для портняжной мастерской детского сада. Жалобу потерпевшего рабоче-крестьянская инспекция отклонила, объяснив, что она "не усматривает незакономерностей в действиях Погореловского сельского Исполкома"¹⁵. Употребив по ошибке слово "незакономерность" вместо "незаконность", автор документа выразил свою мысль куда более точно. Обилие актов изъятия имущества определялось именно их "закономерностью", их непрерывным потоком.

3. Неподчинение требованиям государства. Конфискация дома (квартиры), непосредственно не связанная с правонарушением, производилась довольно редко, но когда такие случаи имели место, трактовка неподчинения могла быть безмерно широкой.

Угроза конфискации имущества различных видов: скота, инвентаря, денежной суммы в форме штрафа, а также построек, фигурирует в актах о регистрации лиц определенной социальной либо про-

фессиональной принадлежности (к примеру, в приказе № 1 Алексеевской ЧК по учету и мобилизации квалифицированных рабочих от 17 апреля 1920 г.¹⁶), а также в оповещениях об очередной трудовой повинности.

Изъятие помещений, необходимых государственным органам

Интерес государства, как мы еще сможем убедиться, состоял в стремлении изъять из частного владения максимально возможное число помещений. В то же время власти не могли не считаться, хотя бы формально, с отношением граждан к праву собственности на жилье, что заставляло советских служащих искать более утонченные обоснования конфискационной хирургии. Для решения важных дел "на благо всему народу" государственные органы требовали "крыши над головой"; домовладельцы же непосредственно чувствовали на себе каждый новый виток многочисленных реорганизаций органов власти.

Безусловно подлежащими удовлетворению считались требования предоставить квартиры для воинских частей, о чем свидетельствует, к примеру, безапелляционный тон приказа от 6 августа 1918 г. о формировании смешанного взвода в г. Новом Осколе: "Помещение для этого взвода отвести у Теремязева для кавалеристов, а для пехотинцев у Советского дома..."¹⁷

Историк Н.С. Присяжный, говоря о разрастании штата Чрезвычайной Комиссии по продовольственному снабжению Красной Армии, приводит факт постепенного сужения жилого пространства у бывшего домовладельца. Претензии на все большее количество комнат мотивировались "громдным количеством работ", которые Комиссия должна была выполнить¹⁸.

В обстановке "всевластия власти" гражданская бюрократия начинает уподоблять себя военной по критерию полезности и необходимости своей работы.

Корочанское отделение РКИ, прося коммунальный отдел предоставить помещение, необходимое "в виду спешного пополнения штата служащих", в качестве полезного совета прибавляло: "...Если же подходящего помещения в виду не имеется, то предложить домовладельцу Чижиковой освободить все комнаты верхнего этажа, а ей с семьей перейти в нижний этаж"¹⁹.

9 декабря 1920 г. Алексеевская межведомственная ЧК по распределению квартир постановила перевести Отдел здравоохранения в верхний этаж дома Бутрименко, причем хозяину дома надлежало пе-

ребраться на нижний этаж, а живущим там квартирантам – в соседнее здание²⁰.

Стремясь сделать решения об изъятии жилья более убедительными, административные служащие опирались порой на эмоциональную сторону сознания тех, кому они были подотчетны. Так, 5 ноября 1920 г. Корочанское бюро профсоюзов сообщало о переезде в дом гражданина Кононенко "по случаю невыносимо холодной погоды и отсутствия печей"²¹. Мотивировка конфискаций частновладельческих помещений все в большей степени утрачивала свою убедительность и превращалась порой в простую отписку. Как можно заметить, выбор объекта изъятия во имя удовлетворения государственных нужд был произвольным, и потому во главу угла ставились только лишь качественные характеристики помещения. Собственник же вместе с его интересами оставался вне поля зрения властей.

В некоторых случаях организации, испытывающие необходимость в дополнительном помещении, теснили владельцев частных домов без ведома местной администрации. Самовольные действия при изъятии части помещений, в отличие от движимого имущества, как правило, не наказывались. В язык официальных документов вошло не имеющее отрицательной коннотации словосочетание *фактически муниципализированные здания*. 31 января 1919 г. Головчанский волостной исполком Грайворонского уезда, рассматривая просьбу потребительского общества занять дом гражданина Гурченко, позволил заявителю "войти в добровольное соглашение с хозяином дома"²². Проявляющееся попустительство Советов при захвате различными учреждениями частновладельческих домов и квартир в условиях низкой политической культуры приводило к острым конфликтным ситуациям. Так, в Курске Военно-инженерная инстанция пыталась расквартировать войска без ведома губисполкома (февраль – март 1920 г.). Уездная Топливная Чрезвычайная комиссия, если и обращалась в тот же исполком по вопросу о помещениях, то свои требования предъявляла в ультимативном тоне²³.

Постепенно расширялся и объем самого понятия "государственная необходимость", которое помимо насущных, безотлагательных потребностей, стало включать в себя и потребности на перспективу.

Примечателен факт выселения хозяина здания в г. Новом Осколе по причине размещения там красноармейского театра²⁴. В ноябре 1918 г. новооскольские власти производили депортацию из города приезжих, которые характеризовались "как нежелательный элемент"²⁵. Точная

причина этой акции остается неизвестной, однако ее можно рассматривать скорее как перестраховку. Выселение приезжих проводилось, чтобы обезопасить приграничную полосу либо избавиться от избытка потребителей в условиях дефицита продуктов (следствие местного сепаратизма).

Как видим, наряду с конфискационными мероприятиями, поводом для которых была хотя бы малейшая, откровенно натянутая зацепка за понятие необходимости, появляются и другие типы конфискаций жилья, обусловленные либо чистой идеологией, либо даже чувством эстетики.

В период 1918 – 1920 гг. вполне осознанно проводились акты конфискации жилых помещений по сугубо идеологическим мотивам. На фоне ведущей идеологии о величии большевистской власти блекло широко декларируемое стремление улучшить быт трудящихся.

Выделим два типа акций, в которых обнаруживается “жилищно-коммунальная идеология”.

1. Сосредоточение помещений для государственных структур в центре города в непосредственной близости друг от друга. В протоколе собрания Чернянского волостного исполкома от 13 сентября 1918 г. приводятся следующие обоснования конфискации жилья у братьев Найдено: дом, “как находящийся на центральном месте тем более при базарной площади, где уже расположены и другие советские учреждения, – под учреждение Волостного Исполкома весьма удобен”²⁶. Переезжавшие в центральные здания организации, явно переоценивая свою значимость, начинали судить, кому должно, а кому не должно находиться рядом с ними. Представление руководителя государственного органа о необычайно высокой роли вверенного ему детища демонстрируется в записке комиссара белгородской почтово-телеграфной конторы Машова в ревком, датированной 25 марта 1919 г. Ходатайствуя о предоставлении под контору бывшего архиерейского дома, Машов отмечал, что прежнее помещение “действительно является рухлядью и развалиной пригодное только для чайной низшего разряда но не Государственного учреждения, которое быть может не в далеком будущем станет даже губернским [в то время шли переговоры с Центром об образовании Белгородской губернии]”. Комиссар предлагал разместить располагавшийся в архиерейском доме лазарет на городской окраине²⁷.

2. Выселение из центральной части населенного пункта “буржуазных слоев”. Уплотнение жилья не являлось пределом активности боль-

шевиков на жилищном фронте гражданской войны. Предпринимаемое также по инициативе местных Советов переселение буржуазии на городские окраины можно считать одним из немногих мероприятий, от которых трудящиеся получали хотя бы небольшие дивиденды.

“Вменить в обязанность Отделу Местного Управления проверить всю буржуазию в Центре города и выселить таковую на окраины города” (20 сентября 1918 г., г. Новый Оскол)²⁸. Аналогичное “великое переселение классов” производил, по сообщению Н.Х. Бугая, и дагестанский ревком²⁹.

Социально-близким по отношению к власти слоям была дана возможность любоваться из окон красивой застройкой центральной части города и чувствовать духовную связь с находящимися неподалеку государственными учреждениями, тогда как бывшие привилегированные сословия должны были доживать свой век на задворках по аналогии с римским плебсом. Здесь напрашивается также аналогия с Японией периода Хэйан (VIII–XII вв.), когда близость дома к императорскому дворцу соответствовала степени знатности домовладельца. Правда, в Советской России проект подобного форматирования пространства не получил повсеместного распространения. Впрочем, не стоит приуменьшать рельефности даже единичных исторических фактов.

Таким образом, комплекс расширенных потребностей государственных структур в помещениях сопровождался желанием иметь сакральное пространство, в пределах которого могли обитать только представители аппарата и те, кого они считали своими адептами.

Отчуждение на добровольной основе. Принцип добровольности передачи частновладельческого имущества горячо приветствовался государством, так как изъятие материальных объектов в такой форме не предполагало отрицательных эмоций со стороны владельцев собственности. В более широких масштабах такой способ отчуждения применялся в ходе аккумуляции властью “излишков” продовольствия, денежных сумм и личных вещей, но тем удивительнее находить известие о его применении относительно квартир и даже домов. Подобный факт встретился нам в форме “устной истории”. Преподаватель Н.К. Замощникова (г. Чита) рассказывала, что отец и брат ее матери Алексей и Борис Девяшины были убежденными большевиками, участвовали в революции 1905 г., потом скрывались от преследования на Филиппинах. После установления Советской власти братья в силу бытовавшего тогда среди части коммунистов обычая подарили свой

дом государственному учреждению, а сами переместились в коммуналку. Как потом оказалось, они были единственной семьей, которая не выхлопотала назад этот подарок.

Формирование новых государственных структур могло проходить для собственников жилья менее болезненно, если бы в первую очередь для этой цели приспособлялись здания ликвидированных учреждений. Советские должностные лица мыслили, однако, иными категориями, считая себя вправе распоряжаться *любыми* находящимися в их ведении объектами. Отсюда и возникали идеи-обоснования вышеупомянутых манипуляций над частновладельческим жильем. Учтем и такое обстоятельство: возникающая административно-командная система требовала расширения занимаемых площадей, в то время как часть зданий была разрушена в ходе боевых действий на фронтах гражданской войны.

Ричард Пайпс обращает внимание на то, что в первые послеоктябрьские годы резко сократились масштабы строительства: к ноябрю 1920 г. правительство построило и отремонтировало всего 2601 объект³⁰. Даже в журнале "Советский строитель", издававшемся в Воронеже, о "революционном творчестве" народных масс говорилось лишь в переносном смысле. Под созидательной деятельностью подразумевалось принятие Конституции и проведение съездов Советов³¹.

В чем же заключается причина падения темпов строительства? По-видимому, представители власти, получив законодательно оформленное право изымать частновладельческую недвижимость, попросту *утрачивали стимул* к тому, чтобы удовлетворять потребность в помещениях путем строительства новых зданий.

Изъятие с уравнительной целью

Акты изъятия жилья, обусловленные насущными и расширенными потребностями государства, – даже многочисленные – не решали всех задач, которые ставили большевики на этом поприще.

Во-первых, выборочная муниципализация не соответствовала популярной тогда идее переустройства различных сторон жизни общества на научной основе. "Правильная же организация крупных [муниципальных] хозяйств, – утверждал Д.В. Кузовков, – возможна лишь при условиях, если эти хозяйства окажутся сплошными, т.е. объединят группу смежных владений, представляющую собой одно компактное целое"³². Такой подход знаменовал экстраполяцию по-

ложений, разработанных применительно к сельскому хозяйству и промышленности, на область управления квартирным фондом.

Во-вторых, поскольку большевики ревностно относились к источникам доходов населения, их целью становилось уничтожение домовладельцев как социального слоя. Изъятие жилой площади у домовладельцев исключительно в силу ее *избыточности* так же, как и национализацию *мелких* предприятий, можно сравнивать с удалением шероховатостей, неотъемлемо присущих поверхности имущественных отношений.

Было бы ошибкой полагать, что жертвами муниципализации жилья оказывались одни лишь представители зажиточных классов. Точно так же, как национализация производственных объектов, начавшаяся с крупных предприятий, закончилась кустарными, изъятие жилых помещений распространялось не только на собственников доходных домов, но и на любого, кто имел хотя бы одну комнату сверх установленной нормы.

Уравнительный мотив мог варьироваться. Например, после возвращения большевиков на оставленную белогвардейцами территорию Новооскольского уезда, в "Списки граждан, коих дома подлежат конфискации" были занесены эмигранты³³.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЖИЛИЩНОГО ФОНДА

Жилые помещения в ведении государства

Дальнейшая судьба переданного в государственную собственность помещения, особенно в первое время после его изъятия, не была спокойной. Как после трансплантации живые ткани с трудом приживаются на новом месте, так и организации, в пользу которых частник был потеснен, не могли в одночасье обрести органической связи с новым местом своего обитания.

На первых порах настроение служащих исполкомов было оптимистичным. 12 февраля 1920 г. Алексеевский исполнительный комитет постановил: "Обязать муниципальный [отдел] привести в порядок национализированные дома на должную высоту"³⁴. Все же при столкновении с реальной действительностью мнение о муниципализации как средстве избежать разрухи, как правило, оказывалось несостоятельным. В том же уезде жилищно-хозяйственная секция, наметив произвести до 1 июля 1920 г. капитальный ремонт сорока девяти

национализированных домов, вынуждена была через некоторое время признать невозможность его осуществления³⁵.

Освобожденное владельцем жилое пространство иногда становилось плацдармом напряженной борьбы между учреждениями – претендентами на обладание им. В частности, спор по поводу помещения вели финансовый отдел исполкома и Отдел управления Грайворонского уезда. Доказательства правоты сопровождались вычурной риторикой: “Финансовый Отдел.. только родился и стал крепнуть на своих молодых ногах”. Далее в обращении председателя финотдела говорилось: “Если в настоящее время и в моем отсутствии Заведыв. Отделом Управления... показалось, что для Финансового отдела помещение “дом Гарлачева” слишком большое и барское, то можно эти мысли логическим выводом разбить и показать на практике фактически, что этого помещения для Финансового отдела и его Двух подотделов с составом служащих в 45 человек безусловно не много. Если теперь тов. Сагайдак заметил, что в Финансовом отделе мало служащих /всего со сторожем 8 человек/ это не значит что Отдел малый и несложный, а это значит, что Зав. Отделом не тратит напрасно народные деньги”³⁶.

Показателем абсолютных прав государственных органов на отобранные дома и квартиры стала демонстрация свободы распоряжаться ими. Действия служащих власти доходили порой до абсурда. Так, житель села Хмелевого Корочанского уезда И.Е. Горностаев, купив в октябре 1919 г. при денкинском правлении дом в Короче, хотел вывезти его в село, но по семейным обстоятельствам не смог сделать этого вовремя. Служащие уездного исполкома сочли покупку дома незаконной и, запретив перемещать дом, приказали “сломать его для топки бани”³⁷.

Еще более нелепым представляется решение Ливенского уездного крестьянского съезда (Орловская губерния) от 18 мая 1918 г. о сносе помещичьих усадеб, “дабы с корнем уничтожить большие вороньи гнезда”³⁸.

Таким образом, в сознании должностных лиц, заведовавших муниципализированными зданиями, эмоциональное начало доминировало над рациональным. Получив право распоряжаться множеством помещений, служащие власти в первую очередь спешили дать выход своим чувствам; пожиная плоды победы в антисобственнической войне, они демонстрировали натуру завоевателей. Небрежное, а то и пренебрежительное отношение их к “добыче” являлось следствием легкости самого акта изъятия.

Новые хозяева в старых домах

Интересы государства отчетливо проявлялись и в случаях, когда то или иное помещение предназначалось для передачи частным лицам. Представители власти оправдывали свои приоритетные права на улучшение жилищных условий необходимостью создавать благоприятную материальную среду для успешной работы по воплощению в жизнь социалистической идеи.

А.В. Платонова (г. Короча) направила в Рабоче-крестьянскую инспекцию заявление: “Почтительно прошу Вашего распоряжения протвратить попытку квартирного отдела выселить меня из квартиры... так как эта квартира после выселения меня предназначена для некоего Догаева, служащего в Военном Комиссариате в качестве заведывающего мобилизационным отделом”³⁹.

Часто меняя свои “офисы” на более удобные, советские работники начинали испытывать аналогичную неудовлетворенность и пространством домашнего быта, поскольку понятие “хорошие условия” вообще относительно. Те же служащие Грайворонского уездного финотдела и Отдела управления своими частыми требованиями смены места жительства раздражали заведующего квартирным отделом. 4 марта 1919 г. заведующий, увидев работника счетно-кассового подотдела ФО, по словам заявителя, “начал орать (т.е. изъясняться самым повышенным тоном), добавляя, что эти Михайленко, Подворчаный, Сагайдачно-Борисовская компания только и знает, что меняет квартиры и мешает мне работать”⁴⁰.

После удержания “положенной” части освободившихся помещений за собою, власть имущие вспоминали о нуждах социально-близких слоев. Постановления уездных исполкомов на этот счет могли быть предельно лаконичными: “Относительно муниципализации жилищ постановили: принять вопрос без прений с поправкой следующего характера: для рабочих квартиры расширить, а капиталистов потеснить”⁴¹. Согласно данным Н.Х. Бугая, по состоянию на сентябрь 1919 г. улучшили условия быта около 30 тысяч рабочих; по одной только Москве к январю 1920 г. в реквизированные дома были переселены 30 тысяч человек⁴². 14 ноября 1918 г. газета “Курская беднота” сообщала, что в то время как в столицах квартирный вопрос разрешен, на уровне губернии все еще дает о себе знать катастрофическая нехватка жилья. “Этот особый вопрос, – отмечалось далее, – разрешается в “порядке личного обивания порогов” в жилищном отде-

ле (что еще терпимо) и в передних "буржуев-милостивцев"". Заметка завершилась призывом к суровым мерам по уничтожению буржуазных гнезд⁴³.

Если для удовлетворения жилищных потребностей трудящихся квартир не хватало, служащие исполкомов опускали планку предельно допустимой стоимости частновладельческого дома. 18 июля 1918 г. Осташковский уездный исполком Тверской губернии, "идя навстречу рабочим и бедному классу, который томится в сырых и подвальных квартирах", постановил муниципализировать дома стоимостью 25 тысяч рублей, а если этого окажется недостаточно, то дополнительно изъять здания, оцененные в 15, 10 тысяч рублей и т.д.⁴⁴

Случаи возврата изъятых помещений

Национализация жилья не означала, что домовладелец оставался без крыши над головой – возврат ему целой комнаты или на худой конец ее части был, как правило, гарантирован. Претендовать на большее мог далеко не каждый.

Как исключение – за заслути перед обществом – была удовлетворена просьба академика А.А. Шахматова, адресованная коменданту района В.Д. Бонч-Бруевичу, отменить реквизицию дома Е.И. Чертовой, которая пожертвовала Академии наук драгоценную библиотеку⁴⁵. Поспешное хаотическое отчуждение излишков жилой площади вело к явным перегибам в работе должностных лиц, и сами служащие не могли этого не замечать. Иногда возврат изъятых помещений производился так же огульно, как и сами случаи конфискации. Алексеевская комиссия по жилищному вопросу, действующая в мае-июне 1920 г., "усмотрела неправильную национализацию и сняла с национализации 49 домов [из девяноста восьми]"⁴⁶.

Начальник пограничной охраны, ходатайствуя перед Новооскольским уездным Исполкомом о возврате квартир В.Д. Кульчицкой и З.И. Чистяковой, использовал всегда значимый козырь – высокое служебное положение их супругов⁴⁷.

Возврат отобранных помещений, находящихся в сельской местности и потому не попавших под закон от 24 августа 1918 г., был возможен, если домохозяйину удавалось доказать сложность семейных обстоятельств, непринадлежность к буржуазному классу, лояльность к партии большевиков.

ИЗЪЯТИЕ ЖИЛЬЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА

Преподаватель-филолог В.Н. Наседкина (г. Липецк) рассказывала, что когда первый муж ее бабушки Белобородов вошел в свой дом, где побывали большевики, и увидел нечистоты в комнате и выломанные дверные ручки, он сошел с ума. Разрушение устоев права собственности поистине оказывалось глубочайшей трагедией для всего общества. Обращения граждан, не раскрывая всех ужасов, тем не менее являются отголосками этой трагедии, по которым можно составить представление о реальных, куда более сильных на самом деле чувствах и эмоциях современников описываемых событий.

Государственные служащие принимали в расчет исключительно материальную сторону передела жилья, о чем свидетельствуют языковые средства, используемые при документировании реквизиционных акций. Среди слов, специфичных по отношению к изъятию данного вида имущества, особенно часто встречаются "очистить" и "уплотнение". Присутствие в языке власти этих канцеляризмов являлось признаком равнодушия служащих к проблемам потревоженных ими домовладельцев. И если используемые также слова "выдворить" и "отобрать" кажутся нам более грубыми, тем не менее представляется, что произносивший или фиксировавший их человек, хотя и был за что-либо рассержен на собственников жилья, но не переставал видеть в них себе подобных.

Уже накануне развертывания тотальной муниципализации жилых помещений слово "домовладелец" – прежде нейтральное, а то и почетное обозначение социального статуса – приобрело однозначно негативный оттенок, как видно из следующих примеров: "Организованной шайкой коломенских купцов и домовладельцев голодная толпа была направлена в Совет рабочих и солдатских депутатов для разгрома этой организации"⁴⁸; "Мы просим проверить наш завод и выгнать этих смутьянов, потому что они буржуи, домовладельцы (из письма рабочего В. Румянцева в Петроградский ВРК)"⁴⁹.

Неприятно-отчужденное отношение представителей власти к собственникам жилья проявлялось не только на словах, но также на деле. 5 марта 1918 г. коллегия при ярославском Совете, обсуждая вопрос о переселении смотрителя духовной консистории Смирнова, постановила: "Решено за последним оставить квартиру за ненахождением таковой впредь до приискания"⁵⁰. Каково же было Смирнову, шагая из угла в угол и поглядывая в окно, ждать, не идут ли вершить судьбу его жилища?

Бурные чувства, возникающие при столкновении частных лиц с "муниципализаторами", отражены в литературно-публицистическом произведении И.А. Бунина "Окаянные дни". Вспомним эпизод, когда к автору поздно вечером явилась группа уполномоченных измерять длину, ширину и высоту комнат дома, где он жил, – "на предмет уплотнения пролетариатом"⁵¹. Мало того, что писателя обрекли на тревожные предчувствия, как ему придется сосуществовать с чужими людьми, – приходило к нему решили непременно поздно вечером. Через несколько страниц Бунин изображает и самих хозяев положения: "Часовые стоят у входов реквизируемых домов в самых изломанных позах"⁵².

Как видим, помимо неудобств, причиненных самим фактом нарушения права неприкосновенности жилища, собственникам доставлялась масса дополнительных неприятностей, вызываемых некорректным отношением "человека власти" к зависимым от его воли обывателям.

Манипуляции власти с недвижимостью особенно остро воспринимались пострадавшими главным образом потому, что жилые помещения осознанно или не вполне являются для людей живыми помещениями и симбиоз человек-квартира, особенно для лиц пожилого возраста, является необходимым условием поддержания здоровья и даже существования на этом свете.

Английское выражение "My house is my castle", сформулированное юристом Э. Коком на рубеже XVI–XVII вв., разделяло абсолютное большинство наших соотечественников. Оно означает, что жилье – пространство, повседневно нас окружающее, – является убежищем от мирской суеты и неприятностей, иногда доставляемых ею. Границы дома, квартиры, комнаты, угла за ширмой есть контуры, отделяющие внутренний мир индивида от постороннего взора. Ассоциация жилья с крепостью предполагает схождение в нем двух ипостасей бытия: материальной, позволяющей пользоваться наделенными объективной и субъективной ценностью вещами, и духовной, предполагающей возможность и общения с семьей, и уединения, рефлексии. А так как жилье в комплексном его понимании создается далеко не за один год, то можно заключить, что представители власти, отнимая часть квартиры и тем более переселяя отдельные семьи в другие дома, обрубали духовные корни длиною не в одно поколение. К чему же апеллировали потерпевшие от "жилищной катастрофы" граждане, обращаясь в органы власти с просьбой восстановить справедливость?

Приведение рациональных доводов противозаконности актов изъятия жилья представляло собой одновременно попытку говорить с властью на привычном для нее языке права и демонстрацию прочности унаследованного от дореволюционной эпохи правового сознания. *Постановление о реквизиции дома "я нахожу неправильным, т.к. оно нарушает неприкосновенность моего жилища"*, – заявлял житель села Великомихайловка Новоскольского уезда Т.Х. Молибога⁵³. Обращаясь к ценностям демократического общества (наряду с другими доказательствами своей правоты), автор документа вряд ли стремился поправить дело такой формулировкой. Скорее, он приводил ее как назидание, веря в примат некоего общечеловеческого права над отклоняющимися от него законами большевистской России.

Если проситель не считал себя способным заставить власть изменить новые юридические нормы, то при соответствующих обстоятельствах он мог упоминать об обрыве советскими декретами связующих нитей обязательственного права. П.Ф. Стефановский (с. Сетное Корочанского уезда) за несколько лет до Октября передал в залог А.З. Попову дом и сад. Большевики, не вникнув в тонкости имущественных отношений, "притеснили [А.З. Попова] как буржуа" и отобрали дом П.Ф. Стефановского⁵⁴.

Лица, пострадавшие от муниципализации жилья, с удивлением воспринимали ситуации, когда их дом, купленный за счет личных сбережений, полученных в результате продажи иного имущества, оказывался "лишним" и подлежал изъятию. Житель Корочанского уезда Е.И. Косухин сетовал: *"Лишившись хозяйства своего на покупку дома, крайне обидно и несправедливо лишиться купленного дома"*⁵⁵.

В условиях революции права и пренебрежения к обязательствам бывшие собственники домов и квартир все чаще апеллировали в своих заявлениях к ценности нравственных норм, а то и попросту изливали душевную боль. Особенно обидным представлялось потерять жилье тем, для кого собственность означала овеществленный труд как одну из главных ценностей в структуре сознания. *"Второй дом я приобрел и отремонтировал задолго до начала войны"*, – упоминает в своем заявлении уже известный нам Т.Х. Молибога⁵⁶.

Восприятие конфискации части или целого помещения преломлялось через семейные проблемы, порожденные новыми условиями быта. По словам Е.И. Косухина, он вынужден был купить злополучный дом *"в виду тесноты своей маленькой хатки и большого семейства – 10 душ"*⁵⁷. А.В. Платонова, квартира которой, как мы по-

мним, предназначалась для должностного лица, выходит на задушевный разговор с властью предержащими: *"Уходя на работу и не пользуясь ничьим присмотром за детьми, я их оставляю дома в полной уверенности, что они своими шалостями никому не мешают и их никто не обидит, так как отдельный двор и в домике, где я помещаюсь, жильцов с детьми больше нет"*⁵⁸. Т.Х. Молибога объясняет, что он, намереваясь оставить сына с семьей в одном доме, сам с женой, дочерью и внуком переселился в другой, так как его собственное *"болезненное состояние и болезненное состояние... невестки, требующее абсолютного покоя, приносило взаимный вред"*⁵⁹.

Отношение пострадавших к уполномоченным, проводящим конфискационные мероприятия, можно определить словами из одного документа: *"поступают заведомо недобросовестно вернее бесчеловечно"*. На языковом уровне отношение владельцев жилых помещений к своей собственности ярко характеризует встретившееся нам в заявлении слово "Дом", написанное с заглавной буквы.

Если подвергшиеся уплотнению или переселению домовладельцы воспринимали себя в качестве незаконно и неоправданно обиженных, то новые квартиросъемщики демонстрировали психологию завоевателей, готовых наслаждаться куском добычи.

Заботливость человека по отношению к дому предстает уже совсем в иной форме. Так, переживания П.П. Авдеева (село Авдеевка Корочанского уезда) за целостность "народного добра" есть не что иное, как корыстное устремление: автор просит помочь в приобретении хаты, указывая, что подмеченный им флигель *"уже подвержен расхищению со стороны несознательных"*. Свое заявление Авдеев подытоживает словами: *"Я еще буду приносить пользу РСФСР к которой и прибегаю с просьбой дабы получить то что останется не для расхищения и во вред власти"*⁶⁰.

Наблюдалась и неприкрытая безответственность новых пользователей жилья. Примером служит порча помещений солдатами: *"...Большинство квартир, отведенных для размещения людей 73-го стрелкового полка приведены в совершенную негодность Подобный разгром производится и другими воинскими частями, которые зданий под расписку не принимают и сдавать не желают"*⁶¹.

Культивируемая большевиками потребительская психология подавляла стремление к созидательному труду. В то же время у тех, кто всю жизнь довольствовался небольшим, неудачно расположенным пространством, не было привычки, да и потребности соблюдать долж-

ный порядок в поделенных на коммуналки барских хоромах. Нерадостная картина бытия московских рабочих изображается в книге Е.О. Кабо, при описании, в частности, квартиры семьи В., живущей в уплотненном помещении зубного врача:

*"Повсюду наставлены деревянные перегородки.., давно не ремонтировавшаяся, запущенная и перенаселенная квартира производит гнетущее впечатление. Водопровод и канализация исправны, но содержание в чистоте уборной составляет предмет постоянных конфликтов.... Центральное отопление не действует, комнаты загромождены переносными железными печами. Вся квартира изрезана трубами, а стены открыты копотью"*⁶².

Не мудрено, что видя след большевизма в своих квартирах, бывшие хозяева подчас лишались рассудка.

ВЫВОДЫ

Отсутствие ментальных и правовых гарантий защиты частной собственности после Октябрьской революции привело к пересмотру идеи неприкосновенности жилища и последовавшей драме повсеместного изъятия "лишних" домов, квартир и комнат.

Непредосудительное желание большевиков улучшить условия быта трудящихся на практике обрастало комом проблем и противоречий.

Получив фактическую и постепенно обретая юридическую возможность распоряжаться частновладельческими жилыми помещениями, представители власти на местах начали уделять слишком много внимания поиску и распределению пространства для собственных насущных и "расширенных" потребностей.

Передел жилья стал одним из слагаемых борьбы большевиков против зажиточных слоев населения, однако в конце концов оказалось, что жертвой этой кампании мог стать любой гражданин, имеющий жилищную площадь чуть большую, чем следовало согласно произвольно установленным нормам.

Санкционируя бесчисленные конфискации, государственная власть не задумывалась над необходимостью работ созидательного характера – в первые послеоктябрьские годы резко упали темпы строительства. Одновременно политика конфискаций не давала стимула самим гражданам улучшать жилищные условия, менять быт исключительно за счет собственных усилий.

"Перебрасывание людей" из одних помещений в другие в некоторой мере служило политической цели – лишить индивида базиса ду-

ховной жизни и сделать из него удобного исполнителя приказов власти.

Характерной чертой изъятия жилых помещений, равно как и другого имущества, было невнимание служащих аппарата к проблемам личности, утрачивающей часть своего материального "Я". А. Атабекян с негодованием замечал: "Если завтра [поселенный в результате уплотнения] жилец вас оберет, обидит членов вашей семьи, обеспечит вашу дочь, то власть тут не при чем: она управляет вещами, а не свободными людьми"⁶³.

Отчуждение жилья на протяжении всего рассматриваемого периода происходило равномерно. Правда, на локальном уровне частотность конфискационных актов увеличивалась в первые месяцы после установления советской власти. После перехода к нэпу и "сталинского поворота" многочисленные и беспорядочные изъятия жилой площади уже не производились, но право собственности на жилье в СССР имело весьма своеобразный характер, далекий от демократических принципов. Десятилетиями сохранялись следующие ограничения полномочий домовладельцев и квартиросъемщиков.

1. Запрещалось сосредоточивать в руках одной семьи, состоящей из супругов и несовершеннолетних детей, два и более объекта непродовольственной недвижимости.

2. Мужу, жене и несовершеннолетним детям не разрешалось продавать дом чаще, чем раз в три года (п.2 ст.182 ГК РСФСР).

3. Частные лица не могли продавать строения организациям по цене, превышающей размер инвентаризационной оценки (постановление ВЦИК и СНК от 10 мая 1935 г.).

4. Параметры отстроенного здания ограничивались двумя этажами и пятью комнатами (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 г.)⁶⁴.

Даже архитекторам приходилось подстраиваться под социалистические принципы. Некоторые новые здания, возведенные в 1930-е гг., имели предусмотренные в проекте коммунальные квартиры (видимо, авторы проектов следовали логике: коммунальная квартира – коммуна – коммунизм). "Дом-корабль" имел уменьшенные кухни с узкими окнами, так как считалось, что советский человек будет питаться в государственных столовых.

Не удивительно, что после смены общественного строя в России (1991 г.) реабилитация частной собственности на жилье в целом счита-

ется одним из немногих позитивных сдвигов. По результатам опроса Центра социологических исследований при МГУ сделан вывод о позитивной оценке современной молодежью возможности приватизации жилых помещений⁶⁵.

Примечания (глава 4)

¹ Кузовков Д.В. Муниципализация жилищ и квартальные хозяйства в Москве. Доклад товарища Д. Кузовкова Московскому Совету от Жилищно-Земельного отдела. – М., 1920. – С.9, 13, 16.

² Курская беднота. – 1918. – 19 сентября. – С.2.

³ Курская беднота. – 1918. – 14 ноября. – С.3.

⁴ Кузовков Д.В. Указ. соч. – С.64.

⁵ Там же, С.64-65.

⁶ ГАТО, ф.Р-291, оп.1, д.126, л.24.

⁷ Декреты Советской власти. Т.1. 25 окт. 1917 – 16 марта 1918 гг. – М., 1957. – С.132-137.

⁸ Генкин Д.М., Новицкий И.Б., Рабинович Н.В. История советского государства и права. – М.: Юридическая литература, 1949. – С.93.

⁹ Там же, С.174.

¹⁰ Бугай Н.Ф. Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы. 1918-1921 гг. – М.: Наука, 1990. – С.224.

¹¹ ГАБО, ф. Р-379, оп.1, д.14, л.44.

¹² Там же, ф.Р-528, оп.1, д.14, л.44.

¹³ Там же, д.50, л.24 об.

¹⁴ ГАБО, ф.Р-381, оп.1, д.8, л.20 об.

¹⁵ Там же, ф.Р-520, оп.1, д.12, л.5; Там же, л.6.

¹⁶ Там же, ф.Р-197, оп.1, д.23, л.5.

¹⁷ Там же, д.25, л.53.

¹⁸ Присяжный Н.С. Экономическая чума: военный коммунизм в России (Историко-экономический анализ 1918-1921 гг.). – Ростов н/Д, 1994. – С.442.

¹⁹ ГАБО, ф.Р-520, оп.1, д.45, лл.4-4 об.

²⁰ Там же, ф.Р-197, оп.1, д.17, л.30 об.

²¹ БОЦДНИ, ф.986, оп.1, д.5, л.25.

²² ГАБО, ф.Р-428, оп.1, д.1, л.27.

²³ ГАКО, ф.Р-325, оп.1, д.12, л.9 об.

²⁴ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д. 14, л.46.

²⁵ Там же, д.25, л.77.

²⁶ Там же, д.14, л.37.

²⁷ Там же, ф.Р-380, оп.1, д.7, л.42.

²⁸ Там же, ф.Р-528, оп.1, д.25, л.65.

²⁹ Бугай Н.Ф. Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы. 1918-1921 гг. – М.: Наука, 1990. – С.225.

³⁰ Пайпс Р. Русская революция. Ч.2. – М.: РОССПЭН, 1994. – С.386.

³¹ Советский строитель. – Воронеж, 1920. – № 1 (апрель-май).

³² Кузовков Д.В. Указ. соч. – С.58.

³³ Там же, ф.Р-528, оп.1, д.113, л.38.

- ³⁴ Там же, ф.Р-197, оп.1, д.17, л.10.
- ³⁵ Там же, д.3, л.52 об. – 53.
- ³⁶ Там же, ф.Р-428, оп.1, д.2, л.33.
- ³⁷ Там же, ф.Р-520, оп.1, д.12, л.14.
- ³⁸ Шестаков А.В. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма. – Воронеж, 1930. – С.44.
- ³⁹ ГАБО, ф.Р-520, оп.1, д.5, л.62.
- ⁴⁰ Там же, ф.Р-428, оп.1, д.2, л.40–40 об.
- ⁴¹ Там же, ф.Р-528, оп.1, д.25, л.65.
- ⁴² Бугай Н.Ф. Указ. соч. – С.224.
- ⁴³ Курская беднота. – 1918. – № 49. – С.3.
- ⁴⁴ ГАТО, ф.Р-291, оп.1, д.126, л.55.
- ⁴⁵ Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы в трех томах. Т.2. – М.: Наука, 1966. – С.134-135.
- ⁴⁶ ГАБО, ф.Р-197, оп.1, д.3, л.52 об.
- ⁴⁷ Там же, ф.Р-528, оп.1, д.50, л.24.
- ⁴⁸ Большевик – Коломна, 1918. – № 6 (январь). – С.1.
- ⁴⁹ Петроградский военно-революционный комитет... – С.64.
- ⁵⁰ ГАЯО, ф.Р-180, оп.1, д.163, л.44.
- ⁵¹ Бунин И.А. Окаянные дни. – М.: Современник, 1991. – С.74.
- ⁵² Там же. – С.77.
- ⁵³ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.9, л.29.
- ⁵⁴ Там же, ф.Р-520, оп.1, д.17, лл.2, 4.
- ⁵⁵ Там же, д.12, л.1 об.
- ⁵⁶ Там же, д.9, л.29.
- ⁵⁷ Там же, д.12, л.1.
- ⁵⁸ Там же, д.5, л.62 об.
- ⁵⁹ Там же, ф.Р-528, оп.1, д.5, л.62 об.
- ⁶⁰ Там же, ф.Р-520, оп.1, д.5, л.13, 13 об.
- ⁶¹ Там же, ф.Р-380, оп.1, д.7, л.15.
- ⁶² Кабо Е.О. Очерки рабочего быта. – М., 1928. – С.51.
- ⁶⁴ Атабекиан А. “Великий опыт”. – М., 1919. – С.14.
- ⁶⁴ Еремеев Д.Ф. Право личной собственности в СССР. – М., 1958. – С.43; 52-53.
- ⁶⁵ По докладу В.И. Добрыниной, сделанному на конференции “Социальное предвидение и прогнозирование как феномен социально-исторического творчества” (Белгород, 8-9 октября 1998 г.).

ГЛАВА 5. ИЗЪЯТИЕ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ

На протяжении периода кристаллизации “диктатуры пролетариата” власть вела изнурительную борьбу за обладание правом распоряжаться сельскохозяйственной продукцией, произведенной частником. Напряженность этой борьбы диктовалась особенностью данного вида имущества – удовлетворять одну из базовых потребностей человека. Лишение российских крестьян “излишков” продуктов питания становилось главной причиной вооруженных выступлений, тогда как другие негативные для рядовых граждан явления послеоктябрьской эпохи подобной реакции не вызывали.

Острота борьбы за продовольствие объясняется равновесием интересов народа и власти. Крестьяне защищали свои запасы как собственность, причем трудовую, а также как источник средств, необходимых для прокормления семьи. Не меньший резон установить контроль над продовольственными запасами имела и большевистская власть, для которой этот вопрос был условием ее жизнеспособности.

Отдельные попытки усилить государственное регулирование экономики, в том числе ввести принудительные хлебозаготовки, предпринимались и до прихода большевиков к власти: в конце 1915 года правительство начало принудительно скупать хлеб у частника, 29 ноября 1916 г. по инициативе министра земледелия А.А. Риттиха была введена продразверстка, 25 марта 1917 г. вышел закон Временного правительства “О передаче хлебов в распоряжение государства”. Все эти мероприятия остро воспринимались производителями сельскохозяйственной продукции, что не в последнюю очередь позволило партии большевиков взять в свои руки бразды правления. Помня опыт царского и Временного правительств, лидеры большевиков боялись не удержать власть без решительных мер по обеспечению рядовых граждан продовольствием. Новому правительству предстояло преодолеть кризис продовольственного снабжения.

Поскольку краеугольным камнем политики большевиков стало отрицание частной собственности, постольку правительство видело сред-

ство решения всех проблем в свертывании товарно-денежных отношений и переходе к распределительной системе, основанной на принудительном изъятии материальных благ у одной группы населения и передаче их другой группе.

Коренное же отличие такого подхода от аналогичных акций прежних режимов, – хотя далеко не все крестьянское население это улавливало, – состояло в сознательном расшатывании фундамента частной собственности.

С молчаливого согласия масс правительство большевиков присвоило себе право на все продовольственные запасы, в которых оно испытывало потребность. Моральное основание этого права выводилось из священной обязанности государства – иметь резерв продовольствия на случай голода. Требование отдавать продуктовые излишки рассматривалось властями также в качестве заслуженного вознаграждения за бесплатно предоставленную крестьянам землю. Реальная способность правительственных органов осуществлять массовые конфискационные акты подкреплялась мощным аппаратом принуждения.

Ричард Пайпс считает доминирующим фактором напряженной борьбы большевиков за ведущие позиции в продовольственном аппарате стремление партии удержать власть. Во имя этого деревня и была разделена на два враждебных лагеря, а продовольственная политика стала одним из средств политической борьбы. В итоге, утверждает автор, количество добытых продуктов оказалось “на удивление смехотворным”, в то время как политические достижения “улыбки не вызывали”¹. Стоит, однако, заметить, что правительство большевиков не ограничивалось удовлетворением одной только потребности в самосохранении, оно имело также далеко идущие побуждения, надеясь, что с победой распределительной системы над товарно-денежными отношениями будет ускорен переход к заветной ленинской мечте – социалистическому обществу.

Законодательная регламентация изъятий

Уже 27 октября 1917 г. с выходом правительственного постановления “О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле” муниципальные органы получали право самостоятельно распоряжаться продуктами и другим имуществом конфискуемых у частных владельцев торгово-промышленных предприятий. Также органы самоуправления наделялись полномочием реквизировать продо-

вольственные запасы, превышающие установленную норму². В дальнейшем регламентированная законодательством сфера деятельности уполномоченных структур по изъятию продовольствия постоянно расширялась, охватывая более разнообразные ситуации и допуская более сильный нажим на собственника.

Первая половина декабря 1917 г. ушла на то, чтобы овладеть продовольственным аппаратом страны и попытаться легитимными способами с большой долей популизма побудить крестьянство пойти на “жертвоприношение” – согласиться с системой твердых цен на продукты питания и начать массовую ссыпку урожая 1917 года³.

25 марта 1918 г. СНК издал декрет “Об организации товарообмена для усиления хлебных заготовок”, который, по словам Ю.А. Ильина, носил компромиссный характер в отношениях власти и крестьянства: с одной стороны, государство сохранило за собой монополию в деле заготовки продовольствия, с другой – учло пожелание крестьянства перейти от денежной к товарной системе расчета за сданную сельхозпродукцию⁴.

Система твердых цен на хлеб, хотя и в латентной форме, уже содержала в себе конфискационный оттенок, поскольку производителю приходилось реализовывать товар без должной прибыли, а то и с большим убытком.

В мае 1918 г. начался новый этап взаимоотношений власти с крестьянами. В среде должностных лиц пренебрежение к праву собственности на продовольственные запасы приняло открытую форму. 13 мая вышло постановление о делегировании широких полномочий Народному комиссариату продовольствия, в котором, как замечает Н. Верт, государство провозгласило себя главным распорядителем еще до того, как стало главным производителем⁵. Большевики намеренно смешивали понятия “владение” и “распоряжение”.

29 мая 1918 г. Совет народных комиссаров выпустил воззвание, прямо указывавшее на виновника продовольственных трудностей и на необходимость борьбы с ним. Документ гласил: “Меры правительства по обеспечению хлебной монополии дадут результаты только в будущем. Как и где взять хлеб в ближайшие дни? Товарищи рабочие и голодающие крестьяне, вы знаете, где находится хлеб. Почти все излишки – у деревенских кулаков”. Далее следовал призыв формировать отряды во имя того, чтобы *вырвать* хлеб силой⁶. Власть осознала, насколько эффективнее использовать социальные проти-

воречия в деревне, чем ускоренными темпами создавать собственный заготовительный аппарат. Декретом от 11 июня 1918 г. "Об организации деревенской бедноты" изъятие продовольствия, носившее прежде эпизодический характер, становилось систематическим.

Совокупность правовых норм, установленных большевистским правительством, не могла изменяться с той же стремительной скоростью, что и политическая конъюнктура. В таких ситуациях в ход пускались радикальные догмы новой морали. К примеру, в книге, изданной осенью 1918 г., находим следующие высказывания: "При создавшихся условиях всякий, кто скрывает от государства ценности, излишние в личном потреблении, тот стремится к обогащению за счет народного бедствия, тот – преступник"; "Никакие блага, накопленные нетрудовыми классами, не должны допускаться к обмену на продукты и орудия общественно-необходимые"⁷. Последователи большевиков подменяли ценность собственности традиционно-значимой ценностью труда, за которой стала отчетливо просматриваться идея блага государства.

Осенью 1918 г. правительство нанесло удар по частной торговле. Кульминационной точкой стал декрет от 21 ноября об огосударствлении всей распределительной системы. Купли-продажи между частниками за некоторыми исключениями стали считаться нарушением законности, и конфискация продуктов могла следовать уже в качестве наказания.

Важным моментом продовольственной политики большевиков стало введение продразверстки согласно декрету от 11 февраля 1919 г. Продразверстка предполагала изъятие излишков продовольствия, тогда как проводившееся на практике изъятие у крестьян части необходимой продукции большевистское правительство так и не решилось узаконить. В дальнейшем продолжающаяся гражданская война и утрата крестьянством материального стимула к труду затрудняли дело обеспечения горожан продовольствием. Однако даже в такой ситуации центральная власть видела способ исправить положение лишь тем, чтобы ужесточить и без того чрезвычайные меры. Ряд последующих законодательных актов распространил продразверстку на все основные виды сельскохозяйственной продукции.

Декреты "О потребительских коммунах" (16 мая 1919 г.) и "О товарообмене и обязательной сдаче населением продуктов сельского хозяйства" (5 августа 1919 г.) укрепляли распределительный аппарат. Законодательный пресс, давивший на продовольственный рынок,

был ослаблен только при переходе к нэпу, и то исключительно под напором крестьянских восстаний.

Уполномоченные структуры

Главным центральным органом, отвечающим за продовольственную политику, был Народный комиссариат продовольствия во главе с А.Д. Цюрупой. В задачи Наркомпрода входило получение и распределение продовольствия, добытого государством путем закупок, обменных операций и насильственных реквизиций. В своей деятельности Наркомпрод опирался на сеть государственных магазинов, но главным образом на кооперацию, которая с весны 1919 г. перешла в полное его подчинение⁸.

Подведомственными Наркомпроду являлись губернские и уездные продовольственные комитеты, которые одновременно находились в ведении Советов (ревкомов) соответствующего уровня.

В структуру продовольственных комитетов входили подотделы и создаваемые по мере необходимости комиссии. Так, Алексеевский уездный продком состоял из подразделений контроля над кооперацией и агентуры по реквизициям; Грайворонский упродком перед началом сбора урожая 1919 г. направил в каждую волость агентов-реквизиторов с целью создания Комиссии для производства пробного урожая, которая препятствовала бы утечке зерна⁹.

Хлебозаготовки были, пожалуй, одним из немногих конфискационных мероприятий, в которых непосредственно участвовали партийные органы. Комитеты РКП(б) собирали сведения об имеющихся запасах хлеба, производили "раскладку" продразверстки по дворам. При затруднениях в ходе хлебозаготовок члены уездных комитетов командировались в волости, так как они, по словам новооскольского коммуниста Обьденко, видели, "у кого можно брать [продукты], а у кого нельзя"¹⁰. Без привлечения партийных сил хозяйственные органы не могли добиться выполнения нарядов Центра.

В деле изъятия продовольствия на первых порах помощь властям оказывали продотряды. Вместе с тем рабочие-горожане оказались не в состоянии принести государству максимальную пользу, вследствие чего летом 1918 г. большевики решили опираться на деревенскую бедноту. Изъятие урожая 1918 г. производилась преимущественно комбедами; когда же опорочившие себя комбеды были распущены, тяжесть хлебозаготовок выпала на долю продовольственного аппарата и низовых Советов¹¹.

В обязанности органов милиции входила, согласно инструкции от 12 октября 1918 г., функция контроля за исполнением декретов об учете и распределении продуктов, соблюдением политики твердых цен.

Продукты питания изымались отрядами Красной Армии для удовлетворения собственных нужд. Обычно перед проведением конфискации они обращались за разрешением к местным властям, но были и случаи мародерства.

Полномочия государственных органов пересекались, что создавало серьезные проблемы. Большевистские руководители не придавали этому особого значения, полагая, что подведомственные структуры все вместе делают общее дело и трений между ними возникнуть не может, однако действительность разрушала эти иллюзии.

В апреле 1920 г. направленный из губернского центра в слободу Чернянку контролер Беланов, призванный наблюдать за переработкой зерна, работой мельниц и маслобойных заводов, отменил распоряжение Райпродколлегии о восстановлении двух мельничных плотин. В свое оправдание Беланов заявил, что он действует на правах члена губкома, упоминая о наличии связей в Курске и подытоживая: "Мне коллегия – ничто". Цель Беланова состояла не в том, чтобы улучшить хозяйство слободы, а в демонстрации своего высокого положения. Райпродколлегия тем не менее добилась ареста контролера "как провокатора и злостного саботажника, провоцирующего продовольственную политику"¹².

Центральная власть не учитывала того, что основная масса государственных служащих не механические исполнители заданных программ, а обыкновенные люди со всеми вытекающими отсюда последствиями, нейтрализовать которые способны лишь четкие правовые нормы.

В ходе выполнения хлебозаготовок наблюдалась такая картина взаимодействия властей: губернские и уездные административные учреждения старались выполнять указания Центра как можно более аккуратно, в то время как волостные и сельские исполкомы, непосредственно контактирующие с производителем и потому более сочувствовавшие его интересам, стремились оттянуть срок сдачи хлеба или снизить норму продразверстки либо вовсе отказаться от выполнения очередной повинности. "В виду того, что Поведская волость, как и вообще Тверская губерния, и раньше нуждалась в хлебе, а своего не хватало, то поручить делегации заявить, дабы никаких разверсток хлеба не производилось", – таким был наказ делегату уездного съезда Советов¹³.

В ответ на требование уездных властей закончить разверстку в то время как яровые хлеба оставались необранными и, соответственно, учета урожая еще не было, 5 сентября 1920 г. Булановский волисполком (Курская губерния) единодушно заявил: "Провести такую безосновательно с потолка находим преступным, ибо этим только введем в заблуждение Центр"¹⁴. Представители губернской и уездной властей старались пресечь подобные настроения. Председатель Алексеевского исполкома Олейников убеждал делегатов уездного съезда Советов (январь 1920 г.): "Мы просим не излишков, а все отдать для борьбы. . . . Вы слепы. . . . Вы хотите сохранить свое хозяйство, а гибели от этого большого хозяйства государства вы не видите"¹⁵.

МОТИВЫ И ХОД ИЗЪЯТИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Кампания по проведению хлебозаготовок

Конфискационный характер государственных заготовок объясняется стремлением власти ликвидировать очаги голода в ряде регионов России, обеспечить продуктами питания армейские подразделения, а в перспективе – еще более подорвать принцип неприкосновенности частной собственности, что означало постоянство чрезвычайных мер вне зависимости от исторической обстановки. Малоубедительно предложение Ю.К. Стрижкова о том, что продразверстки вообще можно было избежать при наличии в руках государства достаточного числа товарных ресурсов, хорошо организованного продовольственного аппарата и налаженного транспорта¹⁶.

Чтобы усилить правомерность своих требований, составители приказов об обязательной поставке продовольствия иногда совмещали мотивировки первоочередной и "расширенной" потребностей государства. Так, приказ Белгородского уездного исполкома о сдаче домашней птицы (октябрь 1920 г.) обосновывался целями "увеличения мясного фонда Республики и для обеспечения больниц, лазаретов и детского питания"¹⁷. Как указывалось в пропагандистской брошюре 1920 г., помощь продовольственным органам со стороны крестьян, способных забрать у соседей излишки хлеба и подвезти к железнодорожным станциям, позволит возобновить работу заводов¹⁸.

Изъятие продовольствия в счет хлебозаготовок начиналось с требований, предъявляемых в мягкой форме. Вышедшая в мае 1918 г. Инструкция наркомпрода о порядке сдачи хлеба государству гласила: "На волостные совдепы и продорганы возлагается организация при-

ема заявлений от лиц, имеющих избыток хлеба"¹⁹. Таким образом, в случае утайки продовольствия, которое подлежало передаче в государственные закрома, власть обретала формальный повод для применения силы, тем более что всецело полагаться на добровольный отказ крестьян от хлебных запасов не приходилось.

Разновидностью "выкачки" хлеба без принуждения являлись сборы пожертвований для населения голодающих губерний. К примеру, в одной из телеграмм Курского губисполкома упоминание о "долге помочь голодающим братьям" опиралось на большевистские идеологемы, созвучные традиционным религиозно-нравственным установкам любви к ближнему, соборности: "От вашей помощи семенами зависит в будущем голод Севера"; "...Докажите, что революционный союз с рабочими и крестьянами промышленного Севера крепок"²⁰.

Представители власти пытались укрепить добровольное начало методом убеждения. Ранее вооруженных подразделений в деревню нередко направлялись агитационно-организационные отряды.

В силу вполне понятных причин добровольные формы сбора продовольствия в государственные закрома приносили более чем скромные результаты. Иногда, правда, допускался еще один "лояльный" метод – **экономический**, основанный на материальном стимулировании производителя. Почти одновременно с изданием Декрета о разверстке было установлено, что крестьяне, сдавшие к 1 марта не менее 70% и к 15 июня – оставшееся количество положенного по разверстке хлеба, освобождаются от натурального налога²¹. Известно также, что промышленные товары выдавались в первую очередь тем земледельцам, кто успешно выполнил наряд по сдаче продовольствия. Стимулирование осуществлялось как "пряником", так и "кнутом": в декабре 1917 г. губернский исполком определил, что граждане, не сдавшие сена продовольственным управам, лишатся возможности арендовать луга²². В целом экономический метод эффективным не был, поскольку предлагаемое вознаграждение не покрывало огромных убытков.

Куда большие надежды власть возлагала на метод **администрирования**. Практиковалось разделение волостей на районы, в каждый из которых направлялся партийный работник, персонально ответственный за ход хлебозаготовок. В январе 1920 г. особо уполномоченный по Алексеевскому уезду Вьючин требовал от командированных членов РКП(б) арестовать за бездеятельность волостных и сельских служащих власти и угрожал арестовать самих руководителей укома²³.

К концу 1920 г. большевистская власть осознала неэффективность чисто административного давления. "Причина в слабом поступлении хлеба, – говорилось на заседании Новооскольского партийного комитета, – заключается не в том, что мало работников, а в том, что нет хлеба и если взять все до фунта хлеба, то разверстка выполнена будет не более 50%"²⁴.

Будучи не в состоянии изъять хлебные запасы крестьян мирным путем, уполномоченные структуры не останавливались перед применением **вооруженной силы**. Первые продотряды направились в села в ноябре 1917 года, а массовое использование насильственных методов началось полгода спустя. Продотряды формировались по инициативе Центра, а также губернских и уездных Советов, опасавшихся невыполнения планов хлебозаготовок. Действия экспедиционного отряда, "работавшего" в конце сентября 1920 г. в селе Верхне-Березово, выразительно описываются в докладе начальника штаба:

"Село Березово действительно хотело устроить форменное восстание, избивая свой Совет, выкрикивая *далой Совет*, с просьбой *давай хлеба, соли и проч.* Кожевенные негодные обрезки в *Недели Крестьянина* [вероятно, завернутые в газету или в сорванное объявление] и всякие нарекания все было замечено и виновных зачинщиков арестовали... При взятии бандитов пришлось употребить нагайку для острастки населения что дало хорошие результаты после чего население склонилось и совет под страхом оружия принял за работу по распределению подворной разверстки... Отряд приступил к работе результаты удовлетворительные"²⁵.

Конкретизирует "удовлетворительные результаты", правда, в несколько ином плане, другой документ – "Акт врачебного осмотра пострадавших от побоев":

"Наталья Коз[ьминична] Лаптева побой на правом плече правой руки синяки вследствие ударов и синяки от побоев на правом боку. Логинава Ирина Никит[ична] чиняки на левом плече и синяки на затылке вследствие чего было кровотечение изо рта... Был нанесен удар красноармейцем по щеке 3-х летнему ребенку, и на 5-летнего ребенка намеревались стрелять"²⁶.

Отнюдь не случайно перед приездом продотрядов крестьяне, по сообщению Г.Г. Бриля, надевали по пять и более рубаш²⁷.

Центральная власть требовала, чтобы силовые методы энергично использовались и комбедами, что нашло отражение в агитационной литературе: "С кулаком и разговор надо особый вести: не словом, а делом! Не дает хлеб добром – взять силой!"²⁸.

Под угрозой насилия сельские жители порой отдавали последние крохи, однако даже такие экстраординарные методы не способствовали решению продовольственной проблемы. В выступлениях партий-

ных работников на протяжении 1918–1920 гг. рефреном звучали слова о том, что “хлеба все равно не имеется”. Так, посланный в Курскую губернию представитель московского продовольственного комитета Н.А. Ефимов, подытоживая анализ действий брошенных в село военных подразделений, признавал: “Отряды эти не смогли существенно поправить положения”²⁹. Действительно, показатель выполнения разверстки в Курской губернии в 1918–1919 гг. был одним из самых низких в стране, составляя 25 %³⁰. Однако если учесть, насколько неприемлемым казалось крестьянам принудительное изъятие продовольствия, приходится удивляться даже таким незначительным результатам.

Помимо принудительных хлебозаготовок цели наполнения государственных закромов служил также введенный декретом от 30 октября 1918 г. **натуральный налог**. Правда, к этому виду сбора представители власти подходили более корректно. Опубликованное 24 декабря 1918 г. постановление ВЦИК освобождало от сдачи налога тех сельских хозяев, которые исправно выполняют разверстку. Декрет ВЦИК “О льготах по взысканию натурального налога” от 29 апреля 1919 г. освободил от такой формы сдачи продуктов крестьян среднего достатка. Тем не менее конфискационный подтекст проступает и здесь: лицам, не получившим льготы, предписывалось уплатить налог в течение двух недель по угрозой удвоения его ставки. Поблажки в отношении одних социальных слоев в очередной раз оборачивались ужесточением требований к другим слоям населения³¹.

Пресечение противоправных действий

В качестве возмездия за правонарушение конфискация продовольствия, как и других видов имущества, проводилась без судебного разбирательства. Продразверстки лишали крестьянина огромного количества продуктов, оставляя только часть жизненно необходимых запасов, но, видимо, и при таком раскладе эти акции не удовлетворяли максималистским притязаниям большевиков. Вот почему многочисленные случаи изъятия пищевых продуктов за правонарушения представлялись необходимыми, поскольку охватывали не одних производителей сельхозпродукции, но практически все социальные слои.

Типичным правонарушением, за которое конфисковывалось продовольствие, была незаконная торговля. Архивные документы свидетельствуют и о других ситуациях, приводящих к аналогичному наказанию, но учтем, что возмездие определялось постановлениями местных органов власти относительно каждого конкретного случая.

Выделим следующие зафиксированные в документах виды правонарушений.

1. Незаконная торговля продовольственными товарами. В условиях господства распределительной системы предполагалось, что население будет получать необходимые продукты через сеть кооперативных организаций, причем, по мнению приверженцев этой идеи, по мере налаживания кооперативной торговли отойдет в прошлое частный товарообмен. В действительности же в рассматриваемый период, несмотря на все запреты, именно рыночная торговля позволяла обывателям удовлетворять насущные потребности. В 1918 – начале 1921 гг. легальный рынок полностью уничтожен не был, однако на него были наложены существенные ограничения политикой твердых цен, государственной монополией на отдельные товары, равно как и системой разверсток, не оставлявших частнику прибавочного продукта.

О месте спекулятивной торговли в градации преступлений против советской власти говорит по меньшей мере полное название ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. Согласно “Положению о чрезвычайных комиссиях на местах”, принятому 11 июня 1918 г., с целью пресечения перепродаж при губернских ЧК были образованы особые отделы, призванные вести “беспощадную борьбу со спекуляцией и мародерством”, осуществлять надзор за отправкой и получением товаров и наблюдать за “буржуазными агентами”, пробравшимися в продовольственный аппарат³².

Одной из форм борьбы со спекуляцией являлась проверка грузов, перевозимых мешочниками, и изъятие имеющихся сверх нормы продуктов. Для обследования железнодорожных составов активно привлекались вооруженные силы. 10 июня 1918 г. Наркомпрод телеграфировал в Тверь: “Конечно сами реквизиции и осмотр не могут отменяться но необходимо организовать дело так чтобы пассажиром доставлялось возможно меньше неудобств”. Другой акт – “Положение о заградительных реквизиционных продовольственных отрядах, действующих на железных дорогах и водных путях” от 5 августа 1918 г. – устанавливал максимальный срок задержки поезда – один час³³. Формально защищая интересы пассажиров, центральная власть, требовала по существу невозможного: тщательно осмотреть поезд и при этом изъять продукты за 60 минут было нереальным.

Картина обыска на железной дороге выразительно представлена в докладе Льговского уездного исполнительного комитета (30 июня

1920 г.; Курская губерния). Получив приказ вести решительную борьбу с мешочниками, Совет сформировал отряд в 54 человека и отправил его на перегон перед станцией Льгов. Бойцы остановили проходивший поезд и предложили мешочникам высадиться, взяв с собой разрешенную к провозу 5-пудовую норму продуктов. Те, кто вез продовольствие в допустимых размерах, начали покидать поезд. Через некоторое время "крупные спекулянты.. начали взбудораживать массу пуская разного рода провокацию..". Часть их стала спорить с членами исполкома, разъясняяшими, "у кого что будет отбираться", другие же торговцы принудительно возвращали к поезду мелких мешочников. Из толпы выделился китаец в красноармейской форме. Он, вертя обнаженной шашкой над головой, начал призывать пассажиров к нападению на отряд. Затем толпа, "гаркнувши в тысячи голосов бей гони и т.п. стала вооружаться кто чем мог и предводительная китайцем с обнаженной шашкой и револьвером в руке бросилась на отряд". Некоторые бойцы отступили, раздались выстрелы, один красноармеец был ранен. Однако вскоре отступившая часть отряда начала стрельбу вверх, останавливая тем самым мешочников и освобождая путь на первую позицию. "Впереди всех мешочников бежал китаец с обнаженной шашкой... догоняя товарищей из отряда на расстояние штыкового удара". Когда пуля задела предводителя мешочников, наступавшие прекратили преследование отряда. Поезд двинулся на станцию Льгов, где другому подразделению предстояло разбить вооруженных торговцев на небольшие группы и арестовать виновных в мятеже, отобрав при этом излишки продовольствия³⁴.

Обследовав поезда, уполномоченные более достоверно могли определить, что тюки с продуктами предназначены для спекуляции. Вместе с тем тщательному досмотру подвергались и жилые помещения с хозяйственными постройками. Найденные запасы продуктов, даже незначительные, квалифицировались как "незаконно хранящиеся", "предназначенные для спекулятивной торговли", хотя предъявить аргументированное обвинение в данном случае было сложнее. Впрочем, такое обстоятельство не препятствовало должностным лицам выносить решения об обыске и исполнять их.

17 января 1918 г. государственные служащие, производя осмотр амбара новооскольского агронома Н.И. Плетнева, обнаружили и конфисковали десять пудов сала. Ходатайствуя о возвращении изъятого, потерпевший приводил в свою пользу аргументы о том, что 1) половина запасов сала принадлежит не ему, а соседу; 2) он живет за

городом, и потому для него затруднительны частые поездки на базар; 3) ему часто приходится разъезжать по делам службы, а в дороге нет возможности покупать продукты; 4) упомянутое сало получено от своих свиней и предназначено для пропитания семьи³⁵.

Получается, что в тяжелейших условиях войны и голода население не могло без страха перед конфискацией запастись продуктами питания "на черный день".

Чтобы процесс изъятия продуктов, являющихся объектами незаконной торговли, шел эффективнее, власть иногда включала механизм "народного контроля" над продавцами. Поначалу это было характерно для города, а с середины июня 1918 г. этому механизму было найдено широкое применение в практике сельских комбедов. Средством выражения активности "народных контролеров" служила печать. Газета Временного рабочего и крестьянского правительства в декабре 1917 г. заявляла: "Борьба со спекуляцией, может, достигнет своей цели, если сами трудящиеся примут в ней самое непосредственное участие". В ответ на призывы сознательные граждане начали публиковать в газетах сообщения: "На Галерной улице [Петрограда], против д[ома] 49, торговец Максим продает товар: шпроты - 14 руб.." и т.д.³⁶ Культивируя образ врага, власть пыталась отвести от себя вектор народного гнева. Но не подобные ли акты способствовали (сознательной?) эскалации гражданской войны?

Угрозы обысков не обошли стороной и работников советских учреждений. В сентябре 1919 г. служащие корочанского Исполкома, изъяв в местной коптильне двенадцать куриных окороков и два кусков сала, совершенно испорченные, привезли "добычу" к себе в общежитие. Узнав о большом количестве окороков в жилом помещении, руководитель ЧК выписал ордер на обыск, и в покои партийных работников пришли сотрудники Комиссии. Один из чекистов "в грубой форме требовал объяснения о причине нахождения здесь окороков" и остался недоволен тем, что один окорок оказался обрезанным (на самом деле мясо было подготовлено для осмотра врачами на предмет годности к употреблению). Затем, "пошарив в кухне, обыскав столовую и другие комнаты, допросив прислугу и девочку и сделав несколько грубых замечаний", члены Чрезвычайной Комиссии удалились. Обыск коммунистов показался обывателям явлением экстраординарным, и потому известие о нем "с быстротой молнии разнеслось по всему городу"³⁷.

2. Неподчинение требованиям власти. Широкие полномочия в

отношении имущества граждан служащие местных советских органов использовали для того, чтобы заставить себя уважать. 24 марта 1919 г. председатель волостного продотдела слободы Малая Лисица Грайворонского уезда, взяв весы, отправился с группой уполномоченных к Д.В. Шабельскому забрать излишки хлеба для облагодетельствования неимущих. Хозяин ни за что не хотел открывать сундук, а когда этого добились, там оказалось просо. Тогда один из производивших обыск сказал, что просо реквизиции не подлежит, но так как Шабельский отказывался открывать сундук, крупа будет изъята. Через три дня хозяина заключили в тюрьму "за укрывательство излишка хлеба (!) во время переписи и за неподчинение власти". Нарушитель пробыл там один месяц³⁸.

3. Самовольный вывоз продуктов за пределы административно-территориальной единицы. Распоряжения о недопустимости вывоза продовольственных товаров обосновывались военным временем и связанным с этим дефицитом продовольствия. "Конфисковать хлеб у Кобелевых, их самих за вывоз хлеба за границу уезда привлечь к ответственности", – постановил 25 августа 1918 г. Новооскольский уездный земельный съезд³⁹.

4. Недосев. Наказание за то, что часть земли оставалась незасеянной, имело целью стимулировать сельскохозяйственное производство. Свойством "диктатуры пролетариата" стало побуждение к труду не через обещание награды, а путем нагнетания страха перед нештучным наказанием. Положение о необходимости изъятия зерна за недосев содержалось в циркуляре Наркомпрода от 24 августа 1918 г.⁴⁰

К перечисленным пунктам добавим и "экспроприацию" – экспроприруемых у экспроприаторов! – продуктов у продотрядов, проводившуюся, правда, в редких случаях, при обнаружении злоумышленных действий.

Постановления об изъятии продуктовых запасов за правонарушения принимались при отсутствии должного контроля со стороны высшего звена власти. Центральному правительству важнее было любой ценой достичь заветной цели – свести к минимуму частные торговые сделки, чтобы осязать призрак победы социалистического общества. То, что применяемая тактика – облавы в поездках, обыски в частных домах и квартирах – была сопряжена с вторжением в личную жизнь, государственных служащих не смущало. К их чести следует заметить, что при изъятии продовольствия то, что конфисковывалось, как раз и составляло объект правонарушения.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Продовольствие в ведении государства

Изъятие максимального количества продовольствия, естественно, не предполагало долгосрочного хранения его в государственных складах; речь шла о постоянном пополнении государственного резерва, что диктовалось скоропортящейся природой данного вида имущества. В конечном счете все продукты, за исключением отправленных на экспорт, предназначались для населения России, но понятия "население" для большевиков фактически не существовало: классы были наглухо отделены друг от друга идеологическими и правовыми перегородками. Выделим пять векторов распределения изъятого продовольствия, попавшего в ведение органов власти среднего звена – уездных советских учреждений.

1. Отправка продовольствия в губернский центр в счет спускаемых нормативов по хлебозаготовкам. По данным второй Курской губернской конференции РКП (б) (25 октября 1918 г.) в Москву, Петроград и северные губернии было отправлено 1,5 миллиона пудов хлеба, 1,2 миллиона пудов картофеля и множество других продуктов⁴¹.

2. Снабжение войсковых частей. В условиях близости линии фронта административным органам некоторых уездов Курской и Воронежской губерний приходилось отдавать часть имеющегося продовольствия в пользу красноармейских подразделений. Начальник Алексеевского упродкома докладывал в революционный комитет (декабрь 1919 г.), что для первоочередного снабжения военных отрядов ему приходится уступать часть заготовленной для города продукции⁴². Снабжение армии напоминало наполнение водой бездонной бочки, и потому некоторые органы местного управления пытались внести в этот процесс элемент упорядоченности, запрашивая обоснования требования продуктов и точные сведения о количестве "довольствующего персонала" в воинских частях. Так или иначе, снабжение армии было суровой необходимостью. Помощь со стороны гражданской администрации снижала вероятность мародерства.

3. Передача продуктов в учреждения. Часть продуктов, отобранных в наказание за правонарушения, внепланово передавалась в больницы, детские дома.

4. Безвозмездная помощь другим регионам. Представители охваченных голодом губерний отправлялись в хлебные районы страны.

Были случаи безвозмездного выделения им некоторого количества продуктов. Известны факты, когда одни уезды помогали другим, что следует считать позитивным начинанием.

5. “Бартерный” обмен с другими регионами. Когда на просьбы о безвозмездной помощи уездная власть отвечала отказом, должностным лицам, приезжающим за продуктами, приходилось обещать взамен мануфактуру, изделия из железа и т.п.⁴³ Договорной товарообмен несколько сглаживал тяжесть бесчисленных конфискаций продовольствия, однако он не был широко распространен.

Следующий пример демонстрирует и такой своеобразный способ распоряжения продовольственными запасами, как их ликвидацию. “Приступлено к уничтожению 6000 ведер пива. Люди работающие перепиваются, но пиво уничтожено наполовину и продолжает уничтожаться спусканием в реку”⁴⁴.

Выдача продовольствия гражданам

Большевистская власть преследовала частный товарооборот, предлагая взамен скромную систему распределительных учреждений. В Курской губернии государственная торговля велась через советские муниципальные лавки, а также через фруктовые лавки, в которых помимо основного товара продавали кипятки и “тысячу мелочей”. Дополнительную возможность покупать продукты питания получали работники отдельных предприятий и организаций по месту службы.

Вмешательство государства в распределительный процесс не ограничивалось передачей продуктов в советские лавки. Объем прав индивида на покупку различных товаров зависел от классовой принадлежности. Все население, исключая крестьян – производителей сельхозпродукции, в зависимости от возложенных на него обязанностей (физическая работа и проч.) было разделено на четыре группы. К первым трем группам относились трудящиеся, а также те, кто не мог находиться на службе по уважительной причине. Четвертую группу составляли “эксплуататоры” и приравненные к ним категории людей. Количество нормированного отпуска продуктов должно было составлять пропорцию 4: 3: 2: 1, причем карточки буржуазии подлежали отовариванию лишь “в пределах возможного”.

Определенные центральной властью нормы выдачи продовольствия на местах расценивались лишь в качестве ориентиров: размер пайков колебался в зависимости от имеющихся запасов. При таких обстоятельствах вопрос, продаются или раздаются продукты, имел второ-

степенное значение. Важным был уже сам факт, что в такой-то советской лавке “выбросили” необходимые гражданам товары, хотя купить необходимое их количество могли далеко не все. Декрет об организации деревенской бедноты определял возможность бесплатных и льготных выдач хлеба неимущим крестьянам в селениях, где успешно и своевременно происходила борьба с зажиточными слоями. По декрету о продразверстке (январь 1919 г.) в местных хранилищах разрешалось оставлять 10 % изъятого у частников хлеба для последующей продажи бедноте с 50 %-й скидкой.

28 июля 1919 г. Грайворонский уездный продовольственный комитет постановил выдать на каждого члена семьи нуждающихся по 5 фунтов муки, “а от 2-фунтовой нормы удержаться как [от] ненормальной..”; в документах Алексеевского упродкома упоминается об “обсеменении полей бедноты” (март 1920 г.), раздаче зерна для засева членам семей красноармейцев (май 1920 г.), составлении списков неимущих⁴⁵.

При распределении продуктов среди персонала государственных организаций и учреждений значимым было положение индивида на служебной лестнице. Так, 26 февраля 1919 г. Олонецкая губернская ЧК, рассмотрев дело по обвинению Ф.И. Моисеева в незаконной продаже мяса, постановила: “Передать настоящее дело на рассмотрение Олонецкого Губернского Революционного Трибунала, мясо же как предмет скоропортящийся реквизировать по твердой цене для нужд Красной Армии”. Далее уточнялось: “в коллектив коммунистов батальона на усмотрение и распределение”⁴⁶. Первоочередное право высокопоставленных лиц (к тому же, членов партии) на получение продовольствия объяснялось исключительно сложными условиями их работы.

По месту службы обеспечивались продовольственные потребности и более широких социальных слоев. Так, накануне советских памятных дат армейские части, учебные заведения, детские дома заказывали в продовольственных органах дополнительное количество продуктов для составления праздничных пайков. В октябре 1918 г. Новооскольский уездный исполком просил продовольственный комитет “отпустить... один пуд сахара и 60 штук булочек для железнодорожного училища на предмет раздачи ученикам.. в день годовщины Октябрьской революции”⁴⁷.

Итак, относительно беспрепятственное движение продуктов от производителя к потребителю после укрепления большевистского режима перекрывается мощнейшей плотиной, которая, по замыслу ее создателей, должна была направлять товарообмен по заранее заданному

руслу. В то же время губительное снижение интенсивности потока и признаки застоя практически никем из adeptов распределительной системы не принимались в расчет. Напротив, классовые пайки рассчитывались как "условия созидательного труда и средство принуждения к труду"⁴⁸.

Возвращение изъятых продуктов

Добиться, чтобы прежнему владельцу были возвращены изъятые у него продовольственные запасы, было намного труднее, чем в случаях с другими видами имущества. Как мы уже видели, на местах хлебозаготовки производились с огромными трудностями, в то время как центральная власть под угрозой сурового наказания требовала неукоснительного выполнения всевозможных разверсток. В таких условиях отчуждение части необходимой продукции становилось нормой и апелляции населения в большинстве случаев не принимались в расчет. Правда, при повальных обысках с последующей конфискацией всех запасов продовольствия после ходатайств пострадавшей стороны могла быть выдана небольшая компенсация.

Принудительные заготовки продовольствия оправдывались обещаниями в качестве компенсации прислать в деревню промышленные товары. На деле же неплохо отлаженным стало только одно направление товарообмена – от частного сельскохозяйственного производителя к продовольственному аппарату.

ОТНОШЕНИЕ ГРАЖДАН К ИЗЪЯТИЮ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Об оценке продовольственной политики должностными лицами говорит присутствие в их речи соответствующих идеологем. Без выполнения мясных нарядов "революционные организации уезда не могут считаться истинными приверженцами Советской власти", – указывал в циркулярной телеграмме губернский продовольственный комиссар Миронов⁴⁹.

Ряд документов свидетельствует, что часть государственных служащих среднего звена занимала отстраненную позицию, не желая осмысливать предпринимаемые Центром шаги. В октябре 1920 г. на заседании Новооскольского уездного партийного комитета обсуждался вопрос об очередной разверстке, было высказано опасение, что после сдачи государству зерна обсеменить поля будет нечем. Однако эта точка зрения стала оспариваться. Товарищ Марьясин возмущился и заявил: "...Раз издан приказ нужно его выполнить и если потребуются

помощь, то первый Запбаталион поможет". В результате предложение просить губисполком об отмене разверстки было отвергнуто⁵⁰.

В составе "лексики изъятия", связанной с конфискацией продовольствия, зафиксированы обозначения "выкачка" и "работы по продовольствию", что, безусловно, отражает представление аппарата об одной из важных сторон его деятельности. Так, использование в речи слова "выкачка", в переносном смысле обозначающего постепенное извлечение чего-либо, свидетельствовало об ориентации советских работников на осуществление непрерывных, рутинных актов изъятия. "Утвердить Комиссию по организации экспедиционных отрядов для выкачки хлеба..." (Из протокола заседания Курского губернского исполкома)⁵¹. Словосочетание "работы по продовольствию" также говорит о взгляде на конфискацию имущества как на повседневное занятие, причем заметна тенденция авторов документов путем применения маскировочного термина нейтрализовать драматизм того, что под ним подразумевалось. "В Белгород прибыл 125-й стрелковый батальон для работ по продовольствию"; "в заседании принимали участие товарищи, отправляющиеся на работы по продовольствию"⁵².

Будничность мер по изъятию продовольственных запасов – не в ней ли заключается вся трагичность эпохи как следствие деформации ментальных установок? – демонстрирует также логика следующего документа: рядом стоящие слова "заготовлено" и "изъято". 18 мая 1920 г. на заседании Курского губисполкома докладчик, указав, каким количеством хлебопродуктов располагают продовольственные органы, прибавил: "Может быть заготовлено и изъято при экспедиционной системе до 1 миллиона п[удов] хлебопродуктов и еще [от] 100 до 150 тысяч пуд[ов] семенного картофеля"⁵³.

Что же касается пострадавших, кампании по отчуждению продовольствия в наибольшей степени омрачали их бытие, поскольку в ходе конфискации нарушались два естественных права человека: не только право на собственность, но и право на жизнь. По этой причине принудительные хлебозаготовки вызывали у населения необычайно сильную неприязнь. Неспроста в выступлениях прибывших в Алексеевку делегатов от волостей (28 мая 1920 г.) рефреном звучало:

"Политическое настроение населения хорошее за исключением продовольственного вопроса в виду неимения хлеба" (Алейниковская волость)⁵⁴. "Настроение населения плохое в смысле продовольствия за неимением хлеба" (Божковская волость), "Настроение населения хорошее за исключением по продовольственному вопросу" (Мухоме-

ровская волость), "Население спокойно за исключением продовольственного вопроса" (Нагольновская волость).

"Как это все неприятно и нехорошо", – записал в своем дневнике 24 декабря 1919 г. вологодский крестьянин-середняк А.А. Замараев после прошедшего у него обыска на предмет наличия соли. А днем раньше этим крестьянином была сделана еще более тревожная запись: "Хлеб реквизирован так, что многим с масленицы не будет и себе. А пайка нет никому. Стон, слезы и болезни, холод и голод"⁵⁵. Записи А.А. Замараева предельно лаконичны: "Описан хлеб, скотина"; "Просят хлеб на сыпной пункт с деревни" и пр. От обрывистых фраз веет тревогой – и тем отчетливее представляется трагедия, настившая крестьянина-труженика. Другой пример – письмо орловской монахини: "Если будет попытка взять урожай хлеба на учет, то весь хлеб будет пожжен в копнах, так как все видят в этом унижение личности и полное бесправие"⁵⁶.

Оценивая реквизиции и конфискации продовольствия, крестьяне пытались отыскать причину обрушившихся на них невзгод. Правда, виновными в несправедливом изъятии продуктовых запасов в первую очередь представляли нижние этажи власти, с которыми сельским жителям непосредственно приходилось сталкиваться, и вместе с тем попытки найти истинный источник бедствий видны даже в письмах полуграмотных людей. "Ваня прощу тебя где бы ты ни работал в мастерских учреждениях только не записывайся в партию коммунистов. . . . В Корочанском уезде народ расстроен до конца. . . . Осимье посева совершенно погибли, а тут еще реквизиция"⁵⁷. Автор документа определяет, что причиной несчастья – конфискации хлебопродуктов – является большевистская партия. Просьба, чтобы сын воздержался от вступления в РКП (б), уже сама по себе содержит нравственно-оценочное начало. Понимая, что от одного человека мало что зависит, мать все же не хочет допустить, чтобы ее сын даже формально оказался сообщником тех, кто доставляет крестьянам огромные неприятности.

С.В. Яров указывает, что учет и реквизицию хлеба трудно было оправдать чисто идеологическими мотивами, поскольку такие акции проводились в отношении далеко не одних кулаков⁵⁸. Жизненная необходимость продовольствия брала верх над ментально обусловленной привычкой к тяглу и иммунитетом к государственному насилию, веками потворствовавших вторжению властей в сферу частнособственных прав.

Крайние формы протеста – вооруженные восстания крестьян – являлись экстремумами на линии бытия. Чем же было наполнено

сознание масс в повседневной жизни? Ответ находим в дневнике А.А. Замараева: "У всех наварено пиво как будто все привыкли к этой жизни и недостаткам и притупились. Никто уже больно не горюет как будто так и надо, хотя к празднику ни у кого нет рыбы, чаю, сахару, керосину" (запись от 1 ноября 1919 г.)⁵⁹. Времени для рефлексии – осознания всей трагической сути происходящего – крестьянам не давала напряженность их ежедневных забот, необходимость постоянно искать выход из непрерывной чреды экстраординарных ситуаций. Сибирский крестьянин В.А. Плотников вспоминает: "Взяли мы с матерью два мешка пшеницы, нагребли, затащили на полати, положили взголовы, спали на ней, дабы сохранить для будущего года на семена, а сами переключились на траву. Даже на мельницу возили мякину молотъ. В согре резали мох, тоже ели"⁶⁰. Приспособление крестьян к невероятно тяжелым условиям революционного времени соответствовало одной из глубинных черт русского менталитета. Отсутствие коэффициента пропорциональности между переживаемыми трудностями и реакцией на них свидетельствовало о стойкости и смирении.

Отношение крестьян к торговцам определялось отнюдь не только материальным интересом: крестьяне смотрели на торговцев исключительно через социальную призму, пытаясь отыскать соответствие между величиной труда и дохода. А так как торговые операции давали значительно большую прибыль, чем сельское хозяйство, то реакция крестьян на деятельность торговцев, особенно перекупщиков, оставалась резко негативной. В этом позиция масс совпадала с культивируемым коммунистической идеологией образом "хищника-спекулянта". "Здесь спекулянтов всех бы надо гонить", – заключает А.А. Замараев⁶¹.

Продовольственная политика большевиков имела своим побочным результатом создание социальной общности, которая усматривала наиболее удобный способ существования в энергичной поддержке конфискационных мероприятий. Так, членство в комбедах было выгодно лмпенизированным слоям тем, что за своевременное выявление у зажиточных крестьян излишков хлеба полагалась продовольственная премия. У лмпенов происходило нивелирование стимула к ведению хозяйства, но служащие аппарата закрывали на это глаза, считая, что "деморализация сельского населения кулаками и самогонщиками куда серьезнее"⁶². На деле же именно пайковая психология культивировала зависть, стяжательство, а следовательно, подозрительность и доносительство.

ВЫВОДЫ

Народные массы поддержали советскую власть не в последнюю очередь по причине неспособности предыдущих правительств наладить продовольственное снабжение городов. Однако большевики, придя к управлению страной, поставили организацию продовольственного дела в зависимость от тех принципов, которые В.И. Ленин и его партия пытались воплотить в жизнь. Пренебрежение ценностью права частной собственности на первый взгляд облегчало решение стоящих перед властью задач: возможность распоряжаться всеми материальными средствами страны открывала невиданные перспективы. В результате такого подхода процесс изъятия продуктов питания был возведен в ранг официальной политики советского государства, став неотъемлемой чертой каждой хлебозаготовительной кампании. Кроме того, конфискационный оттенок содержали меры по упорядочению торговых отношений, т.е. установлению жесткого государственного контроля над товарооборотом. Приплюсуем также многочисленные акты конфискации продовольствия, производимые по инициативе местных уполномоченных структур.

Нормы продуктов, подлежащих сдаче государству, являлись крайне завышенными. Из-за того, что Центр не намеревался смягчать свои требования, местным Советам приходилось использовать насильственные методы выкачки хлеба.

Стимулы крестьянства к высокопроизводительному труду оказались существенно подорванными. В 1919–1920-х гг. заготовка половины положенного по плану продовольствия считалась более чем удовлетворительным результатом. Вооруженные силы на “продовольственном фронте” использовались в ситуациях борьбы против мешочничества, где, очевидно, не существовало спускаемых центральной властью разнарядок. Задушить черный рынок, однако, не удалось, и он оставался подчас единственным источником дефицитных товаров.

Распределение изъятого продовольствия производилось преимущественно в пользу тех социальных групп, которые государственная власть считала своей опорой: управленцев, армии и lumpenов.

Сложные и противоречивые структуры народного сознания, далеко неоднозначно воспринимающего даже самые жестокие действия властей, и умелая социальная политика последних – игра на внутренних противоречиях деревни – позволили большевикам прочно закрепиться у власти, не платя поначалу дорогой цены за поддержку снизу. Правда, к концу рассматриваемого периода естественные матери-

альные интересы населения одержали победу над идеологическим допингом, следствием чего стала цепь локальных народных выступлений, не обошедших стороной и Курскую губернию. И хотя восстания побудили В.И. Ленина несколько либерализовать экономическую политику, шаги в таком направлении были не более, чем временным тактическим приемом.

Примечания (глава 5)

- ¹ Пайпс Р. Русская революция. Ч.2. – М.: РОССПЭН, 1994. – С.410, 413, 417, 420.
- ² Декреты Советской власти. Т.1. 25 окт. 1917 – 16 марта 1918 гг. – М., 1957. –С.27-28.
- ³ Ильин Ю.А. Государственное регулирование и рыночные отношения крестьянских хозяйств центра России в годы гражданской войны и интервенции (октябрь 1917 – март 1919 гг.) // Вопросы истории экономических и политических отношений в России (XX в.). – М., 1996. – С.9.
- ⁴ Там же. – С.13.
- ⁵ Верт Н. История Советского государства. 1900-1991: Пер. с фр. Изд. 2-е. М.: Прогресс-Академия, 1994. – С.136.
- ⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5-ти тт. 1917-1967 гг. Сборник документов за 50 лет. Т.1. 1917-1928 гг. – М. Политиздат, 1967. – С.87-88.
- ⁷ Орлов Н.А. Продовольственная работа советской власти. К годовщине октябрьской революции. – М., 1918. – С.66.
- ⁸ Пайпс Р. Указ. соч. – С.385.
- ⁹ ГАБО, ф.Р-197, оп.1, д.5, л.72, 79; Там же, ф.Р-381, оп.1, д.6, л.60.
- ¹⁰ БОЦДНИ, ф.1888, оп.1, д.2, л.168.
- ¹¹ Кизрин И.Г. Курская парторганизация в эпоху Октября и гражданской войны. – Воронеж, 1933. – С.137.
- ¹² ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.111, л.50.
- ¹³ ГАТО, ф.Р-291, оп.16, д.70, л.7.
- ¹⁴ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.111, л.55 б.
- ¹⁵ Там же, ф.Р-197, оп.1, д.9, л.9.
- ¹⁶ Стрижков Ю.К. Принятие декрета о продовольственной разверстке и его осуществление в первой половине 1919 г. // Октябрь и советское крестьянство. 1917-1927 гг. – М.: Наука, 1977. – С.132.
- ¹⁷ ГАБО, ф.Р-379, оп.1, д.10, л.17.
- ¹⁸ Волков, Марьянов К. Причины хозяйственной разрухи. – Харьков, 1920. – 24 с.
- ¹⁹ ГАТО, ф.Р-291, оп.16, д.24, л.91 об.
- ²⁰ ГАБО, ф.Р-380, оп.1, д.7, л.48.
- ²¹ Стрижков Ю.К. Указ. соч. – С.142.
- ²² ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.9, л.27-27 об.
- ²³ Там же, ф.Р-197, оп.1, д.5, л.101-101 об.
- ²⁴ БОЦДНИ, ф.1888, оп.1, д.2, л.168.
- ²⁵ Там же, д.4, л.17.
- ²⁶ Там же, л.18.
- ²⁷ Бриль Г.Г. Генезис социального конфликта в России (1917- начало 30-х гг.). – Кострома, Изд-во КГТУ, 1998. – С.25.
- ²⁸ Карпинский В.В. С кем же Вы, крестьяне? С кем идете? Кому помогаете?. – М., 1918. – С.5.

- ²⁹ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.50, л.27 об.
- ³⁰ Стрижков Ю.К. Указ. соч. – С.162.
- ³¹ ГАБО, ф.Р-428, оп.1, д.2, л.3; Там же, д.3, л.44.
- ³² ВЧК-ГПУ. Документы и материалы / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. – М. Изд-во гуманитар. лит-ры, 1995. – С.29.
- ³³ ГАТО, ф.Р-291, оп.16, д.24, л.54; Там же, д.1, л.20.
- ³⁴ ГАКО, ф.Р-325, оп.2, д.1, л.160-161.
- ³⁵ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.9, л.36.
- ³⁶ Марченкова Л.В. Роль большевистской печати Петрограда в борьбе с экономической контрреволюцией на продовольственном фронте (октябрь 1917-ноябрь 1918 гг.) // Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. История КПСС. Вып.26. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – С.138.
- ³⁷ АФО, ф.65, оп.1, д.11, л.15 об.-16.
- ³⁸ ГАБО, ф.Р-386, оп.1, д.12, лл.52, 54, 55.
- ³⁹ Там же, ф.Р-528, оп.1, д.5, л.47.
- ⁴⁰ ГАТО, ф.Р-291, оп.16, д.24, л.344.
- ⁴¹ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. Сборник документов и материалов. – Курск: Книжное издательство, 1957.
- ⁴² ГАБО, ф.Р-197, оп.1, д.5, л.72,79 об.
- ⁴³ См.: Там же, ф.Р-528, оп.1, д.25, л.9.
- ⁴⁴ Петроградский военно-революционный комитет... – С.188.
- ⁴⁵ ГАБО, ф.Р-381, оп.1, д.6, л.49; ф.Р-197, оп.1, д.11, л.11 об.; д.9, л.96.
- ⁴⁶ Архив УФСБ России по Республике Карелия, дело № 4, ФСДП, оп.1, пор.1, л.72.
- ⁴⁷ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.50, л.150.
- ⁴⁸ Орлов Н.А. Продовольственная работа советской власти. К годовщине октябрьской революции. – М., 1918. – С.93.
- ⁴⁹ Там же, ф.Р-528, оп.1, д.55, л.77.
- ⁵⁰ БОЦДНИ, ф.1888, оп.1, д.2, л.154.
- ⁵¹ ГАКО, ф.Р-325, оп.1, д.12, л.16-16 об.
- ⁵² ГАБО, ф.Р-400, оп.1, д.2, л.73 а; ф.Р-197, оп.1, д.11, л.11.
- ⁵³ ГАКО, ф.Р-325, оп.1, д.12, л.16.
- ⁵⁴ ГАБО, ф.Р-197, оп.1, д.9, л.95-100.
- ⁵⁵ Дневник Тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906-1922 гг. / Публ. В.В. Морозова, Н.И. Решетникова. – М., 1995. – С.216.
- ⁵⁶ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. – М.: РОССПЭН, 1997. – С.48.
- ⁵⁷ ГАКО, ф.Р-325, оп.2, д.1, л.18.
- ⁵⁸ Яров С.В. Политическая психология крестьян при переходе к «военному коммунизму» (по материалам северо-западной России) // Вече: Альманах русской философии и культуры. Вып. 2. – СПб., 1995. – С.75.
- ⁵⁹ Дневник Тотемского крестьянина... – С.213.
- ⁶⁰ Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А. Плотникова: Публикация и исследование текста / Подготовка текста, исследование и комментарий Б.И. Осипова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. – С.116-117.
- ⁶¹ Дневник Тотемского крестьянина... – С.231.
- ⁶² Орлов Н.А. Указ. соч. – С.75.

ГЛАВА 6. ИЗЪЯТИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Начиная борьбу с частным капиталом, большевистское правительство преследовало несколько целей. Овладение финансами позволило бы успешно национализировать промышленность, а также осуществить на практике постулат Маркса об отмене денег. В определенной степени политика, направленная на изъятие у населения денежных средств, вытекала из утвердившегося права государства изымать продовольствие.

Мероприятия, рассмотренные в предыдущей главе, касались преимущественно сельского населения, в то время как капитал городских слоев оказывался «невостребованным». Изъятие этого капитала различными способами предотвратило бы закупки сельхозпродукции в обход государства и тем самым могло бы интегрировать рабочих и служащих в распределительную систему. Как говорилось в первой большевистской Конституции, «финансовая политика РСФСР... ставит себе задачей предоставить в распоряжение органов Советской власти все необходимые средства для удовлетворения местных и общегосударственных нужд Советской Республики, не останавливаясь перед вторжением в право частной собственности»¹.

Финансы представляют собой особый предмет экономических отношений. Финансовая система характеризуется двоякой природой. Прежде всего деньги – всеобщий эквивалент, служащий в качестве средства платежа и накопления. Одновременно нельзя не учесть абстрактную природу денежных знаков, или несоответствие их номинальной и реальной стоимости. Кстати, именно эта сторона отчетливо проявляет себя в периоды социальных катаклизмов, тем более, если регулирование финансовой системы производится в сугубо политических целях.

Соответствующие работы советских историков В.П. Данилова, В.П. Дьяченко и др. посвящены финансовой политике большевиков². Не вдаваясь в подробности функционирования финансового механизма, сфокусируем внимание на присутствии в мероприятиях большевиков в сфере денежного обращения гипертрофированного *конфискационного оттенка*.

Мотив аккумуляции денежных средств в руках государства проявлялся в следующих акциях: 1) снижение реальной стоимости денег; 2) национализация банков; 3) аннулирование государственных займов и процентных бумаг; 4) присвоение фондов национализированных предприятий; 5) введение чрезвычайных налогов; 6) повышение роли фискальной функции налоговой политики; 7) резкое ограничение свободы распоряжаться личными (семейными) средствами; 8) конфискация денег среди прочих вещей при обысках; 9) сборы пожертвований.

Мотив наказания за правонарушения проявлялся в увеличении удельного веса штрафов среди других карательных средств.

С точки зрения степени общественной санкционированности первая акция – снижение реальной стоимости денег – была традиционной для многих правителей различных эпох и к тому же объяснимой объективными обстоятельствами. Три последующих меры затрагивали только крупных финансистов и не вызывали протеста масс. Чрезвычайные налоги применялись в отношении торгово-промышленных слоев, хотя местные власти нередко произвольно расширяли социальный состав возможных плательщиков, относя к таковым всех, кто считался более или менее богатым. Постоянные налоги, равно как и процедура наследования, а также обыски в случае подозрения в противоправных действиях касались любого жителя большевистской России.

Как видим, государство не давало элементарной гарантии сохранности личных средств не только банкирам и промышленникам, но практически любому индивиду, с кого можно было хоть что-нибудь получить.

Морфологически банки ближе к предприятиям, а золотые монеты, изымаемые при обыске, – к личным вещам, но в данном случае банки рассматриваются только лишь как вместилища денег, принадлежащих на определенных условиях частным лицам, а монеты – как средство платежа прежних правительств, сторонники которых питали надежду победить большевиков в гражданской войне.

Снижение реальной стоимости денег

Благодаря монопольному праву на регулирование финансов государственная власть имеет возможность в латентной форме сдерживать рост капиталов частных лиц. Поскольку бездефицитный бюджет, особенно на современном историческом этапе, большая редкость,

постольку эмиссия и прочие способы удешевить национальную валюту – излюбленный прием государств с нестабильной экономической системой.

Прошли времена, когда реакция народа на подобные действия правительств была чрезмерно строгой. Несколько столетиями ранее французского короля Филиппа IV (1285 – 1314) прозвали фальшивомонетчиком, а русский народ ответил решительным протестом против выпуска в обращение медных денег по принудительному курсу серебряных (“медный бунт” 1662 г.).

После прихода большевиков к власти в условиях тяжелейшего финансового кризиса, вызванного Первой мировой войной, продолжалось снижение стоимости российского рубля. По данным В.П. Дьяченко, только за период с 1 июля 1918 по 1 января 1921 гг. выпущенная в обращение денежная масса увеличилась с 43,7 до 1168 миллиарда рублей, т.е. в 26,7 раз при падении покупательной способности национальной валюты в 188 раз³. Исследователь указывает на наличие у большевиков планов финансовой стабилизации, отмечая, что препятствовало этому сопротивление свергнутых классов, экономическая разруха, отсутствие у политических деятелей необходимого опыта, враждебное внешнее окружение⁴. Тем не менее нужно учитывать, что причиной углубляющегося финансового кризиса было не одно только бессилие перед надвигающейся экономической катастрофой.

Предотвращать рост инфляции было невыгодно в силу высокой прибыли, которую получало правительство. Доходы от инфляции были сопоставимы с доходами от разверстки, как видно из таблицы⁵:

Годы	1918–1919	1919–1920	1920–1921
Доходы от разверстки, в золотых рублях	127	253	480
Доходы от эмиссии, в золотых рублях	523	390	186

Партийная программа в данном случае соответствовала принципу “чем хуже – тем лучше”. “Самостоятельных задач и целей в финансовой и кредитной области не выдвигается”, – утверждал С.Т. Кистенев в 1927 г.⁶ Колебания финансовой политики вызывались то верой в реалистичность предсказания К. Маркса о неизбежности отмены денег при переходе к коммунизму, то осознанием утопичности этого утверждения

ждения. Так, если VIII съезд РКП(б) (март 1919 г.) высказался за сохранение финансов и налогов, то в 1920 г. был осуществлен ряд мероприятий по ограничению сферы использования денег.

Положительным с большевистской точки зрения результатом снижения стоимости рубля стало "обесценивание денежных накоплений капиталистических элементов города и деревни"⁷. Но как антибиотик в равной степени уничтожает и болезнетворные, и жизненно важные микроорганизмы, так и эмиссия ухудшала материальное положение всех граждан независимо от их классовой принадлежности.

Некоторые большевистские финансисты надеялись, что экономический кризис усилит ненависть масс к деньгам и таким образом будет ускорено приближение коммунизма⁸.

Избавиться от частного капитала с помощью одного только инфляционного метода было невозможно: монеты с профилем Николая II и А.Ф. Керенского обладали не только номинальной, но и реальной ценностью. Для их аккумуляции в свою пользу государственной власти требовались внеэкономические методы.

Национализация банков

"Не в бровь, а в глаз", – так можно охарактеризовать это мероприятие, предполагавшее овладение огромными средствами в мгновение сроки.

Национализация банков была провозглашена декретом от 14 декабря 1917 г. – намного раньше, чем аналогичная мера в отношении промышленности. При обсуждении этого декрета на заседании ВЦИК член фракции объединенных интернационалистов Авилов выразил опасение по поводу поспешности акции, желая "все решить одним ударом топора": "...Вы только подорвете хрупкий организм кредита, понизите курс рубля и, я утверждаю, ничего, кроме величайшего развала, не получится"⁹. В.И. Ленин охарактеризовал речь Авилова как "запутывания". Мысленно возводя светлый и подчеркнуто простой образ коммунистического будущего, лидеры большевиков не желали вникать в сложнейшее устройство кредитно-финансового механизма. Куда более понятными и простыми казались им намерения провести национализацию "в целях образования подлинно служащего интересам народа и беднейших классов единого народного банка Российской Республики"¹⁰. Распространенным оправданием крупномасштабных конфискаций денег была ссылка на объективную необходимость и неизбежность таких процедур. При обсуждении

декрета о национализации банков левый эсер Трутовский заявлял: "В тот момент, когда капиталистическая эра... всей тяжестью нависла на плечи тружеников, для нас ясно, что кроме обобществления средств производства и финансов нет иного пути"¹¹.

В Конституции 1918 г. данное "завоевание" правительства Советской Республики обосновывалось расплывчато: "Подтверждается переход всех банков в собственность Рабоче-Крестьянского государства как одно из условий освобождения трудящихся масс из-под ига капитала"¹². Даже шестьдесят лет спустя национализация банков квалифицировалась как "осуществление требований закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил"¹³, хотя допустима ли сама постановка вопроса о субъективном исполнении объективных законов?

В ходе национализации банков применялась тактика "тайной подготовки и внезапного одновременного захвата"¹⁴. Утром 14 декабря 1917 г. отряды Красной гвардии заняли частные банки, и ВЦИК в тот же день выпустил декрет об их национализации¹⁵. Следующий удар по частному капиталу нанес декрет от 26 января 1918 г., ликвидировавший банковские акции. Отдельные элементы некогда мощной кредитной системы поначалу продолжали существовать. Так, первый декрет о национализации банков не распространялся на Московский народный банк, который был "обобществлен" только лишь 2 декабря 1918 г. Причиной национализации в данном случае выступало не столько то, что банк "кредитовал частных промышленников и торговцев, финансировал контрреволюцию"¹⁶ (конкретные доказательства "теневой" деятельности во все времена найти гораздо сложнее), сколько его более успешное функционирование (по сравнению с государственным банком), побуждавшее советские учреждения открывать там счета¹⁷. Государственная власть подчинила себе Московский народный банк с помощью хитрой уловки. "Мы объявили, – пишет А. Потяев, – что все советские учреждения должны взять свои вклады.. и перенести их в Государственный Народный Банк..., [после чего] он [МНБ] оказался не в состоянии выплачивать [по обязательствам] и попросил его национализировать"¹⁸. Кстати, аналогичным способом потеряла свою самостоятельность и кредитная кооперация.

В Курской губернии накануне прихода большевиков к власти функционировало 26 кредитных организаций. 13 декабря 1917 г. по решению губернского реввоенсовета в Курское отделение Госбанка был послан комиссар для выдачи разрешений на расходные операции. К

концу 1917 г. при губернском Совете была организована комиссия по передаче ценностей всех банков единому народному Государственному банку¹⁹.

В 1919 г. в банковской политике большевистского правительства выделялись две задачи: разрушительная и творческая²⁰. По идее революционным творчеством должен был заниматься народ. Так, в циркуляре Госбанка от 1 января 1918 г. содержится такой пассаж: "Вообще участие рабочих в решении вопросов о судах, кредитовании, учете и т.п. является при нынешнем устройстве Российской Республики совершенно необходимым"²¹. Тем не менее сама структура приведенной фразы (употребление в данном контексте слова вообще) свидетельствует, что ее авторы не до конца верили в то, на что по долгу службы они вынуждены были указывать представителям местной администрации. В реальных условиях для поддержания кредитно-финансовой системы, равно как и промышленности, приходилось обращаться за помощью к бывшим владельцам банков и "буржуазным специалистам".

Национализация банков, опять же, не решила всех финансовых проблем большевистской власти, так как за потребностью пополнить государственную казну постепенно выступала другая потребность, причем независимая от предшествующей, – лишить население "избыточных" финансовых ресурсов.

Аннулирование государственных займов и иных ценных бумаг

Почерпнуть достоверную информацию о том, чем руководствовались большевики, предпринимая столь рискованный шаг, позволяют свидетельства современников описываемых событий. Так, в книге А. Потяева находим: "...Мы тогда только можем сказать, что аннулирование достигло своей цели, когда будет совершена мировая революция... Когда в этих странах, – продолжает автор, – рабочий класс захватит власть в свои руки, он, не заинтересованный в эксплуатации малокультурных, более отсталых стран, этой оплаты процентов, конечно, от нас не потребует, он признает полностью наше аннулирование и таким образом мы полностью избавимся от эксплуатации"²².

Иными словами, аннулирование государственных займов предполагало получение экономического эффекта с помощью политических средств. Традиционное свойство революций – рубить гордые узлы – в данном случае сочеталось с желанием получить от подобных акций материальную выгоду.

Аннулирование ценных бумаг юридически основывалось следующими узаконениями: 10 ноября 1917 г. правительством большевиков был издан декрет о моратории по векселям и исполнительным листам²³; нормативный акт "О регистрации акций, облигаций и процентных бумаг" отменил систему безыменных акций, причем за неисполнение предписаний законодатель угрожал заключением в тюрьму сроком до года, а за фиктивные сделки срок наказания продлевался до двух лет²⁴.

В Конституции РСФСР 1918 г. данное мероприятие выглядело внушительно, "как первый удар международному банковому, финансовому капиталу"²⁵, чем затушевывалась его конфискационная сущность. Однако даже в речи И.В. Сталина восемь лет спустя, в апреле 1926 г., причина аннулирования государственных платежных обязательств была выражена более правдиво: "Не следует забывать, – признавал генеральный секретарь, – что при оставлении этих долгов нам пришлось бы платить ежегодно несколько сот миллионов одних лишь процентов... Нечего и говорить, что это обстоятельство [аннулирование] внесло большое облегчение в дело нашего накопления"²⁶.

От аннулирования ценных бумаг пострадала не одна только мировая и российская буржуазия. В числе держателей облигаций и прочих государственных обязательств были также торговые слои, да и рядовые граждане. Представители большевистской власти заявляли, что они учитывают такое положение вещей и, следовательно, обязательства Займа свободы, по крайней мере в отношении малоимущих граждан, будут погашены. Когда же подошло время платить по счетам, доминанта мышления советских финансистов претерпела радикальную метаморфозу: необходимость выполнять обещания подменялась универсальным для большевиков тезисом о примате классовой борьбы. Государственные деятели были недовольны, что "и лица буржуазного класса, благодаря этой оговорке, этому исключению [обязательству погасить Заем свободы] получили возможность реализовать свои процентные бумаги или часть их"²⁷.

Здесь уже проявляется желание большевиков не только завладеть богатством частных, но и разорить врага, определяемого по критерию социального происхождения независимо от свойств его личности.

В письме Грайворонского финотдела в уездный исполком сообщалось, что облигации *Украинские Шаги* "совершенно аннулированы ввиду того, что в подавляющем своем большинстве фальшивы"²⁸, при этом интересы держателей нефальшивых облигаций принципиально упускались из виду.

Полученные большевиками от аннулирования ценных бумаг средства были ничтожно малой величиной по сравнению с тем убытком, которые понесла Россия от иностранной интервенции: правительства, направившие войска против нашей страны, в результате рассматриваемого акта большевистской политики получили формальный повод для вторжения.

Присвоение средств национализированных предприятий

Другую часть средств представители большевистской власти могли получить путем изъятия денег как на счетах, так и непосредственно в кассах производственных объектов. Поскольку на первых порах инициатива национализации предприятий принадлежала местным властям, они имели возможность широко пользоваться правом победителя.

В обязательном постановлении Президиума Любимского уездного Совнархоза Ярославской губернии от 17 октября 1918 г. вопрос о средствах национализируемых объектов был решен следующим образом: "...Налагается арест на все суммы Торгово-Промышленных предприятий, как оказавшихся на лицо в помещениях в момент национализации, так равно и обнаруженных по вкладам и на текущем счету в различных кредитных товариществах Государственных и частных банках и казначействах"²⁹.

Поступление активов предприятий на счета государственных органов логически следовало из акта национализации, и потому в случаях, когда права на определенную сумму конфискованных денег предъявляло частное лицо, отрицательное решение вопроса не содержало обоснований. К примеру, работники Новооскольского уездного отдела здравоохранения, обнаружив при национализации аптеки Сироткина серебряные монеты в количестве 95 рублей 45 копеек, отправили деньги в уездный Совет, "не находя возможным возвратить"³⁰.

Такие гигантские конфискационные мероприятия, как снижение реальной стоимости денег, национализация банков, аннулирование займов, присвоение средств национализированных предприятий, были нацелены на сравнительно небольшой круг лиц. Основную массу населения эти меры затрагивали косвенно и, таким образом, менее болезненно воздействовали на социальную ткань. И хотя официальный документ большевистского правительства, опубликованный 5 ноября 1917 г., гласил: "Ни один работник и трудящийся не потеряет ни

копейки, напротив, ему будет оказана помощь"³¹, все же в действительности конфискационные мероприятия большевиков в отношении денежных средств не ограничивались борьбой с крупным капиталом. Успех этой борьбы позволил расширить фронт наступления.

КОНТРИБУЦИИ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ НАЛОГИ

По отношению к сборам крупных сумм с буржуазных слоев населения (учтем размытость социальных границ!) в новоязе первых послеоктябрьских лет прочно утвердилось обозначение "контрибуция". Видимо, на расширение значения этого слова, относящегося прежде исключительно к военной терминологии, повлияла затянувшаяся война. Не имея политического веса на международной арене, необходимого, чтобы заключить мир с Германией без аннексий и контрибуций, большевистская власть необычайно расширила свои полномочия внутри страны, поставив себя в ранг победителя по отношению к целым социальным группам, хотя гражданская война еще не закончилась. Теперь жизнеспособность торговцев, богатых и средних крестьян могла быть подорвана даже не столько путем единовременного взимания определенной денежной суммы, сколько периодически используемым принципом "Горе побежденным!" (Этот принцип известен со времен нападения галлов на Рим (IV в до н.э.): галльский вождь, получив контрибуцию, положил меч на чашу весов, где находились гири, чтобы еще больше увеличить размер выплат).

Сущность контрибуций, именуемых также чрезвычайными налогами, коренным образом отличалась от сущности налога. Инициатором кампаний по взысканию с граждан единовременных сборов выступала как местная, так и с осени 1918 г. центральная власть. Специфичным было то обстоятельство, что уполномоченные структуры, принимающие решение об очередном чрезвычайном налоге, определяли налоговую ставку в отношении не граждан, а административных единиц, в то время как "разверстыванием" требуемой суммы по дворам занимались подчиненные учреждения. По замечанию Ричарда Пайпса, такой порядок напоминал китайскую модель, введенную на Руси ордынцами³².

От налогов контрибуции отличались также по совокупности целей их взыскания:

1) *подорвать экономическую мощь зажиточных слоев*; 2) *ударить по устоям сельского капитала*, что, как предполагалось, "приведет к свержению последнего и ускорит развитие трудового крестьянства по

намеченному государством пути³³, будет содействовать "развитию социалистического сектора хозяйства³⁴; 3) *изыскать средства на снаряжение Красной армии*³⁵; 4) *найти источник доходов для удовлетворения разноплановых потребностей*; 5) *увеличить покупательную силу рубля и заставить производителей, у которых не будет теперь средств к существованию, продавать продукты. Последняя цель оказалась неосуществимой, что признавал М.Г. Бронский*³⁶.

Местный административный аппарат начал взимать в свою пользу единовременные сборы весной 1918 г., обосновывая их не только угрозой голода, но и необходимостью восстановить историческую справедливость, как видно из протокола Комиссии по раскладке временного поимущественного налога на граждан слободы Калач (14 марта 1918 г., Воронежская губерния): "Перед фактом голода и безработицы [большевики] вынуждены пойти на самые решительные средства взыскания денег дабы предотвратить надвигающееся бедствие. [Нужно ввести налог], принимая во внимание ту несправедливость, которая существовала до настоящего времени по отношению к беднейшему классу". Когда одни воевали, другие, по словам автора документа, "тоже работали, занимаясь каждый день переметкой цен на товар"³⁷.

22 марта 1918 г. Чернянский волостной исполком "ввиду полного отсутствия денежных средств" постановил "обложить крупных капиталистов денежными сборами бр[атьев] С. и И.Д. Найденко 10000 рублей, Б.Д. Ткачева 10000 руб. и П.В. Маркова 25000 рублей на имеемый у них денежный капитал", обязав внести эти суммы в трехдневный срок³⁸; 15 марта 1919 г. Грайворонский уездный исполком "наложил контрибуцию на буржуазию для местных нужд уезда пять миллионов рублей"³⁹; 20 июля 1919 г. Дорогощанский волостной ревком Грайворонского уезда постановил "просить Уездный Революционный Комитет разрешить для содержания Волостного Ревкома наложить контрибуцию в сумме ста тысяч руб. на лиц по усмотрению Волостного Ревкома"⁴⁰.

Финансист Н.А. Добросмыслов свидетельствует, что контрибуции могли налагаться на граммофоны, бобровые шапки и воротники, парадные кольца, выездных лошадей, экипажи, пользование прислугой, квартиры, состоящие более чем из трех комнат, на холостяков и т.д.⁴¹ Также чрезвычайный налог (контрибуция) мог взыскивать за противоправные действия.

Центральная советская власть никогда позднее не приветствовала сепаратизм. В марте 1918 г. был даже издан циркуляр, который

запрещал контрибуции, вскоре, однако, отмененный под давлением с мест. "Нельзя было, - отмечает В.П. Дьяченко, - сразу же запретить контрибуцию, так как такое запрещение без предварительного налаживания взимания регулярных налогов лишило бы местные Советы средств, необходимых им для текущей работы, и освободило бы капиталистические элементы от всякого обложения"⁴². Как следствие, по словам Н.А. Добросмылова, "Центр в то время настойчиво молчал", пока "пролетариат осуществлял с особым усердием свое право победителя, налагая повсюду контрибуцию на буржуазию"⁴³. Другой современник бурной эпохи, А. Потяев, подытоживая деятельность местных органов управления в налоговой сфере, указал на важный для административного аппарата технический момент: "Благодаря контрибуциям, Совдепы гораздо меньше беспокоили центр требованиями денежных знаков"⁴⁴.

Время от времени центральная власть пыталась вести борьбу с несправедливой раскладкой единовременных сборов по уездам в рамках губернии: "Недопустимо обложение отдельно какого-либо города или уезда и при этом в размерах, превышающих основы местного хозяйства. Кроме того, особое единовременное обложение допустимо лишь по согласованию с местными городскими и уездными Совдепами. Обложение может быть произведено лишь на нужды по смете Совдепа но не для создания местных фондов", - такое разъяснение 11 мая 1918 г. направил заведующий Отделом местного хозяйства НКВД Смирнов Тверскому губисполкому, протестуя против наложения губернским съездом на город Тверь контрибуции в 20 млн. рублей⁴⁵.

Во второй половине 1918 г. представители Центра пожалели, что им не достается причитающейся доли лакомого куса, тем более что в результате усердия местного аппарата показатель собираемости общегосударственных налогов оказался ничтожно малой величиной⁴⁶.

30 октября 1918 г. ВЦИК принимает декрет "О чрезвычайном революционном налоге" - идея контрибуции была распространена на всю подконтрольную большевикам территорию. Кстати, интересы местных властей при этом не ущемлялись. Другой декрет - "О единовременных чрезвычайных революционных налогах, устанавливаемых местными Советами депутатов", по словам Ю.А. Ильина, "давал право [губернским и уездным] властям на местах организовать финансовую "интервенцию" против буржуазного класса, что не освобождало последний (после выплаты единовременных чрезвычайных налогов) от общегосударственного чрезвычайного налога, других советских

налогов (как общегосударственных, так и местных)⁴⁷. Правда, волостные и сельские исполкомы лишались полномочий самостоятельно налагать контрибуцию.

Порядка взимания чрезвычайных налогов правительство не регламентировало. "Преднамеренно не было издано особой подробной инструкции, все дело было предоставлено свободному творчеству властей на местах"⁴⁸.

К исполнению Декрета о чрезвычайном налоге подключились партийные организации. В циркуляре ЦК РКП(б) от 4 марта 1919 г. говорилось: "Декрет этот имел, быть может, не менее важное принципиальное значение, чем декрет о продовольственной диктатуре и об организации деревенской бедноты. Основная его цель – усилить и ускорить классовое оформление деревни". В духе идеологизированной риторики ЦК призывал партийные комитеты помочь исполкомам "всем своим авторитетом, всем своим организационным аппаратом, агитационными и пропагандистскими силами"⁴⁹.

Чтобы взыскать определенную сумму в качестве контрибуции, власть должна была иметь данные о сбережениях граждан. Для этого использовался ряд приемов. Наиболее излюбленным являлся метод анкетирования. Так, "Регистрационная карточка лица, подлежащего зачислению в тыловое ополчение", содержала графу № 10, в которой значилось: "Средства существования: а) капитал; б) доходы от имущества; в) прибыль от торговли; г) прочее"⁵⁰. Контроль за частновладельческими денежными средствами осуществлялся также через национализированные банки. В начале марта 1919 г. заведующий Грайворонским финотделом Д. Михайловский сообщал в исполком, что он "затребовал сведения о лицах, производивших через Банк операции на сумму свыше 10000 рублей для контроля и определения зажиточности на случай предстоящих обложений"⁵¹. Здесь просматривается прямо-таки отеческая забота о деньгах, которые в скором времени станут государственными. Аналогично поступали и кубанские большевики: 29 апреля 1918 г. Следственная комиссия удержала купчую крепость у гражданки Эстер Гуревич "на предмет обложения контрибуцией". После получения необходимых сведений документ был ей возвращен⁵².

Устойчивость большевистской власти иногда достигалась тем, что тактические ходы подчас были противоположно направлены общей стратегии. 19 марта 1919 г. заведующий Курским губфинотделом послал в Грайворонский уездный исполком запрос, возможно ли проведение в уезде чрезвычайного революционного налога. На этот

запрос можно было ответить отрицательно при условии исчерпывающей мотивировки (недовольство со стороны населения, опасность натиска белогвардейцев)⁵³.

Ход сбора чрезвычайного налога проиллюстрируем на примере Новооскольского уезда, сумма обложения которого составила 31 миллион рублей. Учтем, что ранее жителями уезда уплачивалась еще одна контрибуция: от полагавшейся с них суммы в 821,3 тыс. руб. реальные поступления составили 218,332 тыс. или 26,6 %⁵⁴. Для проведения акции по взиманию очередного сбора было решено "взять из Отделов всех сотрудников-коммунистов и командировать в распоряжение Финансового отдела", а также вооружить милиционеров⁵⁵.

Порядок сбора чрезвычайного налога в Новооскольском уезде обсуждался на съезде Советов в начале декабря 1918 г. Представитель отдела финансов Зайцев отметил, что распоряжение о налоге с имущих классов "выполняется волостями очень туговато". В Богородской волости с целью достижения оптимальных показателей в список для взыскания чрезвычайного налога вносились лица, замеченные в спекуляции; докладчик от Велико-Михайловской волости видел причину задержки сбора налога в добавлении к назначенной сумме в два миллиона рублей еще двух миллионов; в Слоновской волости, как выразился делегат, в комбеды попали "не соответствующие своему назначению лица", утверждавшие, что жители волости бедные и поэтому с них невозможно взыскивать налог. "Но ячейка и Исполком, – подытожил выступающий, – знает всех кулаков-богатеев, на эти приговоры внимание не обращается, и приняты решительные меры к взысканию налога". После обсуждения докладов с мест представители уездной власти сделали предложение "при взыскании налога с кулаков не останавливаться даже перед продажей их имущества дабы скорее взыскать таковой". В итоге съезд постановил принять "самые энергичные меры"⁵⁶.

Центральная власть "спускала" единовременные налоги и позднее. В том же Новом Осколе очередной налоговый съезд проходил в конце апреля 1919 г., причем в его работе принимали участие, помимо председателей волисполкомов и членов партийного комитета, также делегаты отдела просвещения, бюро профсоюзов, военного комиссариата, продкома, земотдела и собеса.

Делегирование регионам права самостоятельно определять, кто и в каком размере должен уплатить налог, не могло не порождать диспропорций хозяйства страны, и потому большевистское правительство

по мере упрочения своей власти пыталось поставить местную инициативу под жесткий контроль. Внести элемент порядка в стихийный процесс налогообложения была призвана, в частности, циркулярная телеграмма НКВД от 28 ноября 1918 г., в которой давались следующие разъяснения: "Городским Губернским Областным Совдепам предоставляется [право] устанавливать единовременные чрезвычайные налоги на буржуазию по утверждению центром [в] каждом отдельном случае. Чрезвычайные налоги устанавливаются лишь по взысканию всех местных и общегосударственных налогов"⁵⁷. 11 января 1919 г. народный комиссар по внутренним делам Петровский направляет в Курский губисполком телеграмму, констатируя, что "на местах создается масса недоразумений налоги расписываются бессистемно финансовые отделы губ[ернских] и Уисполкомов не входят в рассмотрение жалоб применяют карательные меры не дожидаясь решения высшей инстанции не соблюдают декретов". Далее Петровский предупреждал: "...Всякое отклонение и несоблюдение декретов центральной советской власти советскими работниками на постах должно рассматриваться как контрреволюционные действия или саботаж и караться согласно законам революционного времени"⁵⁸. Опровергнув поначалу ценность законодательно закрепленных норм права и официально допустив их произвольное толкование, большевистское руководство постепенно осознавало недостаточность революционной законности и революционной совести как панацеи против злоупотреблений должностных лиц.

Методы взимания единовременных налогов. Общегосударственные единовременные сборы, равно как и другие мероприятия большевиков, требовалось осуществлять в кратчайшие сроки с максимальным результатом. Политика вышестоящих органов власти в отношении допустимых методов сбора контрибуций напоминала действия Юлия Цезаря в битве при Фарсале. Обезжая на коне войска, римский император одновременно отдавал приказы "Бей в лицо" и "Щади сограждан", причем первый из них был необходим для победы, а второй – для истории. В мае 1918 г. председатель комиссии смет Ю. Ларин направил в губисполкомы телеграмму, напоминая: "...Каждый плательщик налога контрибуции или другого сбора имеет право.. просить Контрольную Комиссию заменить назначенную сумму другою величиною по несоответствию с доходом или имуществом. Комиссия обязана выслушать свидетелей, проверить доказательства, отчеты"⁵⁹.

Упомянутый ранее циркуляр Петровского от 11 января 1919 г. разъяснял, как поступать с лицами, не уплатившими причитающие-

ся с них суммы. Согласно документу, финансовый отдел должен был передавать дело в местный народный суд, и *только по постановлению суда неплательщик мог подвергаться штрафу, определенному в приговоре*⁶⁰. Однако в атмосфере революционного нетерпения о правах граждан приходилось забывать, тем более если на места спускался формуляр отчета с графой "Проводилась ли контрибуция?"⁶¹

Казалось бы, Центр устанавливал ограничители произвола, но насколько востребованными были они на практике? 16 декабря 1918 г. Корочанский уездный комитет РКП (б) послал в губком ходатайство: "Просить дать реальную силу, без которой налог не может быть собран"⁶². В некоторых случаях в деле взыскания единовременных сборов участвовала Чрезвычайная Комиссия⁶³. Уполномоченные власти использовали следующие силовые методы в отношении неплательщиков контрибуций.

1. **Арест и заключение в тюрьму.** В духе гражданской войны арестованных за неуплату единовременных сборов стали именовать заложниками.

Большевистское руководство, по крайней мере до мая 1918 г., считало взятие заложников серьезным нарушением. В циркулярной телеграмме за подписью Ю. Ларина говорилось: "На основании законов Советской Республики за неплатеж налогов, государственных или местных, старых или вновь устанавливаемых совдепами, может быть продано имущество неплательщика, но не разрешается его арестовывать"⁶⁴. Однако после официального объявления красного террора (5 сентября 1918 г.) взятие заложников стало допускаться и даже поощряться. Кимрский уездный Совет рапортовал в Тверской губисполком: "Арестованы заложники крупные шакалы буржуазии города по рассмотрении направляются [в] концентрационный лагерь губернии наложена контрибуция три миллиона город [на] военном положении"⁶⁵. 1 октября 1918 г. народный комиссар по внутренним делам разослал по уездам телеграмму, начинающуюся фразой: "Для составления юбилейного отчета необходимы сведения о контрибуциях и заложниках"⁶⁶, что, как видим, оценивалось уже как достижение местных государственных структур.

10 мая 1918 г. Великомихайловский волостной Совет (Курская губерния) наложил на граждан контрибуцию в 200 тысяч рублей; в декабрьском протоколе есть упоминание о том, что лица, имеющие задолженности, заключены в нефтяные подвалы⁶⁷. В Воронежской губернии за невыполнение чрезвычайного налога было арестовано 100

тыс. человек⁶⁸. И хотя циркуляр Народного комиссариата финансов от 15 января 1919 г. вновь декларировал недопустимость ареста за неуплату контрибуции, это требование носило лишь формальный характер.

2. Продажа имущества. Желая казаться демократичными, лидеры большевиков на формальном уровне обставляли проведение этой меры многочисленными препятствиями. "Для продажи имущества налогоплательщика, – указывал Юрий Ларин, – необходимо постановление контрольной налоговой комиссии, которая должна быть образована из трех лиц при каждом Совдепе. Заседания контрольных комиссий публичные"⁶⁹. Заведующий Отделом местного хозяйства Смирнов, узнав, что в Бельском уезде Смоленской губернии собирались продавать домашнюю обстановку и даже самые необходимые предметы неплательщиков, телеграфировал: "Такие действия недопустимы"⁷⁰. Надо полагать, что представители власти на местах в большинстве случаев вряд ли следовали подобным рекомендациям, так как обретение материальных средств было для них важной задачей, в то время как соблюдение законности не доминировало в сознании государственных служащих.

В целом злоупотребления, допущенные в ходе сбора чрезвычайных налогов, казались центральной большевистской власти досадными, но не имеющего принципиального значения, чтобы отказываться от такого средства пополнения казны. Понятие "контрибуция" применительно к внутреннему врагу не устаревало вплоть до поворота к нэпу.

В результате первой общегосударственной кампании по сбору чрезвычайного налога из причитающихся десяти миллиардов рублей в 57 губерниях до ноября 1918 г. местные Советы собрали 816,5 миллионов, в том числе в городах – 738,9 млн., в уездах – 69,7 млн. и в волостях – 7,9 млн.⁷¹ Позднее объем собранных средств увеличился до 1,5 миллиардов рублей. Насколько удовлетворительными являлись результаты сбора единовременных налогов? Относительно первоначальной планки процент собираемости был невелик, что современники объясняли утратой зажиточными слоями большинства источников доходов: земли, предприятий, ценных бумаг и т.п.⁷² Абсолютный же показатель поступившей в государственный банк суммы по тем временам был значительным⁷³. Стоит, однако, заметить, что намного более серьезным, чем экономическая выгода, был социальный ущерб от контрибуции, становящейся фактором гражданской войны.

Постоянные налоги с выраженным конфискационным оттенком

Практика крупномасштабных единовременных сборов не означала отмены других налогов, как дореволюционных, так и установленных по инициативе большевиков. Шквал конфискационных мероприятий послеоктябрьского периода не мог не оставить следов на самой сущности понятия "налог". Фискальная и в меньшей степени перераспределительная функция государственных сборов была усилена, а стимулирующая функция сведена на нет. Более того, налогообложение приобрело глубокий политический смысл, так как использовалось теперь в качестве одного из "средств ограничения и вытеснения капиталистических элементов"⁷⁴. Прагматический смысл сохранения налогов заключался в том, что именно они, в отличие от контрибуций, охватывали широкие массы населения. До обложения страны 10-миллиардной контрибуцией общегосударственные налоги являлись средством пополнения казны, хотя и плохо работающим.

Сразу же после Октября В.И. Ленин заявил: "Не устанавливая сейчас новых налогов, правительство в первую очередь ставит своей целью строжайший учет и контроль в деле взимания установленных ранее налогов, без всякой утайки"⁷⁵.

Если для сбора контрибуций использовались Советы, то собирать постоянные налоги должны были органы старого аппарата – податные инспекции. Из-за несогласованности действий этих учреждений, бравших деньги из общего кошелька, – при доминировании контрибуций – реальные налоговые поступления были невелики. Попыткой исправить такое положение стал вышедший 1 ноября 1918 г. декрет об организации губфинотделов, который знаменовал переход фискальных функций советским работникам. Правда, правительство учитывало, что этот источник доходов не сможет принести в государственный бюджет достаточного количества средств. "В виду такого взгляда на значение налогов, – подытоживал Н.А. Добросмыслов, – советская власть не обнаруживает особой заботы о налогах, пользуясь налогами для достижения тех или иных результатов, главным образом нефинансового свойства"⁷⁶.

Выделим три особенности налоговой системы Советской Республики 1918–1920 гг., указывающих на присутствие в ней ярко выраженного конфискационного оттенка.

1. Модификация традиционных государственных сборов. Подходный налог вместо пропорционального стал в высокой степени

прогрессивным, и прогрессия время от времени повышалась. Так, в марте 1919 г. было установлено, что доходы, превышающие максимум (в Москве и Петрограде – 96 тыс. рублей), подлежали полному изъятию. С остающейся у граждан суммы доходов ставка налога достигала 25%. Таким образом, фактический доход налогоплательщика не мог превышать 72 тыс. рублей, что по индексу цен составляло около 3,5 тыс. довоенных золотых рублей в год⁷⁷.

Также практиковалось обложение прибыли по совокупности доходов от всех источников; ставки промыслового налога повысились так, что вместе с другими государственными и местными налогами подлежало отчуждению до 95% средств⁷⁸.

Горожане – владельцы домов и квартир, которым в силу низкой оценочной стоимости помещений удалось избежать национализации, должны были уплачивать налог с недвижимого имущества.

2. Пестрота новых общегосударственных налогов:

5%-ный сбор на предметы потребления, приобретенные в частных владельческих магазинах. Был введен декретом от 20 апреля 1918 г.⁷⁹ с вероятной целью искусственно понизить конкурентоспособность частного торгового сектора.

Косвенные сборы на предметы роскоши⁸⁰. Невиданным ранее явлением стала уплата налога на вещи, которые не предназначались для того, чтобы извлекать доход путем их эксплуатации.

Налог для входа на публичные зрелища и увеселения⁸¹. Являлся по существу экономическим рычагом регулирования досуга обывателя: в одном документе советский служащий назвал балы одним из мероприятий, “убивающих всякие культурные стремления”⁸².

3. Свобода введения местных налогов. Полномочие устанавливать новые налоги давалось местным властям инструкцией СНК от 24 декабря 1917 г. “О правах и обязанностях Советов”. О ходе ее выполнения можно узнать, в частности, из документов Государственного архива Тверской области.

В Калязинском уезде вводился налог с капиталов (прежний объект обложения – земля), которого к октябрю 1918 г. поступило 1666 тыс. рублей; налог на право охоты был увеличен; облагаться различными сборами стали также ввозимые–вывозимые грузы, равно как и езда на велосипедах⁸³. По решению Осташковского Совета той же Тверской губернии был увеличен оценочный сбор с недвижимых имуществ, введены налоги “на театральные билеты, на выездных лошадей по 10 руб-

лей с каждой и 2-рублевый больничный сбор с человека в возрасте от 18 до 60 лет”, помимо чего сохранились основные статьи доходной сметы бывшего земства на 1918 год⁸⁴.

С течением времени постоянные налоги все более теряли свою привлекательность для властей, которым казалось более выгодным по-полнять казну иными способами. Уже в апреле 1919 г. правительство большевиков посчитало необходимым прекратить взывание сборов, ставка которых не превышала трех тысяч рублей⁸⁵. Правда, до полного отказа от постоянных налогов дело не дошло.

Иные препятствия в хранении и накоплении личных средств

Некоторые служащие советского аппарата полагали: “Тех случайных денежных средств, которые у тех или иных предусмотрительных капиталистов могли оказаться на руках, могло, конечно, хватить на прожитие, но не на организацию борьбы”⁸⁶. Однако, как показала практика, такая позиция не повлияла на политику большевиков в отношении частновладельческих денег. Страх перед частным капиталом как источником финансирования контрреволюции дополнялся неприязнью к частной собственности в любых ее формах.

При планировании конфискационных мероприятий правительство исходило не только из величины денежной суммы, требуемой для удовлетворения неотложных и перспективных расходов государства, но также принимало во внимание, что бюджет каждой отдельной семьи должен укладываться в рамки, дозволяемые обществом нового типа. Документы уездных исполкомов показывают, что советские работники использовали малейшую возможность узнать о денежных накоплениях каждой семьи и вовремя принять меры к тому, чтобы предотвратить нежелательный процесс накопления капиталов.

Сокращение расходов государства в форме заработной платы. В феврале 1918 г. при ВСНХ был образован Особый комитет по сокращению государственных расходов, в работе которого также принимали участие должностные лица Народного комиссариата государственного контроля. Под канцелярским лозунгом сокращения расходов члены комитета приняли ряд постановлений о снижении окладов в некоторых государственных структурах и о невыплате пенсий, если их сумма превышала 300 рублей в месяц⁸⁷.

Материальные средства, тщательно укрываемые от властей в условиях повседневного быта, обнаруживали себя тогда, когда станови-

лись объектом преступления. Если, ведя уголовное дело, представитель власти замечал “непорядок”, соответствующие меры принимались в отношении не только преступника, но и потерпевшего. 28 апреля 1918 г. комиссар Екатеринодарской уголовной милиции издал постановление по делу о краже дочерью у отца 3800 рублей, содержащее пассаж: “..Из конфискованных денег тысячу рублей выдать владельцу Тихону Тихоновичу Свергунову, а две тысячи шестьсот семьдесят семь рублей сдать в отделение Государственного Банка для зачисления в депозит Кубанской Федеративной Республики”⁸⁸.

Ограничения при вступлении в наследство. Серьезные препятствия перемещать семейные средства по генеалогической ветви поставил декрет от 27 апреля 1918 г. “Об отмене права наследования”. Оставшееся после смерти владельца имущество объявлялось теперь государственным достоянием, причем исключение могли составлять лишь усадьба, предметы домашней обстановки и средства производства трудового хозяйства, если оценочная стоимость перечисленных объектов не превышала 10 тысяч рублей⁸⁹. Родственники умершего (не все претенденты, а только те, кто не имел прожиточного минимума), получали право лишь на содержание в счет оставшегося имущества.

Одной из наиболее крупных кампаний по ограничению права владеть, распоряжаться и даже пользоваться личными средствами стала атака на вклады граждан в сберегательные кассы. Значительный урон вкладчикам нанесла национализация банков, однако советское государство этой мерой не ограничилося. “Интересы мелких вкладчиков будут целиком обеспечены”, – гласил известный декрет от 14 декабря 1917 г. В.В. Журавлев справедливо подметил, что в документе понятие “мелкий вкладчик” не конкретизируется⁹⁰. Несколько позднее верхняя планка богатства была определена в размере десяти тысяч рублей. Более того, на расходные операции по вкладам, произведенным до 1 января 1918 г., устанавливался предел суммы ежемесячных выплат в 500 рублей, что С.Т. Кистенев расценивает как фактический арест банковских счетов граждан⁹¹. Его современник, А. Поляев, свидетельствовал: чтобы в 1918 г. получить деньги с текущего счета, необходимо было предъявить удостоверение комитета бедноты, Совета и Комиссариата социального обеспечения. Естественно, бюрократия затягивала процесс оформления справок, обставляя его всевозможными препятствиями, что позволило автору заключить: ныне каждый знает, что вносить деньги в банк, значит портить себе кровь⁹².

Ограничение выдач старых вкладов при быстром обесценивании денежной единицы сводилось по существу к аннулированию большей их части, пока остатки крупных вкладов не были списаны в счет уплаты 10-миллиардного чрезвычайного налога⁹³. В январе 1920 г. с упразднением Народного банка, с которым слили сберкассы, вклады населения были фактически уничтожены.

Жесткая политика Центра в отношении вкладов частных лиц породила жестокости на местах. Обратим внимание на стиль (и смысл!) следующей телеграммы от 5 июня 1918 г.: “Весьегонский Совдеп [Тверская губерния] требует конфискации 75 процентов капиталов вкладчиков сберегательной кассы 735”. Далее приводится поименная раскладка подлежащих уплате сумм⁹⁴. Списание средств со сберегательных книжек осуществлялось без решения суда, в административном порядке, что напрямую нарушало тайну и неприкосновенность вкладов частных лиц, гарантированную актом, изданным 21 января 1918 г.

Итак, в отношении вопроса о сберегательных кассах большевистская власть стояла перед дилеммой: либо привлекать средства путем гарантии их неприкосновенности, либо в режиме борьбы с нетрудовыми доходами выскидывать среди обладателей сберегательных книжек капиталистические элементы и вести борьбу против них. В первые послеоктябрьские годы предпочтение отдавалось второму пути, так как отлаженная техника изъятий представляла собой более легкий способ аккумуляции материальных ресурсов. Вся масса конфискационных мероприятий гасила ореол экстраординарного, исключительного в каждом из них в отдельности. Отсюда уверенные заявления большевистских финансистов: “..Если мы через некоторое время обнаружим, что в банке имеются такие вкладчики, которые накопили миллионы рублей, то, вероятно, мы эти миллионы конфискуем”⁹⁵.

Конфискация денег среди прочих вещей при обыске. В протоколе заседания Курской губернской ЧК от 12 января 1920 г. имеется запись: “СЛУШАЛИ: Дело о гражданине Перькове Н.С., хлебопашце Курского уезда – в хранении оружия; ПОСТАНОВИЛИ: Освободить. Деньги в сумме 1606 руб[лей], как непринадлежащие ему конфисковать”⁹⁶. Из приведенного отрывка не совсем ясен непосредственный мотив изъятия денег. По всей видимости, указанная сумма была не украденной, а переданной на хранение Перькову, но все равно это не оказало влияния на последствия обыска.

25 июля 1920 г. вышло правительственное постановление, которое запрещало держать на руках деньги в размере, превышающем де-

сятикратную низшую тарифную ставку. Найденные излишки предполагалось сдавать в кассы Наркомфина на текущие счета. Этот акт, как и многие узаконения 1920 г., имел целью лишь упорядочивание, притом формальное, широко практикуемых действий на местах. Вполне возможно, что законодательное закрепление экстраординарных мер способствовало их эскалации.

Сборы пожертвований. Ставка советских работников на склонность россиян к благотворительности делалась в дни, когда ухудшалось положение на фронте, но чаще акции по сбору пожертвований происходили в дни советских праздников. 18 марта 1920 г. в день Парижской коммуны Новооскольский партийный комитет организовал сбор средств на постройку памятника жертвам революции; 7 ноября 1920 г. населению г. Нового Оскола было предложено сдавать подарки для Красной Армии – сохранился “Подписной лист” с графами “Что жертвуется?” и “Ваша подпись”⁹⁷. В таких случаях деньги не были единственным видом добровольно отдаваемого имущества – принимались также отрезки материи, предметы одежды, продукты питания.

Работники местного аппарата, пропагандируя необходимость постоянных материальных жертв, подчас сами становились объектами воздействия идеологии. 1 марта 1918 г. члены Новооскольского Исполнительного комитета постановили делать ежемесячные отчисления в пользу безработных (если жалование превышало 100 рублей, предполагалось вносить в соответствующий фонд 2% холостым и 1% семейным служащим). Причина такого неординарного акта могла лежать как в стремлении советских работников продемонстрировать вышестоящим властям свои моральные качества, так и в искреннем порыве помочь делу революции, тем более что сумма отчислений, вероятно, не отягощала их семейный бюджет. Кстати, 20 сентября эти отчисления были отменены⁹⁸.

Все перечисленные выше меры и мероприятия зиждились на преломлении принципа государственной пользы через принцип уравнительности.

Штрафы: ущерб виновным и польза властям

Являясь традиционной формой наказания, денежные взыскания приобрели в большевистской России несвойственные им прежде черты. Обстоятельства многочисленных случаев наложения штрафов свидетельствуют о том, что штрафование, как и налогообложение, пре-

следовало главным образом цель пополнить государственные резервы и уже во вторую очередь выполняло профилактическую функцию. Выделим ряд типичных преступлений и проступков, в качестве наказания за которые обычно следовал штраф.

1. Действия, запрещенные декретами. Чаще всего штраф налагался за спекуляцию, выработку самогона и хранение оружия.

В глазах советских работников лица, обвиняемые в перепродаже товаров, представлялись не иначе, как личными врагами, что можно заключить исходя из строгости и формы наказаний. Сумма штрафа в данном случае принимала огромные размеры и могла быть хорошим подспорьем местным властям в период туго проходящих кампаний по сбору единовременных налогов. “Идет борьба со спекуляцией и замеченные в ней внесены в список для взыскания чрезвычайного налога”⁹⁹, – докладывал 2 декабря 1918 г. делегат от Богородской волости на Новооскольском съезде Советов. Мотивировкой при наложении контрибуции на граждан слободы Великомихайловки послужило то, что они “нажили капиталы спекуляционным порядком”¹⁰⁰.

4 ноября 1918 г. на улицах г. Нового Оскола было расклеено объявление, составленное комиссаром ЧК Ереминым: “Довожу до сведения граждан, что 3-го сентября сего 1918 года по постановлению Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией сын бывшего купца 1-й гильдии.. Сергей Григорьевич Барков оштрафован [за самогонварение] на сто тысяч рублей”, помимо конфискации у него движимого и недвижимого имущества. В другом документе сообщается, что штраф С.Г. Барковым был уплачен¹⁰¹.

2. Самовольные действия граждан, наносящие ущерб государственному хозяйству. К числу таковых относилось разграбление советских имений, поправа хлебов, производимая без разрешения рубка леса, выпас скота и пр. Налагая взыскания за эти проступки, местные органы власти пытались снизить энергию масс, по инерции сохраняющуюся со времени погромов помещичьих имений весной 1917 г.

3. Отказ подчиняться требованиям местных властей становился основанием для наложения штрафа чаще всего при неисполнении трудовой повинности. Таким проступком, к примеру, мог стать отказ предоставить подводы¹⁰². Вторжения властей личную жизнь граждан становились едва ли не нормой.

4. Действия политического характера. Штрафы являлись средством утверждения за большевиками статуса монопольного субъекта поли-

тической жизни. Поводом к наложению взыскания по политическим мотивам выступало обвинение частного лица в "контрреволюционности" либо в контрреволюционных действиях. 24 июня 1918 г. Грайворонский ревком постановил: "Предложить Григорию Мироновичу Фисуну и Федору Антоновичу Гурову под угрозой их расстрела внести контрибуцию по 10000 рублей каждому за их контрреволюционные выходы"¹⁰³. Кстати, под "выходами" подразумевалось распространение слуха о том, что коммунисты угнали чужой скот. 26 сентября 1918 г. на владельца новооскольской типографии А.С. Занина был наложен штраф в размере 1500 рублей "за напечатание... противусоветских объявлений". Как видно из прошения Занина об отсрочке в выплате штрафа, властями не принималось в расчет, что "печатание означенных объявлений было сделано... под угрозой оружия в присутствии четырех вооруженных лиц"¹⁰⁴. Всего по стране сумма взысканий с зажиточных крестьян за участие в вооруженных выступлениях против власти составила 62667812 рублей¹⁰⁵.

5. Нарушение служебной дисциплины советскими работниками. Попытки поднять дисциплину среди государственных служащих предпринимались довольно часто. Наказывалось не только злоупотребление служебным положением, но также опоздание на работу, игра в карты¹⁰⁶ и т.п. 28 сентября 1918 г. заведующий волостным земельным отделом за неявку на заседание Новооскольского уездного земельного съезда был оштрафован на 50 рублей. Любопытно, что при обсуждении этого вопроса выдвигались мнения о повышении наложенной суммы в десять раз¹⁰⁷.

Помимо перечисленных типов противоправных деяний штраф накладывался в случаях неуплаты налога (пеня), отсутствия оплаченных удостоверений у торговцев, нецелевого расходования выдаваемого государством зерна и т.д.

Особенностью порядка наложения штрафа на лиц, действовавших коллективно, был классовый подход к определению вины каждого из них. 26 июля 1919 г. Грайворонский ревком, слушая дело о разграблении жителями сел Почаево и Смородино советских имений, постановил: "Наложить на зажиточных (!) крестьян... 1000000 рублей контрибуции, так как жители этих сел непосредственно участвовали в разграблении"¹⁰⁸. В декабре 1920 г. зажиточным крестьянам деревни Аверинок Старооскольского уезда пришлось платить штраф за разграбление дома, в котором участвовали все жители села¹⁰⁹. Аналогичный случай приводит в своем труде Э. Карр: в г. Муроме после

подавления восстания большевики расстреляли 10 руководителей, а с буржуазии предписали взыскать миллион рублей¹¹⁰. Итак, механическое перенесение классового принципа от одних ситуаций на другие серьезно деформировало общественную психологию, убеждая трудящихся в правильности наказуемых прежде поступков.

К концу 1920 г., когда натуральные отношения почти полностью возобладали над денежными, большевистские руководители стали сомневаться в целесообразности метода штрафования. "Применяемое иногда Исполкомами и Комтрудами наложение денежных штрафов, хотя законами и не запрещается, но является мерой малодейственной", - отмечалось в циркуляре Отдела управления НКВД по поводу практикующихся взысканий за невыполнение трудовой повинности. В качестве более эффективной меры предписывалось отправка виновных на принудительные работы¹¹¹. Лица, не подчинившиеся требованиям власти, отвечали за это уже не имуществом, а свободой личности.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ИЗЪЯТЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Передача средств в государственную казну

Согласно идеологической доктрине, власть и народ (пробольшевистски настроенные социальные группы) обладали общностью материальных интересов. Ведя борьбу с частным капиталом, государственная власть получала широкие возможности распоряжаться всеми богатствами подконтрольной ей территории. Попробуем выяснить, почему уникальная возможность "обустроить Россию" за счет конфискованных средств не принесла позитивных результатов.

Прежде всего учтем постулат, который советские лидеры однозначно принимали на веру: поскольку отобранные денежные средства попадают в распоряжение возглавляемых большевиками структур, они не могут быть растрачены без пользы для государства.

Пороки хаотичной после Октября финансовой системы стали очевидны уже к апрелю 1918 г.; именно в то время меньшевик Н.Н. Суханов стал упрекать советское правительство, которое "расправляется с народными средствами, как ему заблагорассудится, без всякого бюджета и без всякого государственного контроля". Тогда же Л.Д. Троцкий призвал "провести бухгалтерскую сводку имеющейся... наличности" и перейти к разумному использованию национальных богатств¹¹².

Конкретные меры по наведению порядка в сфере финансов, проекты которых существовали, но не реализовывались (не в последнюю

очередь в силу ожидания коммунизма), заменялись ритуальными идеологизированными фразами. "...Изъять денежные суммы из среды качества, чтобы то, что они награбили стало достоянием всего трудового народа приложить все силы к тому чтобы выяснить у кого имеется излишек сумм который можно обратить в пользу Социалистической РЕСПУБЛИКИ", – говорилось в резолюции одной из уездных партийных конференций Курской губернии¹¹³.

Также встречающаяся в документах идеологема "Народные Средства" сама по себе означала, что даже принудительно отнятые у граждан деньги будут им в той или иной форме непременно возвращены. В отчете заведующего финансовым отделом Грайворонского исполкома Д. Михайленко говорилось: "Указано было, что на расходование Народных Средств должно быть обращено самое серьезное внимание, дабы избежать чрезмерных трат"¹¹⁴. Вместе с тем расходные статьи местных бюджетов подчас включали такие нелепые расходы, как отчисления в фонд бастующих рабочих Запада¹¹⁵.

Денежные суммы, изъятые в результате обысков, сначала поступали в кассу организаций, непосредственно осуществлявших их отчуждение. Таковыми являлись даже отделы образования, здравоохранения, городского хозяйства. Уездному исполкому подчас стоило большого труда добиться, чтобы средства были переведены на его счет. Не случайно в докладе от 30 апреля 1918 г. новооскольский комиссар финансов с горечью констатирует, что некоторые волостные административные органы не только не признают авторитета уездных властей, но и вовсе игнорируют их существование, в то время как волостные училища, почтовые отделения и сельские общества обращаются с просьбами о дотациях¹¹⁶.

Иерархию приоритетов в расходовании средств превосходно раскрывает следующий документ: 18 января 1919 г. Грайворонский уездный исполком, принимая поступления от контрибуций, указывал Головчанскому волостному Совету "производить расход впредь на укрепление Советских организаций, а также признать правильно выдачу ссуды пострадавшим товарищам от Гетманских Палачей"¹¹⁷. На первый взгляд, обе статьи расхода оценены равнозначно, однако если внимательно рассмотреть языковую фактуру текста, станет заметным скрытое недовольство уездной администрации по поводу денежных выплат жертвам контрреволюции. Назидание с ключевым словом *впредь* перетягивает на себя логическое ударение, тогда как вторая часть фразы, начинающаяся со слов "а также", является по существу

отпиской, позволяющей власти хотя бы формально считать себя народной.

Выдача средств гражданам

Выдачу единовременных и регулярных пособий государственные служащие расценивали как неизбежную и необходимую акцию. Нельзя отрицать, что спорадически отдельные граждане получали безвозмездную помощь. Так, 8 декабря 1919 г. при Алексеевском трудсобесе Воронежской губернии была организована подсекция по оказанию помощи лицам, пострадавшим от белогвардейских войск. В мае 1920 г. заведующий отмечал в докладе: "Рассмотрено Комиссией 461 дело, по которым назначено единовременного пособия в сумме 6292429 рублей, выдано по 374 дел[ам] 5313908 руб[лей] и осталось невыданными по 87 дел[ам] 978521 руб[ль]"¹¹⁸.

Центральное правительство, абсолютизируя свое стремление прийти на помощь бедным, в декабре 1920 г. отменило имущественное страхование. Взамен предполагалось пострадавшим от стихийных бедствий оказывать безвозмездную помощь, причем если раньше величина пособия зависела от взноса в органы страхования, то теперь на первый план был выдвинут критерий благонадежности¹¹⁹.

Уездные исполнительные комитеты предпринимали благотворительные акции и по своей инициативе. Так, в августе 1918 г. Новооскольский исполком постановил продать с аукционного торга больных лошадей, находящихся при военном комиссариате, и распределить выручку среди беднейших граждан. Такие начинания отдельных должностных лиц могли не встретить поддержки со стороны коллег. Судя по исправлениям в тексте только что приведенного документа, на подобном решении вопроса настоял председатель Совета Величко, тогда как его товарищ (заместитель) предлагал передать средства "для культурно-просветительной цели". Кстати, несколько позднее Величко был обвинен в ошибочном распределении лошадей¹²⁰. Хотя обстоятельства дела неизвестны, допустимо предположить, что вина председателя заключалась в его "уклоне" в пользу частного.

Имелись случаи, когда во имя помощи беднякам предпочтение отдавалось дополнительным конфискациям денежных сумм, а не поиску средств в недрах казны. 21 апреля 1918 г. Дубинский районный Совет Екатеринодарской губернии просил у вышестоящей инстанции разрешения наложить контрибуцию на "буржуазные классы", с тем чтобы употребить деньги в пользу "семей павших борцов за свободу в борьбе с контрреволюцией"¹²¹.

Случаи возвращения изъятых денег

Должностные лица вынуждены были признавать свои ошибки, если мотивировка контрибуции-налога-штрафа оказывалась недостаточной.

Уже знакомый нам Г.М. Фисун, обвиняемый в распространении слухов об угоне скота коммунистами, получил обратно уплаченную контрибуцию через две недели. "Тем более, – говорилось в протоколе заседания Грайворонского уездного ревкома, – что он при выходе из тюрьмы доказал свою преданность как честный революционер"¹²².

В Грайвороне 23 июля 1919 г. на двоих граждан был наложен штраф в 10 тысяч рублей. Один внес 4950 рублей, другой – 5000, после чего ревком постановил "сложить невыплаченную сумму штрафа"¹²³. Грайворонский заложник И.К. Буранов, за которого из 50000 рублей внесли 15000, был освобожден, так как члены революционного комитета, учтя его социальное положение, нашли, что не следует взыскивать сумму контрибуции в полном объеме. Другого заложника, И. Сулима, решили "держать до внесения последней суммы, как бы велика она ни была, но не менее 10000 рублей"¹²⁴.

Как можно заметить, освобождение от уплаты наложенных взысканий производилось так же спонтанно и произвольно, как и само изъятие. Результат повторного рассмотрения дел в большой степени определялся субъективными факторами. Поводом к возвращению изъятых денежных сумм служили, как правило, заявления пострадавших.

ИЗЪЯТИЕ ДЕНЕГ: ВЗГЛЯД "РЕАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА"

Обратимся к записке Комиссара продовольствия по г. Екатеринодару от 2 апреля 1918 г., направленной в Исполнительный комитет: "Продовольственная Комиссия, находя ненормальным, что отдельные лица, как Комиссар продовольствия по Екатеринодарскому Району, а не учреждения, имели на своем текущем счете большие суммы в то время когда задолженность Временного Революционного Комитета Гор-продкому составляет 100000 рублей", просит покрыть расходы"¹²⁵. И хотя в документе нет рекомендации устранить несправедливость путем изъятия денег (владеет ими отнюдь не рядовой гражданин!) сам ход мышления автора записки представляется весьма любопытным.

Владельцы банков, потерявшие капитал, отвечали на это пассивным сопротивлением. Адептам старого порядка, при котором ценились нравственные устои и действовал принцип "лежачего не бьют", слишком неожиданными казались действия "новых людей". Однако

большевики, веря в результативность силовых методов, ни за что не желали признать естественность даже такой реакции. "Банкиры и промышленники, – отмечает Ричард Пайпс, – воспринимали заявления большевиков как революционные фразы. Они разделяли убеждение, что большевики сами попросят у них помощи в ликвидации хозяйственной разрухи, иначе им не удастся удержаться у власти"¹²⁶. Большевики же относились к "эксплуататорам" с нескрываемой враждебностью, хотя не против были использовать их опыт работы. "...При помощи частных банков и их провинциальных отделений мы поддерживали в разных местах России промышленные предприятия, фактически принадлежавшие этим банкам, например, большинство Уральских горных заводов", – говорилось в одном из докладов большевика Н. Крестинского¹²⁷.

Еще одно чувство, которое испытывали банкиры, описывается в дневнике В.П. Аничкова: "Очень грустно было видеть и сознавать, что дело, которому я отдал всю жизнь, окончательно разрушается. Очень тяжело было начать отказывать клиентам в оплате крупных чеков с их текущих счетов"¹²⁸.

Для граждан среднего и низкого достатка кампании по изъятию денежных средств не были столь драматичными, так как в изучаемый период наблюдалась натурализация экономики, когда продукты и предметы личного пользования играли более значительную роль, нежели деньги. Тем не менее разнообразные акции, подрезающие семейный бюджет, вызывали в проекции на прочие конфискационные мероприятия "синдром взаимного отягощения", так как моральный и психологический факторы для человеческого сознания не менее весомы, чем материальные. Отрицательную реакцию мог вызвать сам факт очередного обыска, а не только размер суммы, которая в результате него оказалась утраченной.

Отношение к единовременным налогам со стороны пострадавших от этого мелких и средних торговцев предстает перед нами в деловом дискурсе их заявлений. Более или менее целостную картину позиции среднего класса можно составить, в частности, по делу 86 фонда Губисполкома Государственного архива Тверской области¹²⁹. Выделим семь моментов.

1. В соответствии с официальной пропагандой в среде торговцев возникали представления о том, что мероприятия большевиков по "выкачке" денежных сумм направлены исключительно против тех, кто обладал огромными богатствами. К тому же, считалось неспра-

ведливым механически приравнивать к разряду богачей тех, кто ведет торговлю или занимался ею в прошлом. Вот почему в прошениях встречаются указания на несоответствие размера контрибуции достатку плательщика.

Неужели Вы меня равняете к старинным купцам которые испокон веков богаты (М.Г. Пинт) ;

Очень обидно что меня приравнивали к таким буржуям я и до войны был безденежным человеком или только долги клянчил занимал а другие не нуждались (Д. Кузнецов) .

2. Торговлю разрушили годы войны, затем прибавилось хроническое сопротивление большевиков частной предпринимательской деятельности, время от времени переходящее в острые формы: наложение контрибуций, пополнение списка монополизированных видов товаров. Торговцы выражали сожаление, что за девять месяцев советской власти дело их жизни стало крайне невыгодным и потому, говорилось в заявлениях, уплата назначенной суммы для них исключительно сложна.

В прошлом году были дела совершенно лучше.., но в этом году я потерпел огромные убытки. Мною было куплено товару и я не получил ни товару, ни денег (М.Г. Пинт) ;

Хотя муж мой имеет мебельный магазин в г. Твери, но вам известно, что торговля мебелью совершенно упала, никто мебели не покупает" (Р.М. Фраткина) .

3. По заявлениям видно, что очередное взыскание налагалось даже на тех, кто уже несколько лет назад под напором обстоятельств прекратил заниматься предпринимательством. Так как большевистская власть хотя бы и декларативно, но предоставила твердые гарантии неприкосновенности "трудового имущества", некоторые заявители пытались доказать, что их прибыль не выходит за допустимые рамки и что, ведя торговлю, они вовсе не претендуют на личную выгоду. Лейтмотив почти всех прошений – напоминание о семье, остающейся без хлеба.

Положительно не осталось никаких средств... даже для прокормления себя и семьи. Магазин существует исключительно для своих служащих, а не для своих удовольствий (А.И. Блинова) ;

Производя сейчас торговлю я не задаюсь целью наживы у меня одна цель прокормиться с семьей и только; и я очень доволен этим и никаких излишков от торговли сейчас и откладывать нельзя (Д. Кузнецов) .

4. Ряд заявителей стремится доказать, что, вообще-то, они не против налога, пусть даже "классового", единовременного, однако для них разорительна именно очередная сумма, ради списания которой они и апеллируют к власти. Цель отдельных прошений – убедить советских работников списать только излишнюю, непосильную часть взыскания.

Жить очень тяжело.. Теперь еще требуют 20000 руб[лей] – взять их решительно неоткуда. Покорнейше просим не требовать такой громадной суммы (А. Жукова) ;

Вообще от платы я не отказываюсь, я буду платить по мере возможности (М.Г. Пинт) ;

Идя навстречу по образованию фонда на детей, я могу уплатить из моего жалования в 2 раза 1000 руб[лей] (П.Ф. Поздняков) .

5. Сознывая, что в основе экономических мероприятий большевиков подчас стоит политический интерес и, следовательно, причиной наложения контрибуции вполне могут выступать политические мотивы: "контрреволюционность", "неблагонадежность", "сомнительность", – представители городских средних слоев старались подчеркнуть свою лояльность к власти, как бы вскользь инкрустируя прошения следующими фразами:

Я нигде не уезжал и не скрывался (П.Ф. Поздняков) ;

Я как стоящий на платформе советской власти ничего не должен от вас скрыть (Нрзб) .

6. Собственники чувствовали свою ответственность и за судьбу наемных рабочих. Более того, некоторые заявления в защиту предпринимателей подписаны самими рабочими.

Я.И. Кузнецов обращает внимание членов исполкома на то, что с лишением его свободы за невзнос 10-тысячной контрибуции "чайную придется закрыть причем 9 чел[овек] служащих и семья останутся без места". Одно из рассмотренных заявлений подписано четырнадцатью рабочими заводопромышленника Т.П. Емельянова. В нем содержится просьба освободить работодателя "для ведения дела по обслуживанию Городского отдела снабжения и фабрик, так как остановка дела в подвозе продуктов в означенные учреждения грозит опасности народу".

7. Наконец, в части заявлений указывается на трудовое происхождение денег, требуемых на уплату контрибуции, либо на их скорбное предназначение.

Я со своей стороны во имя спасения и освобождения матери.. могу лишь внести 500 руб. , скопленные мною тяжелыми трудами в продол-

жение моей четырехлетней непрерывной военной службы, – пишет фельдшер Б.Е. Елкина;

Я готова ради получения его (мужа) свободы выдать правительству на его нужды отложенные на погребение наше "на смерть", деньги две тысячи рублей – все что мы имеем в наличности, а затем да будет воля Божья (Р. М. Фраткина).

В Государственном архиве Белгородской области материалов, раскрывающих отношения средних слоев общества к непопулярным мерам власти в финансовой сфере, не очень много. Приведем заявление жительницы г. Корочи В.Ф. Никольской от 4 июля 1919 г., у которой в счет чрезвычайного налога со сберкнижки списали 500 рублей. Просительница доказывает права на обладание своими деньгами тем, что, во-первых, средства "должны оставаться неприкосновенными в силу неоднократных распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства", а во-вторых, сама она живет личным трудом и не принадлежит к буржуазному классу¹³⁰.

Автор другого прошения, уже упомянутый владелец типографии А. С. Занин пишет: "Считая это [наложение штрафа] насилем над собой, ходатайствую перед Исполкомом о снятии хотя [бы] половины наложенного штрафа..." Далее заявитель, видимо, почувствовал, что в эпоху тотального насилия жестокость единичного акта никого уже не удивит, и указал на семейное обстоятельство – необходимость содержать стариков-родителей. Кроме того, А. С. Занин, как человек своей эпохи, понимал зависимость своего материального благополучия от степени социальной близости к большевикам и полезности их режиму. Отсюда упоминания о том, что он сын крестьянина, мастеровой, а также о конкретных заслугах: "Я служил в Народной армии..., пользовался доверием народа, был арестован в г. Рославле за признание власти Ленина"¹³¹.

Зубной врач В.Г. Берзонова, у которой взяли в счет чрезвычайного налога необходимую для оплаты медикаментов сумму, требовала пересмотреть дело, так как "без денег материал не дают, а без материала работать и лечить нельзя"¹³². В этом прошении на первый план выступает ценность общественно-значимой деятельности.

Даже если цель использования денег на данный момент еще не была определена, пострадавшие пытались убедить советских работников, что отбираемые деньги – вовсе не "награбленное", а напротив, результат напряженного труда многих поколений. Пострадавшие нередко апеллировали не к советским декретам, а к естественным пра-

вам и общечеловеческим нормам. Одновременно торговцы и промышленники отстаивали необходимость продолжения своего дела, которое при условии посылки налогового пошлого пошло бы на пользу экономике и обществу в целом.

Отношение крестьянина-середняка к чрезвычайной финансовой политике проследим по дневнику тотемского крестьянина А.А. Замараева. Записи последовательно рассказывают о взимании большевиками контрибуции в натуральной форме (16 сентября 1918 г.) и денежной (1 ноября), о заключении в тюрьму купцов и повторных сборах с домовладельцев (19 ноября), об очередном единовременном налоге в размере 1500 рублей и двух коров (24 ноября), о новой аналогичной кампании, начатой по решению крестьянского съезда 31 января 1919 г. Первые из приведенных упоминаний относились к жителям соседних деревень – видно, как эта гроза находила на крестьян постепенно.

А.А. Замараев сдержан в оценках, отношение к финансовым мероприятиям большевиков начинается у него с фразы "Раньше этого не было [о подоходном налоге]", но по мере развития событий крестьянин уже не может удержаться от открытого выражения своих негативных чувств:

прямое разорение (запись от 19 ноября 1918 г.);

народ задыхается от налогов..., жизнь стала невыносимая (23 и 24 ноября);

грабительская власть (9 декабря).

Бедняки и другие социально-близкие большевикам элементы, кому ураган конфискаций не причинил вреда, а то и принес наживу, воспринимали финансовую политику власти достаточно своеобразно. В сознании lumpenов укоренилось представление, что всякие платежи государству – обязанность исключительно богачей, следствием чего стало отрицательное отношение к налогам¹³³. С таким убеждением большевики боролись путем пропаганды. 30 апреля 1918 г. новооскольский комиссар финансов подчеркивал, что заставить граждан внести недоимки следует "путем укрепления на местах среди крестьянского населения веры в исключительное желание уездного Совета Народных Комиссаров [как одно время назывался исполком – К.Х.] прийти на помощь пролетариату Российской Республики"¹³⁴.

Пропагандистские трафареты были подхвачены криминальными элементами для самооправдания. В дневниковой записи княгини Е.Н. Сайн-Витгенштейн от 22 декабря 1917 года рассказывается, как грабители во главе с товарищем предводителем и товарищем комис-

саром (!), подойдя ночью к ее дому начали вершить свое дело со слов: "Вы, проклятые буржуи, довольно нашу кровь пили"¹³⁵.

Политика многочисленных и беспорядочных изъятий денежных средств, преломляясь через сознание индивидов, влияла на их мысли и поступки самым причудливым образом. 23 февраля 1918 г. житель г. Новороссийска П.И. Бельбин, "обуреваемый чувствами сохранения в сердцах граждан" памяти жертв революции, направляет в местный Исполком заявление о необходимости воздвигнуть памятник, добавляя, что средства на него "должны быть собраны путем пожертвований, дабы дать возможность многим гражданам, путем внесения своей лепты, принять участие в этом историческом отныне моменте переживаемом родиною"¹³⁶.

ВЫВОДЫ

Многочисленные акции большевиков по изъятию у населения денежных средств формировали навык насильственного получения требуемых сумм как основы финансовой политики конца 1917 – начала 1921 гг.

Большевистское руководство оказалось перед дилеммой: стабилизировать финансы или ждать воплощения в жизнь тезиса К. Маркса об отмене денег. Бездействие повлекло неконтролируемую инфляцию и тем самым усугубило экономический кризис. В таких условиях частные капиталы становились единственной основой поддержания жизнеспособности власти.

Потери граждан от финансовых мероприятий большевиков были особенно значительны в первые два года советской власти. При этом если в декабре 1917 г. в ряду пострадавших в основном оказывались банкиры, а в первой половине 1918 г. – собственники национализируемых предприятий, то вторая половина 1918 г. была ознаменована многочисленными единовременными налогами, взимаемыми, как правило, с торговцев и богатых крестьян.

Критерием для наложения контрибуций могло служить не только имущественное состояние, но и социальное происхождение, род занятий в прошлом, политическая ориентация, в то время как величина реально собираемых сумм (по сравнению с астрономическими цифрами сумм, наложенных первоначально) зависела от возможности их уплатить.

Традиционные средства пополнения государственной казны – постоянные налоги – были адаптированы к духу большевистской власти и затрагивали материальные интересы основной массы населения, причем наиболее тяжелым для рядовых граждан оказывалось то, что

руководители центрального аппарата постулировали единство материальных интересов власти и народа.

В 1920 – начале 1921 гг. показатели инфляции резко возросли и отчетливо проявилась натурализация экономики, отчего роль денег заметно снизилась. Возможности конфискации денег были исчерпаны, и пополнение государственных ресурсов происходило уже большей частью в натуральной форме.

Каковы же были результаты конфискационных мер в финансовой политике? С. Т. Кистенев в 1927 г. усматривал в действиях большевиков "политическую мудрость"¹³⁷. На первый взгляд эта оценка противоречила текущей политике советского государства: реформа Сокольникова означала радикальный поворот во взгляде правящей элиты на роль финансов, тем более, что позитивные процессы после укрепления национальной валюты были очевидными. Однако мысль С. Т. Кистенева глубже: финансист смотрел на проблему с точки зрения государственной пользы. Уже само сокращение частновладельческих средств объективно усиливало мощь аппарата власти, не считавшей необходимым принимать меры по оздоровлению экономики.

В последующие десятилетия многочисленные, но разрозненные мероприятия, имеющие целью изъятие у частника денежных средств, уступили место целенаправленной политике регламентирования источников доходов граждан и сдерживания чрезмерных накоплений. Акты конфискации в финансовой сфере, состоящие в присвоении государством "излишков" вкладов в сберегательные кассы, наиболее отчетливо стали проявляться в годы денежных реформ – 1947 г., 1961 г., вплоть до "павловской реформы" 1991 г. Обратной стороной невозможности накопления частных капиталов легальным путем становилась активизация теневой экономики.

Примечания (глава 6)

¹ Обзор финансового законодательства. 1917-1921. – Пг, 1921. – С.1.

² Данилов В.П. Советская налоговая политика в доколхозной деревне // Октябрь и советское крестьянство. 1917-1927 гг. / Под ред. И. М. Волкова и др. – М.: Наука, 1977. – С.164-191; Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917-1950 гг.). – М.: Наука, 1978. – 496 с.

³ Дьяченко В.П. Указ. соч. – С.54.

⁴ Там же. – С.12.

⁵ Преображенский Е. Вопросы финансовой политики. – М., 1921. – С.6.

⁶ Кистенев С.Т. Финансовая политика советской власти в период военного коммунизма // Вестник финансов. – 1927. – №11. – С.27.

⁷ Дьяченко В.П. Указ. соч. – С.55.

⁸ Сокольников Г. Денежный кризис // Народное хозяйство. – 1918. – № 2 (апрель). – С. 2-4.

- ⁹ Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. – М., 1918. – С.140.
- ¹⁰ Журавлев В.В. Декреты Советской власти 1917-1920 гг. как исторический источник. Законодательные акты в сфере обобществления социалистической собственности. – М.: Наука, 1979. – С.66.
- ¹¹ Протоколы... – С.140.
- ¹² Конституция РСФСР 1918 года. – М., 1919. – Ст. 3 д.
- ¹³ Дьяченко В.П. Указ. соч. – С.23.
- ¹⁴ Журавлев В.В. Указ. соч. – С.67.
- ¹⁵ Карр Э. История Советской России. Кн.1. Том1 и 2. Большевицкая революция. 1917-1923. / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – С.465.
- ¹⁶ Дьяченко В.П. Указ. соч. – С.24.
- ¹⁷ Потяев А. Финансовая политика Советской власти. – Пг., 1919. – С.27.
- ¹⁸ Там же. – С.28.
- ¹⁹ Глебов Л.Д. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии (март 1917-декабрь 1918 гг.).– Курск, 1952.– С.91.
- ²⁰ Потяев А. Указ. соч. – С.24.
- ²¹ ГАКК, ф.Р-1359, оп.1, д.31, л.221.
- ²² Потяев А. Указ. соч. – С.42.
- ²³ Декреты Советской власти. Т.1. 25 окт. 1917 – 16 марта 1918 гг. – М., 1957. – С.67.
- ²⁴ Дьяченко В.П. Краткий очерк развития государственного кредита и сберегательных касс СССР // Государственные займы и сберегательные кассы СССР. Сборник важнейших законодательных материалов за 1917-1937 гг. – М.-Л.: Гос. фин. изд-во, 1938. – С.25-26.
- ²⁵ Конституция РСФСР 1918 года. – ст. 32.
- ²⁶ Цит. по: Дьяченко В.П. Краткий очерк... – С.11.
- ²⁷ Потяев А. Указ. соч. – С.41.
- ²⁸ ГАБО, ф.Р-428, оп.1, д.2, л.27 об.; 16 февраля 1919 г.
- ²⁹ ГАЯО, ф. Р-372, оп.1, д.72, л.63.
- ³⁰ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.50, л.90 об.
- ³¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5-ти тт. 1917-1967 гг. Сборник документов за 50 лет. Т.1. 1917-1928 гг. – М. Политиздат, 1967. – С.23.
- ³² Пайпс Р. Русская революция. Ч.2. – М.: РОССПЭН, 1994. – С.368.
- ³³ Ильин Ю.А. Государственное регулирование и рыночные отношения крестьянских хозяйств центра России в годы гражданской войны и интервенции (октябрь 1917 – март 1919 гг.) // Вопросы истории экономических и политических отношений в России (XX в.). – М., 1996. – С.23.
- ³⁴ Соколов Н.Г. Советский опыт использования финансов и налогов в деревне в первые годы революции // Из истории России: идеи, суждения, опыт: Сб. научных трудов. – Рязань, 1993. – С.68.
- ³⁵ Добросмыслов Н.А. Налоги – от октября до нэпа // Вестник финансов. – 1927. - №11. – С.85.
- ³⁶ Бронский М.Г. Финансовая политика СССР. – М., 1928. – С.47-48.
- ³⁷ ГАВО, ф. Р-10, оп.1, д.21, л.3.
- ³⁸ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.13, л.30.
- ³⁹ Там же, ф.Р-428, оп.1, д.2, л.66.
- ⁴⁰ Там же, ф.Р-381, оп.1, д.8, л.6.
- ⁴¹ Добросмыслов Н.А. Указ. соч. – С.83.
- ⁴² Дьяченко В.П. История финансов... – С.40.
- ⁴³ Добросмыслов Н.А. Указ. соч. – С.83.
- ⁴⁴ Потяев А. Указ. соч. – С.51.
- ⁴⁵ ГАТО, ф.Р-291, оп.1, д.126, л.2.
- ⁴⁶ См.: Потяев А. Указ. соч. – С.52.
- ⁴⁷ Ильин Ю.А. Указ. соч. – С.23.
- ⁴⁸ Добросмыслов Н.А. Указ. соч. – С.85.
- ⁴⁹ ГАБО, ф.Р-428, оп.1, д.2, л.38.
- ⁵⁰ Там же, ф.Р-386, оп.1, д.2, л.85.
- ⁵¹ Там же, ф.Р-428, оп.1, д.2, л.37.
- ⁵² ГАКК, ф.Р-1359, оп.1, д.31, л.261-261 об.
- ⁵³ ГАБО, ф.Р-428, оп.1, д.2, л.72.
- ⁵⁴ Там же, ф.Р-528, оп.1, д.13, л.1 об.
- ⁵⁵ Там же, д.25, л.79-80 об.
- ⁵⁶ Там же, л.81-85.
- ⁵⁷ Там же, д.13, л.15 об.
- ⁵⁸ Там же, ф.Р-428, оп.1, д.2, л.28.
- ⁵⁹ ГАТО, ф.Р-291, оп.16, д.24, л.46.
- ⁶⁰ ГАБО, ф.Р-428, оп.1, д.2, л.28.
- ⁶¹ АФОО, ф.65, оп.1, д.11, д.73.
- ⁶² АФОО, ф.65, оп.1, д.11, л.64.
- ⁶³ См.: ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.25, л.72; д.55, л.19.
- ⁶⁴ ГАТО, ф.Р-291, оп.16, д.24, л.46.
- ⁶⁵ Там же, л.368.
- ⁶⁶ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.13, л.1.
- ⁶⁷ Там же, д.25, л.30, 104.
- ⁶⁸ Никулин В.В. РКП и крестьянство перед нэпом: проблема взаимоотношений // Крестьяне и власть. Тезисы докладов. – Тамбов, ТГТУ, 1995. – С.82.
- ⁶⁹ ГАТО, ф.Р-291, оп.16, д.24, л.46.
- ⁷⁰ Там же, д.126, л.17.
- ⁷¹ Данилов В.П. Указ. соч. – С.167.
- ⁷² Кистенев С.Т. Указ. соч. – С.30.
- ⁷³ Соколов Н.Г. Указ. соч. – С.73-74.
- ⁷⁴ Малая Советская энциклопедия. В 10 тт. Изд. 3-е. Т.6. – М., 1958, ст.385.
- ⁷⁵ Обращение к населению председателя СНК В.И. Ленина 5 ноября 1917 г. О переходе власти и средств производства в руки трудящихся // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5-ти тт. 1917-1967 гг. Сборник документов за 50 лет. Т.1. 1917-1928 гг. – М. Политиздат, 1967. – С.23.
- ⁷⁶ Добросмыслов Н.А. Указ. соч. – С.83.
- ⁷⁷ Дьяченко В.П. История финансов... – С.58.
- ⁷⁸ Там же. – С.41.
- ⁷⁹ Добросмыслов Н.А. Указ. соч. – С.84.
- ⁸⁰ Дьяченко В.П. История финансов... – С.40.
- ⁸¹ ГАБО, ф.Р-428, оп.1, д.2, л.56.
- ⁸² АФОО, ф.65, оп.1, д.21, л.14.
- ⁸³ ГАТО, ф.Р-291, оп.1, д.225, л.29.
- ⁸⁴ Там же, л.32.
- ⁸⁵ Данилов В.П. Указ. соч. – С.170.
- ⁸⁶ Кистенев С.Т. Указ. соч. – С.28.
- ⁸⁷ Дьяченко В.П. История финансов..., С.35.
- ⁸⁸ ГАКК, ф.Р-975, оп.1, д.2, л.86.
- ⁸⁹ Декреты Советской власти. Т.2. 17 марта – 10 июля 1918 г. – М., 1959. – С.187-188.
- ⁹⁰ Журавлев В.В. Указ. соч. – С.67.

- ⁹¹ Кистенев С.Т. Указ. соч. – С.28.
- ⁹² Потяев А. Указ. соч. – С.69.
- ⁹³ Кистенев С.Т. Указ. соч. – С.29.
- ⁹⁴ ГАТО, ф.Р-291, оп.16, д.24, л.26.
- ⁹⁵ Потяев А. Указ. соч. – С.69.
- ⁹⁶ ГАКО, ф.Р-325, оп.2, д.1, л.58.
- ⁹⁷ БОЦДНИ, ф.1888, оп.1, д.2, л.58 об.; д.4, л.3.
- ⁹⁸ ГАБО, ф. Р-528, оп.1, д.6, л.7; д.25, л.65.
- ⁹⁹ Там же, д.25, л.82 об.
- ¹⁰⁰ Там же, л.30.
- ¹⁰¹ Там же, ф. Р-528, оп.1, д.50, л.21; д.9, л.76.
- ¹⁰² Там же, ф. Р-381, оп.1, д.8, л.10.
- ¹⁰³ Там же, д.2, л.2 об.
- ¹⁰⁴ Там же, ф.Р-528, оп.1, д.13, л.41, 45.
- ¹⁰⁵ Осипова Т.В. Развитие социалистической революции в деревне в первый год диктатуры пролетариата // Октябрь и советское крестьянство. 1917-1927 гг. – М.: Наука, 1977. – С.68.
- ¹⁰⁶ Там же, д.25, л.42. 29 июня 1918 г., г. Новый Оскол.
- ¹⁰⁷ Там же, д.5, л.60 об.
- ¹⁰⁸ Там же, ф.Р-381, оп.1, д.2, л.49.
- ¹⁰⁹ Там же, ф.Р-430, оп.2, д.3, л.440-440 об.
- ¹¹⁰ Карр Э. Указ. соч. – С.144.
- ¹¹¹ ГАБО, ф.Р-197, оп.1, д.1, л.51.
- ¹¹² Суханов Н.Н. Новейшие завоевания советской власти // Новая жизнь. 1918. 3 апр. – С. 1.
- ¹¹³ АФОО, ф.65, оп.1, д.11, л.75 об.
- ¹¹⁴ ГАБО, ф.Р-428, оп.1, д.2, л.37 об.
- ¹¹⁵ БОЦДНИ, ф.1888, оп.1, д.2, л.113.
- ¹¹⁶ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.13, л.37.
- ¹¹⁷ Там же, ф.Р-428, оп.1, д.1, л.25.
- ¹¹⁸ ГАБО, ф.Р-197, оп.1, д.9, л.70.
- ¹¹⁹ Дьяченко В.П. История финансов... – С.63.
- ¹²⁰ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.25, л.53, 103.
- ¹²¹ ГАКК, ф.Р-975, оп.1, д.2, л.66.
- ¹²² ГАБО, ф.Р-381, оп.1, д.2, л.24 об.
- ¹²³ Там же, д.8, л.11-11 об.
- ¹²⁴ Там же, д.2, л.15-15 об.
- ¹²⁵ ГАКК, ф.Р-975, оп.1, д.2, л.19 об.
- ¹²⁶ Пайпс Р. Указ. соч. – С.359.
- ¹²⁷ Крестинский Н. Наша финансовая политика. – Пб., 1921. – 68 с.
- ¹²⁸ Анничков В.П. Екатеринбург – Владивосток. 1917-1922. – М.: Русский путь, 1998. – С.66.
- ¹²⁹ ГАТО, ф.Р-291, оп.1, д.86, л.1, 1 об., 2, 4 об., 7 об., 8, 9, 14, 17, 19.
- ¹³⁰ ГАБО, ф.Р-520, оп.1, д.5, л.46-46 об.
- ¹³¹ Там же, ф.Р-528, оп.1, д.13, л.45.
- ¹³² Там же, ф.Р-520, оп.1, д.5, л.23.
- ¹³³ Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму: 1917-1929 гг. – М.: Наука, 1994. – С.60; Данилов В.П. Указ соч. – С.167.
- ¹³⁴ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.13, л.37.
- ¹³⁵ Сайн-Витгенштейн Е.Н. Дневник. 1914-1918. – Paris: YMCA-Press, 1986. – С. 125.
- ¹³⁶ ГАКК, ф.Р-1359, оп.1, д.31, л.283.
- ¹³⁷ Кистенев С.Т. Указ. соч. – С.28.

ГЛАВА 7. ИЗЪЯТИЕ ЛИЧНОГО ИМУЩЕСТВА

Факт покушения большевистской власти на предметы личного пользования – следствие расшатанных устоев владельческих прав, в частности пренебрежения к праву неприкосновенности жилища.

Процесс изъятия предметов домашнего хозяйства среди других конфискационных мероприятий большевиков является наименее изученным. Кстати, это связано с минимальной степенью общественной санкционированности на отчуждение данного вида имущества.

Современная историческая наука имеет большие возможности в исследовании недоступных ранее тем, однако затрагиваемая здесь проблема остается практически не разработанной. Л.А. Обухов констатирует, что в ходе изъятия личного имущества «иногда... не составлялось никакой описи и потому невозможно выяснить, что же действительно было изъято в пользу властей, а что присвоено теми, кто проводил конфискацию»¹. «О всевозможных конфискациях и контрибуциях говорить не приходится», – пишет В.П. Булдаков². Причина слабой освещенности проблемы состоит в утвердившемся мнении исследователей о недостаточности документального материала, в частности для использования количественных методов. Тем не менее принятый в настоящей работе сквозной подход, единый для всех видов имущества, позволяет осветить ряд примечательных аспектов проблемы изъятия личного имущества и на основе ранее не публиковавшихся архивных документов раскрыть некоторые неизученные ее стороны.

Законодательное обоснование конфискационных мер

В правовых государствах конфискация имущества производится лишь как дополнительная мера наказания, полагающаяся за определенные виды правонарушений. Обратим внимание, что в таких случаях, как правило, конфискуется имущество, непосредственно связанное с составом преступления: безвозмездному изъятию подлежат украденные предметы либо ценные вещи, отчуждаемые в счет уплаты долга. Сам акт изъятия при этом осуществляется как элемент тщательно проводимого судебного разбирательства.

В первые послеоктябрьские годы систематические реквизиции и конфискации имущества, производящиеся вне рамок наказания за правонарушение, начинались стихийно по инициативе местных Советов. В поле зрения центральной власти прежде всего попали хранилища драгоценностей. Идея, содержащаяся в декрете о ревизии банковских сейфов от 14 декабря 1917 г., неизбежном в условиях национализации банков, спустя шестнадцать месяцев, постановлением Наркомфина от 29 апреля 1919 г., получила толчок к дальнейшему развитию. С этого времени уполномоченным должностным лицам предоставлялось право производить конфискации всех ценностей стоимостью свыше 10 тысяч рублей и золотых изделий весом более 16 золотников, а также иных вещей, если последние являлись собственностью белогвардейцев и контрреволюционных элементов³.

В 1918–1919 гг. центральная власть не придавала особого значения реквизициям и конфискациям, считая их делом второстепенной важности и лишь изредка заботясь о пострадавших рабочих и крестьянах. Местные Советы страховали себя от обвинений в незаконности. Постановление Курского губисполкома, изданное в начале 1920 г., допускало конфискацию имущества только в связи с совершенным преступлением, в виде пресечения и сокрытия следов преступления или в качестве вещественного доказательства к делу⁴. В целом, однако, революционная практика в провинции обходилась и без нормативных актов.

25 апреля 1920 г., когда наметилась тенденция упорядочения правовой системы, был издан декрет "О реквизициях и конфискациях". Документ дифференцировал понятия "реквизиция" и "конфискация" по критерию наличия частичной компенсации за ущерб, а также определял, какие государственные органы могут быть уполномочены производить отчуждение личного имущества. Вероятность изъятий повышалась, если хранящиеся у граждан ценные вещи превышали допустимую норму. Шестой пункт декрета провозглашал: "Реквизиция и конфискация вещей домашнего обихода (мебели, одежды, обуви, посуды и пр.) воспрещается", кроме особых случаев, связанных с острой необходимостью в этих вещах со стороны государственных учреждений⁵. В условиях беспорядочных массовых обысков такое заявление казалось обнадеживающим, однако механизм его реализации фактически не работал. В этом плане представляет интерес "Комментарий к декрету о реквизициях и конфискациях", выпущенный 10 сентября 1920 г. Курским губернским отделом управления. При

интерпретации шестого пункта акцент был сделан именно на "особых случаях", понимаемых, во-первых, как недостаток белья или обуви на складах в случае эпидемии или массового прибытия раненых и, во-вторых, как нужда в мебели и других вещах после стихийных бедствий. Нехватку упомянутых предметов разрешалось восполнять путем реквизиции. "Но однако, – следовало далее в документе, – когда будет обнаружено у частного лица массовое хранение однородных вещей (многочисленные сундуки с бельем в старых помещичьих домах, скрытые склады и т.п.) или имущество принадлежало монастырям или лицам, добровольно ушедшим с бельми, ... то предпочтительно применить конфискацию"⁶. Может быть, не формулировками апрельского декрета, а, скорее, возможностью его расширенного толкования определялось высказывание Д.И. Курского о том, что нормативный акт "не устанавливал права собственности на вещи", а напротив, не давал его даже на предметы домашнего хозяйства⁷. Несмотря на возникшие противоречия, одноименный декрет от 3 января 1921 г. предлагал новый, уточненный перечень подлежащего изъятию имущества (драгоценностей)⁸.

Таким образом, в деле регламентации отношений между уполномоченными властью и частными лицами законодатель колебался между стремлением, с одной стороны, упорядочить произвол должностных лиц, а с другой, не допустить воскрешения стабильных собственностических прав.

Уполномоченные структуры

Если при царском и Временном правительствах конфискация предметов личного пользования допускалась только по решению суда, то большевики нашли такой порядок слишком обременительным. На первых порах, когда революционная инициатива местных органов власти Центром не поддерживалась, но и не подавлялась, главной структурой, иницилирующей и исполняющей акты конфискаций личного имущества, были исполнительные комитеты или ревкомы. Органы местной администрации определяли, какие деяния считать правонарушениями, а также выдавали другим организациям разрешение на изъятие имущества у граждан. Кстати, как сообщает Я. Вейс, ордера на обыск могли выдаваться десятками учреждений, включая анархистскую "черную гвардию"⁹.

Некоторые уездные Советы по собственной инициативе создавали карательные отряды. Инструкция "бойцам" отряда при Новоскольс-

ком уездном Совнаркомом от 5 апреля 1918 г. гласила: "Карательный отряд с разрешения Совета имеет право и обязан во всякое время и везде производить [у] подозрительных личностей и у кого бы то ни было обыски и отбирать оружие и другие вещи по усмотрению Совета". Самочинные действия при обысках воспрещались под страхом революционного суда¹⁰.

Кстати, последнюю установку инструкции новооскольский отряд нарушил уже через месяц, затребовав без должных оснований у сельского общества сорок лошадей. Реакция на это со стороны Исполкома была мягкой: "Сделать наказ, чтобы самочинных действий не производили"¹¹.

Наиболее серьезным конкурентом Советов в борьбе за права на имущество граждан выступала Чрезвычайная Комиссия. Полномочия ЧК производить обыски и конфисковывать предметы личного пользования вытекали из функции борьбы со спекуляцией, причем обыску мог быть подвергнут не только торговец, но и любой домохозяин. Особое подозрение вызывали запасы однородных предметов. Как замечает Е.Г. Гимпельсон, хотя Постановление об организации ЧК ограничивало функции комиссии предварительным расследованием, но это положение нейтрализовывалось одновременным разрешением применять в случае необходимости карательные меры. Что же касается взаимоотношений уездных комиссий с исполкомами, то в реальных условиях они определялись скорее не законодательством, а мощью одной организации по сравнению с другой¹².

В феврале 1919 г. между Курской губернской ЧК и губисполкомом возник спор по поводу права конфисковывать вещи лиц, ушедших с белогвардейцами. Комиссия обвинила административную власть в бесхозяйственности: в то время как Совет "сам ничего не предпринимает, обывательщина все разносит"¹³.

Второй этап в деятельности советских учреждений, связанный с конфискацией предметов домашнего обихода, начался с конца 1919 г., когда стала заметна попытка большевистского Центра ограничить произвол местных учреждений и одновременно с большей активностью использовать механизм изъятий, отработанный на местах, во имя общегосударственных целей. Для Курской губернии этот процесс совпал с вторичным приходом советской администрации после изгнания Добровольческой армии.

Решения о конфискации личного имущества за преступления и проступки могли принимать Революционный трибунал, Народный

суд, Следственная комиссия, губЧК и Следственный комитет. Сам процесс изъятия возлагался на милицию¹⁴.

Возрастающие потребности государственных органов становилось невозможно удовлетворять за счет фондов имущества, изъятого у правонарушителей. 10 декабря 1919 г. обязательным постановлением Курского губернского ревкома была учреждена особая комиссия по учету и конфискации имущества лиц, бежавших с белыми¹⁵. Небольшая реорганизация произошла в начале 1920 г., когда Курский Губисполком в соответствии с декретом СНК распорядился, чтобы брошенное имущество ставилось на учет и изымалось конфискационной комиссией Коммунгорхоза¹⁶. На протяжении 1920 г. множество конфискационных комиссий появилось при уездных Отделах управления.

МОТИВЫ И ХОД КОНФИСКАЦИЙ ЛИЧНОГО ИМУЩЕСТВА

Пресечение правонарушений

1. Незаконное хранение вещей. Незаконно хранящимися считались предметы, во-первых, монополизированные государством и, во-вторых, имеющиеся у отдельных лиц сверх нормы. К имуществу первого типа относилось прежде всего оружие, наличие которого в частных домах ставило под угрозу общественную безопасность. Реалии описываемой эпохи отражает сообщение председателя Новооскольского уездного исполкома военному комиссару от 15 октября 1918 г.: "Мною замечено, что некоторые красноармейцы.. при посещении ими кинотеатра имеют при себе ручные бомбы"¹⁷. Одно из постановлений Курского губернского исполкома о сдаче оружия было подписано 29 декабря 1919 г.¹⁸

В Кубанско-Черноморской Республике в июле 1918 г. подлежало сдаче оружие казенного образца; оружие центрального боя изымалось только у политически неблагонадежных лиц¹⁹.

Возвратившимся с военной службы красноармейцам запрещалось оставлять у себя казенное обмундирование. В мае 1920 г. на хуторе Гагарин Корочанского уезда по заявлению уездных властей представителем комиссии по борьбе с дезертирством А.В. Мазикиным был произведен обыск в доме семьи Акинышиных, в ходе которого оказались конфискованными бумажные шаровары, вязаные и полотняные кальсоны, две нательные рубахи, суконная гимнастерка, казенное одеяло и ремень²⁰.

Частным лицам предлагалось также самим сдавать припрятанное добро. Такой способ, однако, не означал, что дело пускалось на самотек. В предписании Белгородскому уездному Отделу управления читаем: сделать распоряжение "о добровольной сдаче населением военного обмундирования и оружия, руководствуясь при этом следующими соображениями: I) отбирать (!) у населения военное обмундирование: а) принесенное домой дезертирами, б) купленное дома у красноармейцев, скупщиков и вообще у частных лиц, в) случайно найденное и не сданное в военные комиссариаты". Далее приказывалось направить в деревню карательные отряды и предать суду Революционного трибунала лиц, виновных в незаконном хранении обмундирования и оружия"²¹.

Предельная "норма собственности" была установлена также на изделия из *ценных металлов*. В мае 1919 г. у жительницы г. Корочи Ц.Л. Шифровой был "взят совершенно бесплатно со двора медный чан". В ответ на прошение пострадавшей Рабоче-крестьянская инспекция разъяснила: "Медный чан взятый у Вас может быть конфискован, как предмет общественного потребления скрытый от учета. . . . Все медные предметы фабрично-заводской промышленности общественного потребления подлежат секвестру"²².

Гражданам строго запрещалось брать на хранение *брошенное имущество* лиц, которые, перейдя на сторону противников большевиков, покинули родные места. Тем самым государство объявляло себя посредником при передаче от человека к человеку даже самого мелкого имущества, хотя традиционно такое посредничество допускалось исключительно в отношении недвижимости. Учтем и политическую подоплеку: стремясь раз и навсегда порвать с "изменниками", большевики исключали их из сферы действия советского права.

9 января 1919 г. начальник Грайворонского отряда Я. Бондаренко изъял у жителя деревни Рождественки Ф. Храпунова лошадь, револьвер, ружье центрального боя, шесть мешков крахмала, четыре мешка овса и восемь занавесок для окон, так как перечисленные предметы были переданы хозяину дома неким Я. Беликовым, "который скрылся с его дочерью неизвестно куда"²³. 12 января начальник грайворонской милиции произвел обыск в доме В.З. Париченко. "Допрошенный.. показал, что обнаруженные вещи принесла к нему родственница бежавшего из г. Грайворона Духана на хранение". Имущество было изъято до особого распоряжения ревкома²⁴.

Уже после изгнания деникинских войск, 25 ноября 1919 г., Курский губернский революционный комитет выпустил объявление: всем, кто знает о местонахождении имущества, покинутого владельцами, сообщать об этом в органы власти²⁵. По отношению к тем, кто нарушал это предписание, и слова, и действия представителей власти становились все более угрожающими.

Из протокола Курской губЧК от 12 января 1920 г.: "*Слушали*: Дело [нрзб] бывш[ей] учительнице обвиняемой (!) в хранении вещей [лиц] бежавших с белыми; *Постановили*: Дело производством прекратить. Отобранные вещи конфисковать"²⁶.

17 февраля 1920 г. был произведен обыск в доме Н.И. Яковлева (г. Старый Оскол). В составленном акте отмечалось: "...В виду того, что стена кладовой-палатки оказалась заложеной новым кирпичом нашла нужным вскрыть эти места, а потому выломав стену (!) в двух местах ничего не нашла там"²⁷.

Даже среди рассмотренных случаев конфискации личного имущества за незаконное хранение можно заметить различия в обосновании этих актов: необходимая для поддержания общественного порядка сдача государству оружия сочеталась с мелочным контролем со стороны властей над местонахождением частного имущества, даже если последнее не представляло особой ценности.

2. Незаконная купля-продажа вещей. Поскольку государственному аппарату не удавалось искоренить спекуляцию путем налаживания товарообмена, в ход пускались меры усиленного психического и физического давления непосредственно на перекупщиков. Так, инструкция волостным организаторам Корочанского уезда предписывала "задерживать подозрительных лиц, требовать от них документы, засыпать их внезапными вопросами, кто они, откуда, почему сюда попали, чем занимались прежде... И в этом отношении всегда необходимо помнить, что каждый злостный спекулянт есть тем не менее и злостный контрреволюционер"²⁸.

Странным, но неизбежным следствием борьбы с черным рынком стало преследование покупателей. 6 февраля 1918 г. на екатеринодарском базаре красногвардейцами был задержан гражданин Чеботарев. Согласно акту дознания, вина обывателя состояла в том, что он "купил 1 шубу, которая отправлена и находится в Совете"²⁹. Понятно, что в условиях товарного голода прилавки советских торговых учреждений были пустыми, вследствие чего за незаконную покупку товаров можно было привлечь к ответственности практически любого

обывателя. Абсурдность этой меры осознали в конце концов и сами представители власти: в частности, в тот же период в г. Новороссийске было прекращено дознание о покупке седла И.И. Кляйковым, "принимая во внимание, что купля и продажа производится открыто, что продавцы не задерживались и продажа носила эпидемический характер, понималась жителями как разрешенная"³⁰.

Беспрецедентным в предшествующей юридической практике являлось подозрительное отношение советских должностных лиц к вещам, купленным в период белогвардейского правления. Это была по существу претензия большевистской власти на вездесущность, на нерушимость своих постановлений даже на покинутых Красной Армией территориях.

Старооскольский исполнительный комитет постановил, чтобы обо всех вещах, приобретенных при белогвардейцах, было заявлено в Отдел местного хозяйства. За неисполнение данного указания к ответственности был привлечен, в частности, В.А. Тулинов, которого обязали передать в Жилищный отдел шкафчик, этажерку, столик-подставку для цветов, плюшевый диван, два кресла, мраморный умывальник, две подушки и шесть стульев³¹.

Незаконную покупку-продажу вещей некоторые обыватели совершали по инерции, так как при прежних режимах это не выходило за рамки законности. Для части населения это было напрямую связано с вопросом выживания.

3. Уклонение от военной службы. Конфискация имущества за уклонение от военной службы по существу не имела "физического смысла", так как изымаемые вещи не играли никакой роли для доказательств наличия состава преступления. Тем не менее такая мера наказания глубоко укоренилась в практике первых послеоктябрьских лет.

В 1920 г. председатель Алексеевского уездного исполкома Носов издал приказ № 198, предупреждающий: "Все граждане должны запомнить раз и навсегда, что теперь в случае дезертирства не ожидая поимки дезертира немедленно будет конфисковываться имущество у него или его семьи, такая же кара будет возлагаться на укрывателей и пособников". Для большей выразительности словосочетание "конфискация имущества" рефреном звучит во всех пяти пунктах приказа, причем пункты 1 и 3 идентичны по смыслу, пункт 2 их конкретизирует, а 5-й пункт распространяет этот ставший универсальным инструмент принуждения на председателей и делопроизводителей воло-

стных исполкомов за возможный отказ последних обнаружить настоящий документ³².

Приказ № 198, равно как и множество других аналогичных актов, игнорировал деталь, типичную для правовых систем дореволюционной России и других цивилизованных стран: родители и родственники солдат-дезертиров не могут нести ответственности за проступки *совершеннолетних* детей.

Также несправедливыми были различия между количественными и содержательными характеристиками имущества, изымаемого у разных хозяев. Конфисковывалось прежде всего то, что по мнению уполномоченного представляло сколько-нибудь значительную ценность, но и этого правила государственные служащие придерживались далеко не всегда. Так, из опубликованного 14 сентября 1920 г. сообщения белгородской Комиссии по борьбе с дезертирством, следует, что у сорока жителей уезда было конфисковано 19 лошадей, 23 коровы, 19 овец, 6 волов, 1 свинья, в также 6 изб и 3 сарая, причем расклад наказания между виновными, по-видимому, определялся произвольно. В других встретившихся нам перечнях вещей, конфискованных за дезертирство, скот перечислялся вперемешку с продовольствием и предметами домашнего обихода. К примеру, у жителя села Прохладного Корочанского уезда изъятию подлежала лошадь, телега, хомутина, кабан, просо, конопляное семя, сухие груши, спички и столовые скатерти³³. В других документах среди изъятых за дезертирство имущества перечислялись самовар, пиджак, шапка, лапти, холст, полотенце, нитки³⁴.

Мелкое личное имущество в подобных случаях конфисковывалось скорее в отместку, чем в наказание, а то и в целях шантажа: "Чекрычиной было заявлено о том, что если она укажет местонахождение сына, то имущество ей будет возвращено", - такой ответ дал волостной Исполком на запрос РКИ по поводу заявления пострадавшей³⁵.

Ход изъятия имущества за уклонение от военной службы красноречиво раскрывает жалоба красноармейца И. Дорофеева (г. Короча). По словам заявителя, начальник района по борьбе с дезертирством А.В. Мазикин, прибыв на хутор Гагарин и войдя в дом Дорофеева, "сейчас же приступил к конфискации: взял одно одеяло одну гимнастерку и одни шаровары защитного цвета вязаные одни кальсоны поясной один ремень, нательных рубах две штуки одни кальсоны. После всего этого [несколько человек] из его отряда обнажило шашку и угрожал Матери *голова с тебя сейчас долой* и сам Мазикин поднимал

плетку и говорил ей *Сейчас выпорю плеткой*". Видя это, все члены семьи, кроме 64-летней матери заявителя, разбежались, потом еле-еле удалось отыскать восьмилетнего Игната, сына И. Дорофеева³⁶.

4. Уклонение от гужевой повинности. В обязательном постановлении Алексеевского уездного исполкома предупреждалось: "Население уезда, уклоняющееся от выполнения гужевой повинности, будет предаваться суду, причем у лиц военнообязанных кроме указанного наказания будет конфисковано имущество"³⁷. Аналогичные постановления издавались и на уровне более крупных административных единиц. Конфискация предметов домашнего обихода у тех, кто не желал трудиться исключительно на благо власти, была призвана заставить население уважать авторитет государства и мириться с трудовой повинностью в обмен на сохранение объективно и субъективно значимых вещей.

5. Неявка буржуазных элементов на регистрацию. Декрет СНК от 29 сентября 1919 г. приравнивал это правонарушение к государственной измене и предписывал конфисковывать имущество лиц, не подчинившихся указанному требованию³⁸.

6. Выработка самогона. Следует уточнить, что в данном случае речь идет отнюдь не об изъятии самогонного аппарата и готового продукта, а о конфискации личного имущества. Такое наказание являлось результатом революционных изысканий местных властей. Вспомним об огромном штрафе, наложенном на новооскольского купца С.Г. Баркова, но кроме штрафа было обещано, что у нарушителя будет конфисковано все движимое и недвижимое имущество. Справедливости ради отметим, что удовлетворенная штрафом Губернская ЧК запретила изымать вещи Баркова, найдя всю совокупность карательных акций чрезмерной³⁹. Все же расклейка этого грозного объявления имела целью пресечь подпольную деятельность других нарушителей, вынужденных теперь опасаться за судьбу своих личных вещей.

6. Деяния политического характера. В ответ на жалобу гражданки Балабановой, у которой ЧК конфисковала предметы домашнего обихода, Новооскольский уездный Исполком заявил: "А что касается Вашего обвинения, то Чрезвычайная Комиссия объяснила, что Вы обвиняетесь в контрреволюционном заговоре на членов Исполкома, а контрреволюционеры стираются с лица земли а имущество все поступает в пользу государства"⁴⁰. Здесь акт изъятия имущества имел характер даже не наказания, а своего рода контрибуции.

Итак, сами правонарушения, в качестве наказания за которые местные Исполкомы определяли конфискацию личного имущества, отличались разнотипностью. Значение суда было минимизировано.

Удовлетворение первоочередных нужд государственных органов

Как уже было показано на примере других видов имущества, лишение граждан материальных объектов в качестве наказания не могло обеспечить увеличивающиеся потребности органов власти. Поскольку правовые нормы часто менялись и, к тому же, мера наказания могла определяться произвольно, остаться в роли законопослушного гражданина было не так-то просто. И тем не менее значительная часть граждан, причем не самых бедных, оказывалась законопослушной даже относительно "гибкого" революционного права.

В первые месяцы после Октября местные Советы добывали средства к существованию путем налогов и контрибуций. Постепенно, однако, деньги утрачивали свою былую покупательную способность, в то время как система централизованного снабжения государственных структур фактически не действовала. Заводы и фабрики закрывались, и обеспечить местную власть "средствами производства" можно было только за счет населения.

11 июля 1918 г. командир второго Воронежского полка направил Новооскольский уездный исполком ходатайство: "Прошу о реквизиции для вверенного мне штаба 3 столов и 10 стульев, крайне необходимых"⁴¹. В запросе начальника штаба дивизии в Белгородский уездный исполком (18 февраля 1919 г.) говорилось: "По приказанию Командира Бригады прошу немедленно выдать требуемые шубы (в количестве 7 штук), находящиеся в Городском Ломбарде, ввиду предстоящего выступления Штаба Бригады на фронт"⁴².

17 декабря 1919 г. командующий VIII армией направил в Воронежский губернский ревком требование: "Для госпиталей армии необходимо сорок больших ванн. Предписываю Вам в трехдневный срок, считая с сего числа, отобрать у населения 40 ванн, каковые и передать непосредственно Начсанчасти 8 армии"⁴³.

Определенную роль в закреплении практики реквизиций и конфискаций со стороны учреждений, испытывающих потребность в тех или иных предметах, сыграл декрет СНК от 15 июля 1920 г., устанавливавший правило: "Советские организации не должны пользоваться услугами каких-либо посредников при совершении товарных операций"⁴⁴. Согласно упомянутому акту, закупать необходимую про-

дукцию разрешалось только у производителя. В целом значение июльского декрета было небольшим; установленный им порядок реализовывался и ранее. Несмотря на усиленную борьбу с перепродажами, найти на рынке производителя оказывалось делом нелегким. При таких обстоятельствах начальники военных подразделений производили реквизиции, в лучшем случае испрашивая разрешения у председателей исполкомов и узнавая твердые цены.

28 ноября 1920 г. руководитель армейского подразделения прошил Белгородский уездный исполком выдать мандат на реквизицию на рынке десяти керосиновых ламп для отдела снабжения военного комиссариата. Запрос был мотивирован тем, что "не представляется возможным выполнить спешные работы канцелярии штаба"⁴⁵.

В ответ на требование военного комиссара от 10 ноября 1920 г. выдать тридцать лампочек для госпиталя Белгородский уездный исполком постановил: "Поручить Реквизиционной Комиссии немедленно выяснить вопрос о реквизиции лампочек у частных лиц и учреждений, где таковые излишни". Далее указывалось, что наименьшую необходимость в освещении испытывают церкви⁴⁶.

Масштабной кампанией по удовлетворению насущных потребностей государства был сбор теплых вещей в пользу армии, проводившийся каждую зиму с 1917 по 1920 г. Первый декрет, переложивший часть забот о снаряжении Красной Армии на плечи граждан, был принят 8 (21) ноября 1917 г. Владельцы квартир, месячная плата за которые составляла 150 рублей и выше, должны были сдать государству по одному теплому одеялу и одной теплой вещи (полушубок, одежда, валенки и т.п.)⁴⁷.

Источником для подробного анализа особенностей этой акции может являться единица хранения Государственного архива Тверской области (ф.Р-291, оп.1, д.14, тт.1-2), включающая порядка тысячи документов о деятельности Комиссии по снабжению армии теплыми вещами зимой 1918/1919 гг.

Обязанность внести пожертвование в виде комплекта теплых вещей на этот раз возлагалась не только на домовладельцев, сдающих квартиры в наем, но и на держателей скота, а также на лиц, получающих жалование свыше 700 рублей в месяц.

По Курской губернии имеются сведения, что к 25 января 1919 г. было собрано 300 костюмов, 1500 ед. белья, 300 пар обуви, 300 шапок, 200 фуражек, 150 полотенец, несколько простыней, одеял и щуб⁴⁸.

В конце 1919 г. начался новый этап кампании по всенародному снабжению армии. 2 декабря В.И. Ленин, призывая устраивать беспартийные конференции крестьян, предлагал для обсуждения на них следующий тезис, сформулированный, по словам В.М. Андреева, в катехизисном плане: "Как может помочь крестьянин армии? Всем – хлебом, обмундированием, парой валенок, овчиной, картошкой, патроном, винтовкой..., выдачей дезертиров"⁴⁹.

Принудительное изъятие предметов для армии сочеталось с мощной пропагандой значения этого шага, его связью с главным желанием всего общества – поскорее вернуться к мирной жизни. Кстати, сборы военного обмундирования затрагивали и самих государственных служащих. 2 ноября 1920 г. белгородский Комитет Содействия Фронту приказывал: "Предложить Укомпарту вменить в обязанность каждого члена РКП сделать от себя обязательное пожертвование на нужды фронта"⁵⁰.

Менее болезненным для населения было временное отчуждение необходимого государству имущества. По отношению к вещам, изымаемым на определенный срок, стало использоваться понятие "мобилизация". Этот термин должен был показывать, что при чрезвычайных обстоятельствах не только люди, но и – опосредованно – вещи обязаны выполнять свой долг перед государством.

Решение о том, на какой основе – постоянной или временной – будет изъято имущество, принималось местными властями. Так, в апреле 1918 г. с интервалом в 7-10 дней вышли постановления Чрезвычайного штаба обороны и Отдела управления, предписывающие всем гражданам, за исключением членов РКП(б), сдать оружие. В качестве мотивировки указывалось: "Ни одна винтовка, ни один патрон не должны оставаться не у дел, когда злейший враг трудящихся масс (немецкая буржуазия) уже стучится у врат нашего социалистического отечества". Всякий, утаивший оружие и боеприпасы, расценивался как контрреволюционер, враг народа, предатель и изменник родины⁵¹.

В отдельных уездах Курской губернии в феврале 1918 г. проводилась кампания по временному изъятию изделий из драгоценных металлов. В описях конфискованных предметов значатся столовые приборы: сахарницы, чашки, блюдца, подстаканники, ложки, вилки, совочки для чая, спичечницы, солонки, ситечки, а также другие вещи: от серебряного ридикюля и разнообразных украшений до детского рожка⁵². Вероятно, данное конфискационное мероприятие обус-

ловливалась опасением, что драгоценности попадут в руки наступающих немецких войск. Но поскольку эта акция проводилась на первом этапе большевистской диктатуры, приблизительно через месяц, когда угроза нападения противника миновала, отобранные вещи было решено вернуть прежним владельцам, за исключением помещиков, т.е. не без учета классового подхода.

Расширение объема потребностей государства

Как мы уже смогли убедиться ранее, одной из главных задач большевиков в период 1918–1921 гг. было завоевание ими права верховной собственности на обладание любой вещью, находящейся в пределах подконтрольной территории. Это право утверждалось с большой степенью осторожности, но уверенно и методично. Ограничению прав на личное имущество в первую очередь были подвергнуты помещики, так как вероятность организованного сопротивления с их стороны почти полностью отсутствовала. Поскольку после Октября наименее защищенным классом являлись помещики, аккумуляцию предметов личного пользования большевики начали именно с них. Поначалу, в ходе энергичного изъятия земли, власти пытались сдерживать волну грабежей, запрещая подвергать учету и конфискации предметы домашнего обихода. В некоторых местностях, однако, это условие оказывалось лишь пустой декларацией. Съезд Советов крестьянских депутатов Воронежской губернии (февраль 1919 г.) обязал собственников имений покинуть свои усадьбы, взяв с собой только оговоренную в земельных отделах часть необходимого имущества: мебель, одежду, посуду и пр. Инвентарь же, картинные галереи, библиотеки и музыкальные инструменты полагалось оставить на месте впредь до передачи их культурно-просветительным учреждениям⁵³.

Спустя определенный промежуток времени стремление государственной власти стать верховным собственником начало задевать интересы не только помещиков, но и более широких социальных слоев. 28 ноября 1919 г. Тутаевский уездный исполком (Ярославская губерния), поддержав инициативу открыть в городе Музей памятников древности, редкостей и искусств, постановил: "Все древности объявить национализированными, выдав комиссии мандаты на право изъятия от учреждений и частных лиц всего, что они признают необходимым поместить в музей – бесплатно"⁵⁴.

На пути к заветной цели административные служащие начали практиковать условную форму изъятия имущества. Формально вещь оста-

валась в руках владельца, однако целый комплекс имущественных прав оказывался утраченным.

"Обязуюсь хранить и никуда не перемещать"⁵⁵, – такая подписка бралась у граждан после обыска, если по какой-то причине уполномоченные не имели возможности сразу забрать вещи.

Представление об объеме урезанных прав дает приказ Курского губернского исполкома от 10 сентября 1920 г. По этому документу вся находящаяся в пользовании частных лиц мебель "прикреплялась" к месту своего нахождения. В качестве мотивировки такого шага следовало упоминание уже не о насущных потребностях того или иного учреждения, а об "общем деревообделочном и мебельном кризисе". В соответствии с приказом мебель запрещалось продавать, перевозить на другие квартиры и вывозить из города, а также умышленно уничтожать⁵⁶.

Условная форма изъятия имущества подготавливала частного к моменту окончательной утраты некоторых личных вещей и одновременно избавляла государственные структуры от проблем, связанных с поиском складских помещений.

Наконец, отдельные факты свидетельствуют о безусловном принудительном изъятии вещей во имя абстрактного государственного интереса. Одной из причин того, что этот мотив стал допустимым и достаточным, было убеждение гражданских служащих, что их работа не менее ответственна, чем у начальников военных подразделений.

В конце октября 1918 г. председатель Новооскольского уездного исполкома выдал удостоверение: "Дано сие тов. Лысенки в том что ему разрешается взять в [у] И.И. Арсеньева письменный стол, шкафы и стулья что подписью и приложением печати удостоверяется"⁵⁷.

Удивительным было то, что лица, имущество которых подлежало конфискации во имя государственного блага, определялись произвольно. Иногда сам акт изъятия имущества был результатом случайного стечения обстоятельств. 8 апреля 1918 г. новооскольские служащие осматривали помещение в доме "бывшего Шапошникова" и обнаружили там 20 пудов алебаstra. Далее последовало распоряжение реквизировать этот материал "для нужд военкома". Владелец вынужден был подчиниться, хотя в незаконном хранении алебаstra он обвинен не был⁵⁸.

В ситуации, отраженной в предыдущем документе, решение выносил председатель исполкома "со товарищи". Однако вследствие возросшей за короткий срок силы власти, не позволявшей обществу вы-

ражать открытый протест, советские служащие, выдавая разрешения на право реквизиций и конфискаций, могли обходиться даже без указания на конкретное лицо, у которого следует отобрать требуемую вещь.

24 августа 1918 г. заведующий Новооскольским продовольственным отделом А.Б. Боковцев получил в уездном исполкоме удостоверение, гласящее, "что ему... разрешается реквизировать три письменных стола и шестнадцать стульев где таковые окажутся, т.е. по его усмотрению"⁵⁹.

В подобных ситуациях, в отличие от сборов пожертвований на нужды армии, государство выступало уже не деликатным просителем крайне необходимых предметов, а грозным повелителем. При этом возраст и пол владельца имущества порою не влияли на обхождение с ним представителя власти. В заявлении А.А. Шевцовой (г. Новый Оскол) читаем: комиссар финансов Л., "угрожая мне 55-летней женщине револьвером, реквизирует у меня следующие вещи [далее приводится перечень предметов]"⁶⁰.

"Советская власть должна заботиться не об отдельных личностях, а копить добро в пользу государства.... Вот в пользу государства и пойдут ваши ценности", – такое единственное и убийственное объяснение слышала при очередном ночном обыске семья Бруцкус, автора известного среди историков "Дневника матери-хозяйки"⁶¹.

Наряду с материальным, прагматическим интересом государства в отдельных случаях в качестве мотива конфискационного мероприятия выступает интерес *идеологический*. Беспрецедентным событием был состоявшийся 21–22 ноября 1920 г. в г. Екатеринодаре *День изъятия вещей у буржуазии (День ущемления буржуазии)*. В эти два дня лавина обысков обрушилась не только на крупных торговцев и промышленников, но также на мелких лавочников, кустарей и прочих граждан, которых власть считала враждебными себе. Конфискации подлежали даже вилки, сковородки и алюминиевые кастрюли. Отобранные вещи предполагалось по усмотрению профсоюзов распределить среди беднейших рабочих⁶². День ущемления буржуазии был призван генерировать в среде новых владельцев имущества положительные эмоции по отношению к власти и тем самым укрепить ее позиции. Грандиозные акты конфискации личного имущества все же были редкостью; органы местной администрации в этом направлении двигались твердой, но осторожной поступью.

Итак, в целом можно считать, что большевистское государство хотя бы на короткий период (приблизительно со второй половины 1919 по начало 1921 гг.) обрело верховные права на все частновладельческое имущество Советской Республики, а также завладело наиболее ценными предметами личного пользования.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОГО ИМУЩЕСТВА

Малкое движимое имущество в ведении государства

Процессы изъятия и распределения имущества находились в органической взаимосвязи только тогда, когда причиной конфискаций предметов личного пользования выступала насущная необходимость в них со стороны государственных учреждений. В остальных же случаях советские работники далеко не всегда имели представление о том, как распорядиться отобранными у граждан вещами. Действительно, с точки зрения плавной цели большевистского правительства – нивелировать частную собственность, расширив имущественные права государства, – сам факт изъятия оказывался намного важнее, нежели рациональное использование данного предмета. В итоге возникали своеобразные "кризисы сверхизъятия".

В условиях множественности правительств на территории бывшей Российской империи центральное советское правительство питало иллюзии относительно монолитности большевистского государственного аппарата, вследствие чего считалось, что каждая вещь, попадая в распоряжение местных исполкомов, уже сама собой найдет полезное применение. Большевистский аппарат на местах не был, однако, безупречно работающей машиной, им руководили обыкновенные люди со всеми их слабостями.

Если материальные устремления служащих различных учреждений были одинаково сильны, начинались долгие споры между претендентами на роль новых владельцев имущества.

После издания декретов о реквизициях и конфискациях представлялось более или менее понятным, как следует поступить с изделиями из драгоценных металлов – их требовалось передавать в ведение финансовых отделов либо казначейств.

Небольшую часть изъятого имущества органы местной администрации распределяли по различным учреждениям на основании запросов. Удостоверение, выданное 13 марта 1919 г. Белгородским уезд-

ным совнархозом, гласило: "Предъявителю сего начальнику милиции г. Белгорода т. Саенко разрешается вывезти всю мебель из имения Муханова, находящуюся в селе Кошарах Белгородского уезда, а также посуду, находящуюся там же"⁶³.

Если на ту или иную вещь не поступало специального запроса, она передавались, как правило, в отдел социального обеспечения.

Наиболее пригодные из изъятых предметов оставляли в своем ведении те органы, которые проводили акт конфискации. Нередки были столкновения исполкомов и чрезвычайных комиссий. Размытость полномочий, отведенных этим структурам центральным законодательством, давала преимущества тому органу, во главе которого стояли более настойчивые и решительные руководители. Так, 7 февраля 1919 г. служащие грайворонской уездной ЧК категорически заявили местному исполкому: "Настоящим Уездная Чрезвычайная Комиссия просит в срочном порядке сдать все имеющееся в Исполкоме имущество, как конфискованное, так и реквизированное". Губернская Комиссия поддержала свой дочерний орган, объявив губисполкому, что если в уезде нет казначейства, ценности должны сдаваться именно в ведение уездной ЧК⁶⁴.

Информацию о конфискованных предметах, оставшихся в "законах" исполкомов и чрезвычайных комиссий, дают "Описи казенного имущества", которые составлялись при эвакуации либо при передаче дел вступающему в должность председателю.

В октябре 1918 г. бывший председатель Совета Величко передавал Бугавому дела и имущество, в том числе серебряную столовую ложку, девять револьверов, серебряную оправу от зеркала, большой бархатный ковер, восемь четвертей [приблизительно 24,8 литра] ректифицированного спирта. Также известно, что в декабрьских инвентарных описях значились мельхиоровые ножи, библиотека, красная материя⁶⁵; тогда же в описи имущества уездной ЧК указывалось 86 наименований предметов, среди которых 73 мелких и глубоких тарелки, одна большая ваза, примус⁶⁶.

Следствием отсутствия порядка в системе распределения конфискованных вещей стал имущественный сепаратизм государственных структур. Используя свои полномочия, должностные лица пытались не допустить утечки предметов, хранящихся в их учреждениях, в ведение других, даже подчиненных, государственных органов. Так, уездные исполкомы, как правило, оставляли реквизированный товар для собственных нужд⁶⁷.

Военные власти не считали противозаконным овладевать не только частным, но и государственным имуществом. 11 декабря 1919 г. Курский губернский ревком издал постановление "О категоричном запрещении отдельным воинским частям и учреждениям захватывать имущества Губпродкома, Упродкомов и райпродкомов"⁶⁸. 24 января 1920 г. Курский губернский исполком, констатируя, что отдельные лица и красноармейские части, "выежая из города Курска, увозят с собою мебель и различную домашнюю утварь, полученную из коммунгорхоза, от коменданта города и т.д.", постановил принимать меры к возврату увозимого имущества. Таким образом гражданские власти пытались бороться с деструктивными явлениями, однако без реальной силы нормативные акты ничего не значили. В сентябре 1920 г. служащие Старооскольского отдела коммунального хозяйства жаловались на действия штаба батальона охраны, который, выезжая из города, приказал не только забрать мебель, но и сорвать провода⁶⁹.

Выдача личного имущества новым владельцам

Социальным слоем, задавшим тон перераспределению имущества накануне октябрьских событий, были крестьяне, которые решились на разграбление помещичьих усадеб. По мере укрепления своей власти руководство местных Советов пыталось внести в этот процесс элемент упорядоченности. Так, советской администрацией Салтовской волости Старооскольского уезда была выработана инструкция по распределению вещей, согласно которой мелкий инвентарь имений, скот, телеги и сбрую предполагалось передавать двум категориям граждан: 1) пострадавшим во время войны; 2) лишенным достаточных средств к существованию. Идея справедливого распределения имущества настолько увлекла авторов инструкции, что они решили не обойти стороной и тех, кому не хватает господского добра. Ради них предусматривались дополнительные реквизиции вещей у кулаков⁷⁰.

В ходе интенсивных конфискаций социальным слоем, имеющим наиболее высокий шанс завладеть лучшими из изъятых вещей, были советские управленцы. На первых порах дух корпоративности вкупе с идеологическим прессом препятствовал тому, чтобы изъятие личных вещей обрело примитивную форму обогащения одного класса за счет другого. Пример личного бескорыстия подавали и некоторые лидеры большевиков общероссийского масштаба⁷¹. Вместе с тем

существовало и немало фактов злоупотребления служебным положением.

По мнению Пителима Сорокина, бюрократия получала большую часть имущества, распределяемого среди граждан. «Имущественное равенство? О, мы его наблюдаем за все эти годы. Оно осуществлялось в «коммунизациях», «реквизициях» и «конфискациях» вплоть до последней пары ложек и белья. Но в пользу кого и кем? Агентами власти и ее клиентами в пользу себя самих»⁷².

Современный исследователь В.В. Канищев расценивает желание государственных служащих пользоваться привилегиями как способ бытового приспособления. В статье «Приспособление ради выживания..» автор приводит факты получения представителями власти удостоверений о неприкосновенности их имущества, продажи вещей «своим людям» по льготной цене и т.п.⁷³

Учитывая, что привлеченный нами документальный материал раскрывает лишь фрагменты исторической картины прошлого, на данном этапе исследования не представляется возможным определить соотношение между актами передачи имущества лицам, действительно в нем нуждающимся, и случаями его присвоения советскими работниками.

Изученные нами документы содержат примеры, когда должностные лица получали имущество через ведомства. В октябре 1918 г. членам Новооскольского уездного исполкома Черкашину и Мушенко было выдано под расписку два самовара⁷⁴.

Иные случаи «бытового приспособления» не соответствуют и без того размытому в те годы понятию законности. Кстати, явные злоупотребления должностного лица документировались лишь тогда, когда становились объектом внимания контролирующих организаций.

В ноябре 1918 г. один уездный исполком запросил продовольственный комитет, на каком основании граждане в десять часов вечера выносили оттуда подошвы и галоши⁷⁵. В марте 1920 г. Новооскольскому отделу государственного контроля стало известно о нахождении у партийных товарищей Г. и З. – членов комиссии по конфискации брошенного имущества – части изъятых ими вещей. При производстве обыска в квартире Г. выяснилось, что он, будучи заведующим складом, присвоил себе фарфоровую вазу, кожаный портсигар и некоторые другие предметы⁷⁶.

15 апреля 1918 г. Кубанский областной ЦИК обсуждал вопрос «об анархии во всех областях». Назначенный исполняющим обязанности коменданта Пурков докладывал, как он, узнав о хищении золотых и серебряных вещей во дворце, поехал в штаб требовать объяснений. По словам докладчика, увиденная им в штабе компания советских работников «шумно проводила время за шампанским». Из речей, «которые были произнесены подгулявшими политическими деятелями», Пурков, по его словам, понял, что во главе областного и городского исполкомов находятся контрреволюционеры⁷⁷.

Пителим Сорокин, делая вывод о присвоении советскими работниками большей части конфискованного имущества, признавал: «Конечно, это не мешало бросать обглоданную кость и крохи якобы в пользу общества и бедноты, но только крохи, да и то жалкие»⁷⁸. Распределение личных вещей среди нуждающихся мало чем отличалось от аналогичных действий в отношении других видов имущества. 25 ноября 1918 г. Курская губернская парторганизация постановила: «Предложить Исполкому сделать распоряжение в Совнархоз и Чрезвычайку, чтобы все поношенные одежды и белье отдали в Отдел Социального Обеспечения для распределения среди беднейшего населения»⁷⁹.

Граждане имели возможность оповестить административный аппарат о своих материальных потребностях путем подачи прошения. В качестве доказательства истинности сведений, которые содержались в заявлениях, просители иногда представляли выдаваемые местными исполкомами удостоверения – визитные карточки эпохи. 29 июля 1919 г. трайворонскому красноармейцу В.П. Ковальчуку был выдан документ, удостоверяющий, что предьявитель сего «крайне нуждается в обуви, т.к. имеющиеся у него ботинки пришли в ветхость»⁸⁰. В июне 1918 г. екатеринодарская Квартирная комиссия обследовала жилье Н.Г. Лотаревой, «действительно [ли] у нее нету никакой мебели только корзина [и] швейная машина». В итоге хозяйке был выдан стол и две табуретки⁸¹.

Месяцем ранее в той же Кубанско-Черноморской Республике Финансово-хозяйственной комиссией были рассмотрены заявления: от Окроева о выдаче кровати с матрацем и от Сушковой, просившей диван и два кресла. Первую просьбу решено было удовлетворить, вторая же осталась отклоненной, поскольку заявительница посягнула на обладание барской мебелью, неподобающее гражданину большевистского государства⁸².

Безвозмездная выдача гражданам необходимых предметов домашнего обихода казалась удивительным альтруистическим актом. Вот как изображал это поэт А. Безыменский в 1923 г.

И в Це Ка получил, как чудо,
Ордер
"На головной убор".
Ордер этот
В охапку.
В распределитель путь.
Получил я там - летом! -
Шапку
Котиковую,
Не какую-нибудь.....

Заканчивалось стихотворение так:

Пусть катается кто-то на форде,
Проживает в десятках квартир.....
Будет день:
Мы предъявим
Ордер
Не на шапку -
На мир⁸³.

Учтем, однако, что отдельные благотворительные мероприятия проводились на фоне нескончаемой чреды реквизиций и конфискации. Более того, раздача имущества беднейшему населению не в последнюю очередь преследовала политическую выгоду. Люди, живущие за чертой бедности, являлись по существу маргиналами, и малейшая помощь со стороны власти делала их надежными союзниками большевиков.

Думая только о выживании, маргиналы не в состоянии были осознать, что те, кто бесплатно раздавал им имущество, одновременно накладывали запрет на реализацию целого комплекса собственных прав. Владелец вещей, полученных после подачи "свидетельства о бедности" или даже путем приобретения их в советской лавке, не имел права продавать, обменивать, перемещать свое имущество. Получалось, что, если обыватель начинал испытывать потребность в другом предмете взамен выданного ему ранее или в деньгах, он не мог рассчитывать на свое имущество как форму сохранения капитала.

Возвращение изъятого имущества

На первый взгляд логически правилен вывод о том, что возврату подлежало прежде всего то имущество, которое было отобрано на оп-

ределенный срок - вспомним акцию изъятия драгоценностей в Курьской губернии накануне предполагаемого вступления немецких войск. К концу февраля 1918 г., когда угроза оккупации миновала, уездными исполкомами были изданы постановления о возврате временно изъятых вещей всем, кроме помещиков⁸⁴. Стремление всячески сокращать удельный вес частновладельческого имущества было изначально присуще власти большевиков. Правда, временно изъятое имущество трудовых слоев населения не могло быть присвоено местными Советами, поскольку к февралю-марту 1918 г. центральная власть не успела еще выпустить законы о конфискации ценностей у частных лиц.

В дальнейшем возможность частного лица добиться отобранных навсегда предметов в целом сохранялась. Линия водораздела между потенциально враждебными и дружественными большевикам слоями общества не была четкой, равно как и правовые нормы, и по этой причине даже случайное стечение обстоятельств могло способствовать пересмотру того или иного дела. Толчком служило письменное обращение пострадавшей стороны. При обсуждении жалобы на заседании исполкома возникали ситуации, когда большинство советских работников становилось на сторону просителя, видя в нем несправедливо обиженного человека.

Если у какого-нибудь лица оказывались конфискованными самые разнородные вещи, то часть их могла быть возвращена как не представляющая ценности, особенно если среди отобранного находились предметы первой необходимости.

25 июля 1919 г. Грайворонский революционный комитет постановил: "Возвратить Аристидову материалу на один костюм с прикладом [прокладкой, пуговицами и т.п.] и бельевую мануфактуру, остальной [товар] считать конфискованным"⁸⁵. "В виду личной просьбы гражд[данки] А.А. Русаковой о возвращении ей детского белья пяти рубашечек и 2 блузок детских комиссия постановила таковые вещи возвратить"⁸⁶. Так, сжалившись, решили служащие Старооскольского уездного Исполкома (март 1920 г.).

Наблюдая за действиями властей, наиболее сообразительные граждане сделали вывод, что лучший способ добиться возврата отобранного - с помощью риторических приемов доказать его крайнюю необходимость для личного хозяйства. Служащие исполкомов побаивались жалоб, и потому нередко были случаи, когда конфискованные предметы домашнего хозяйства возвращались полностью. И тем не

менее даже следовавшие за актами изъятия акты стопроцентного возвращения личного имущества не оборачивались арифметической операцией с нулевым результатом: для склоняющейся к тоталитаризму власти небезразличным было само по себе обращение к ней за поддержкой и помощью.

ИЗЪЯТИЕ ЛИЧНЫХ ВЕЩЕЙ: ВЗГЛЯД СНИЗУ

Государственный деятель первых послеоктябрьских лет В.П. Милютин, характеризуя диктатуру пролетариата, отмечал: «Естественно, что она больно ударила по буржуазной обывательщине»⁸⁷. Представители местных Советов относились к конфискации личного имущества как к рутинной работе, не видя в ней ничего экстраординарного. Показательны однотипные формулировки в документах, составленных в начале 1918 г. новооскольским служащим: «Отобрано... [перечень вещей] отобраны у... [фамилия лица, у которого производился обыск] отобрал член Совета [фамилия]»⁸⁸.

Для пострадавших периодические конфискации предметов домашнего обихода оборачивались личной трагедией, не меньшей, чем при утрате жизненно необходимых продуктов питания. Специфика личного имущества заключается не только в материальной его сущности, но также в духовной ауре составляющих его предметов.

Еще в 1882 г., предвидя негативные последствия реализации на практике социалистических учений, русский философ Б.Н. Чичерин утверждал, что когда революционные изменения начинают затрагивать отношения собственности, человек «не может уже быть уверенным ни в чем... он чувствует, что посягают на весь его личный мир, на его свободу, на его деятельность, на его семью, на его все, что ему дорого, на его прошедшее и будущее»⁸⁹. Современный исследователь В.А. Шкуратов в содержании понятия «человек» включает не только духовный опыт, но и потенциальную совокупность предметно-социальных связей⁹⁰.

Материальная ценность личных вещей тесно связана с тем духовным смыслом, который в них вкладывается. Даже значение драгоценностей не сводилось только к тому, что они служили гарантом семейного благополучия. Изделия из золота и серебра выполняли параллельно еще две функции. Первая сводилась к поддержанию связи между поколениями. Не случайно некоторые заявители просили вернуть им вещи «как память... родителей»⁹¹. Вторая функция некоторых изделий из драгоценных металлов заключалась в традиции использо-

вания их в домашнем обиходе. Так, новооскольские помещики Алферовы, лишившись множества золотых и серебряных вещей, просили о возврате дамских часов и мельхиоровых подсвечников как крайне необходимых предметов⁹².

О значимости вещей для их владельцев свидетельствует лингвистический анализ обозначений этих вещей. Перечни изъятого имущества встречаются в документах противоположного типа: протоколах обысков и прошениях. Атрибутика, сопровождающая названия предметов, поистине многопланова. Это цвет вещи: *шелковый материал серо-зеленого цвета 8 аршин, 4 аршина клетчатой ткани (белая с черными полосками)*, *дамские желтые ботинки*; материал: *двое кожаных брюк, миска белая глиняная*; страна-изготовитель: *батист русский, полотно голландское, фарфоровые китайские чашечки, швейцарские паровые утюги*; состояние вещи: *кофточки женские верхние поношенные, бязи кремовой 3, 5 аршина и клочок вьрван, зонт старый, 2 мужских велосипеда не справные*; уточнение деталей предмета: *..наволочек новых с прошвами, ножей и вилок новых с костяными ручками*; принадлежность: *мамина кофта*.

Кажущаяся избыточность характеристик имущества обуславливалась не одним лишь стремлением точно определить признак, по которому предмет мог быть опознан, но не в последнюю очередь и чувством любви к вещам. Даже лица, производящие обыск, зачастую проявляли уважительное отношение к изымаемому имуществу. Любопытно, «избыточные» признаки вещей могли указываться как заявителем, так и советским работником. Описания личных вещей, изъятых у жителя г. Нового Оскола А.Л. Смоленского, в прошении и протоколе обыска (соответственно 13 и 24 наименования) совпали при обозначении лишь трех предметов.

В целом восприятие пострадавшей стороной конфискации личных вещей не было эквивалентно подлинному драматизму этого факта. Современный исследователь В.И. Бакулин считает, что эскалации насилия сверху способствовала «вялость социального пространства»⁹³. Наиболее организованные формы сопротивления порождало изъятие продовольствия. Конфискация же предметов домашнего обихода сама по себе не ставила человека на грань выживания, и потому внутренний, латентный протест против вмешательства власти в личную жизнь прорывался подчас в неуклюжих и бесполезных формах, таких, как «чтение морали» уполномоченным лицам. 18 мая 1920 г. уже упоминавшийся предводитель корочанского отряда по борьбе с дезертир-

ством А.В. Мазикин жаловался Рабоче-крестьянской инспекции: "Где мочи его Акиньшин говорил открыто в присутствии публики на нас *Вы грабители и разбойники*"⁹⁴.

После расставания с вещами прагматический интерес – добиться возврата отобранного – побеждал неконтролируемые эмоции, и граждане начинали вести доказательство несправедливости конфискаций, отталкиваясь от норм советского права. А.А. Шевцова указывала власть предержавшим: "...По декрету конфискации подлежат вещи весом более 16 золотников, а в моих вещах во всех не будет и 10 золотников"⁹⁵. Тем не менее советская правовая система как критерий законности и, следовательно, справедливости актов изъятия предметов домашней обстановки, не могла удовлетворять пострадавших. Граждане пробовали доказывать властям, что законы, санкционирующие в той или иной форме передел собственности, абсурдны, а значит, нет необходимости им следовать.

Судя по собранным данным, наибольший протест вызывала конфискация имущества как наказание за дезертирство.

Житель села Прохладного Корочанского уезда М.В. Малышев пытался доказать, что сын Василий "вправе непослушно от моего желания идти на службу по призыву и что у него никакого имущества лично нет, а все забранное принадлежит мне"⁹⁶. В заявлении В.П. Ушакова (с. Авдеевка) говорится: "Сын мой Василий еще раньше, с достижением совершеннолетия, вышел из подчинения и повинования мне как отцу и жизнь вел самостоятельно, на этой почве у нас были неоднократно ссоры, но урезонить его не удавалось"⁹⁷. Иной раз родители и вовсе не знали, где находятся их сыновья и против кого вожют.

Рискнем предположить, что в массовом сознании переход из одной армии в другую во время гражданской войны отнюдь не считался предосудительным и измену Родине не означал.

Ответы советских работников на заявления родителей солдат, бежавших из Красной Армии, не содержали даже ссылки на законность конфискации имущества – юридически обосновать такую меру казалось непросто. Тем сильнее представители власти демонстрировали свое понимание моральных норм: "Указать, что сын его был злым дезертиром"; "сын.. при белях был стражником, издевался, грабил и даже расстреливал нашего брата"; "сам жалобщик заурядный кулак.., старый эксплуататор бедняков, не дурное думал с сынком вернуть свою землицку"⁹⁸.

Государственный архив Тверской области содержит дела с документами, отражающими восприятие гражданами акции по сбору теплых вещей (зима 1918-1919 гг.). Пострадавшие от конфискации предметов одежды и постельных принадлежностей пытались оспорить установленный критерий зажиточности. Они указывали, что в качестве такового не может выступать сдача жилья в наем, ставшая убыточной, равно как и потолок заработной платы, не соотносимой законодателем с количеством нетрудоспособных членов семьи⁹⁹.

Указывая на проблемы личного характера, отдельные граждане начинали прошения верноподданныческими пассажами, не забывая упомянуть о своей верности советской власти, службе кого-либо из членов семьи в Красной Армии. Здесь проявляется и привычный русскому человеку разговор по душам с незнакомым адресатом, и покорность в обмен на удовлетворение просьбы. Если и в этом случае заявитель не надеялся разжалобить власть, ему ничего не оставалось, кроме как апеллировать к справедливости в общечеловеческом ее понимании.

"..Отобрание от меня и моих детей моих вещей.. является актом крайней несправедливости", – подытоживала свое прошение Л.В. Золотарева, переехавшая в Курскую губернию из Киева под угрозой немецкой оккупации и сразу лишившаяся здесь нажитого добра¹⁰⁰.

В предыдущих главах уже отмечалась забота хозяев о дальнейшей судьбе изъятых вещей. Горечь, связанную с несправедливым отчуждением вещей, граждане пытались преодолеть надеждой на то, что эти вещи продолжают выполнять полезную для общества функцию. Однако узнаваемые ими факты разрушали подобные надежды. Своими сомнениями на этот счет делится А.А. Шевцова: "Если бы эти вещи поступили в народное достояние, то мне так бы и сказали, но мне кажется, что мои вещи окажутся на руках у частных лиц, или будут проданы без всякой пользы для казны"¹⁰¹.

Если в прошениях изначально теплилась надежда на возвращение домашних предметов и тем самым конфискация квалифицировалась как временное зло, то в письмах частных лиц доминировала подчас полная безысходность. Жительница Шебекинской волости Белгородского уезда сетовала: "Здесь крестьяне и рабочие имеют все одно настроение и у них у всех одна мысль они открыто говорят, что советская власть нас лишила жизни, что она от нас отнимает последнее"¹⁰².

Все же полная безысходность несвойственна человеческой природе, и потому восприятие происходящего не обходилось без элемента

иронии. Так, изъятие имущества, производившееся, согласно пропаганде, во имя важных государственных целей, сопоставлялось с грабежами, которые также стали частью явления.

Яблочко –	Бессознательный ты, право,
Теперь свободное:	Рассуди, подумай здраво:
Мы чужого не берем,	Все твое теперь мое,
Все – народное!	Что мое, то не твое! ¹⁰³

- В городе сбор теплых вещей уже начался...
- Разве не завтра еще?
- Куда там:.. С меня уже третьего дня на улице ночью шубу сняли¹⁰⁴.

Несмотря на активную борьбу большевиков с “мелкобуржуазными предрассудками”, чувство собственника на первых порах поколеблено не было. Напротив, обращаясь в органы власти с просьбой вернуть вещи, описывая степень их необходимости для хозяйства, граждане начинали лучше осознавать значимость имущества для поддержания стабильности собственного духовного мира.

Процесс изъятия личного имущества мог бы потерпеть неудачу, если бы в ходе него часть лжмпиенов не оказалась бы в роли победителей, которые поначалу самостоятельно, а потом с помощью власти пытались улучшить свое материальное положение. Именно потребительская психология привела к невиданному росту преступности, который доставил немало хлопот “силовым ведомствам”. В 1919 г. председатель Всеукраинской ЧК М.И. Ладис в письме к В.И. Ленину отмечал: “..Наш русский человек рассуждает: я разве не заслужил тех брюк и ботинок, которые до сих пор носил буржуа. Ведь это моим трудом добыто. Значит я беру свое и греха тут нет”¹⁰⁵. Воровство, однако, противоречило нравственным устоям подавляющего большинства населения. Вместе с тем в послеоктябрьские годы получил развитие другой не менее скверный порок – доноительство, произрастающее из зависти к тем, кто произрастающее из зависти к тем, кто обладал пусть небольшими, но большими богатствами.

Бесплатная выдача государственными структурами необходимых предметов порождала иждивенческое мировосприятие. Умение доказывать свою бедность стало теперь более доходным качеством, чем умение усердно трудиться. Обратимся к следующему коллективному прошению, поданному в конце 1917 г. в Петроградский ВРК за подписью солдата С. Карасева: “Мы, солдаты, оставшиеся от полка остатки выносим вам свое доверие и вместе с тем просим Военно-революционный комитет нам помочь в наших бессилиях”¹⁰⁶.

С аналогичной ситуацией 2 февраля 1918 г. столкнулись служащие Екатеринодарского губисполкома: “Мы нижеподписавшиеся солдаты прибывшие с фронтовых частей войск как уволенные вовсе от службы так и на кратковременный отпуск в очень жалком истрепанном виде как то рваных шинелях и пиджаках т.е. полураздетые [просим выдать нам сапоги]”¹⁰⁷.

Другим следствием иждивенчества стало пренебрежительное отношение к имуществу, которое перешло к трудящимся от отживших свой век классов. Группа социологов, изучая в конце 1920-х гг. рабочий быт, обнаруживала в квартирах некоторых семейств закоптелые зеркала и картины¹⁰⁸.

Работники партийных и государственных учреждений, доказывая необходимость в тех или иных вещах, на первый план выдвигали свою усердную работу на благо Родине. Корочанский коммунист О. мотивировал просьбу о выдаче ему мануфактуры тем, что “все ответственные работники уездкома.. получали на целые костюмы и доехавши до Курска и обратно и тогда получают а я не отнекивался а поехал и доказал что поехал не на словах а на деле как честный революционер и партийный работник”. Этот же коммунист приводил далее и другой довод – ущерб его хозяйству, нанесенный белогвардейцами¹⁰⁹, но это уже значилось на втором плане, так как от граждан, оказавшихся в подобной ситуации, поступало большое количество заявлений и не каждое из них удовлетворялось. В своей просьбе служащий О. опирался на прецеденты, и это было коренным недостатком самой природы распределительной системы, ибо обеспечить всех граждан материальными благами пропорционально заслугам попросту невозможно.

ВЫВОДЫ

В период с ноября 1917 по март 1918 гг. практика изъятия личного имущества вышла за рамки мер, применяемых исключительно в результате судопроизводства.

Мы помним, что результатом отчуждения недвижимости во имя реализации глобальных социальных и государственных проектов стала не одна только аккумуляция важных хозяйственных объектов в руках государства – одновременно накапливался колоссальный опыт как в деле выбора обоснования конфискационного мероприятия, так и в технике его исполнения. Этот опыт был перенесен и на изъятие лич-

ных вещей. Апробация его прошла на помещиках, духовенстве, крупных торговцах и интеллигенции, а затем опасаться за судьбу своих вещей пришлось буквально каждому, кто хоть что-то имел.

Что же заставляло административных служащих обращать внимание на судьбу предметов домашнего обихода, даже таких, которые не имели особой ценности? Ричард Пайпс характеризует личное имущество как источник политической независимости граждан¹¹⁰. Действительно, будучи оторваны от дорогих им вещей даже на короткий срок, граждане взирали на представителей власти с надеждой, прося у них помощи и защиты. Население призвано было сопереживать каждой проблеме, с которой приходилось сталкиваться властям, будь то наступление на фронтах гражданской войны, организация нового государственного учреждения, похолодание, а значит недостаток у солдат теплых вещей. Ощущая на себе эти проблемы в форме очередного витка конфискационных мер, обыватель активнее интегрировался в политический процесс.

*Весь драматизм народной трагедии заключался в том, что в ходе конфискации имущества отчуждался и вложенный в предметы домашнего обихода духовный потенциал, разрывалась материализованная в вещах связь между поколениями. Без имущества человек утрачивал свойства индивида, личности, все больше подчиняясь диктату государственной власти. Правда, удовлетворять свои немногочисленные житейские потребности допускалось за счет так называемой личной собственности. Теоретики указывали на ее производный характер от собственности социалистической, предполагая абсолютный контроль государства над источником пополнения личного имущества. Как отмечает В.С. Нерсисянц, это была не собственность даже, а "особый (внеэкономический и внеправовой феномен) – тот или иной властно устанавливаемый ограниченный набор продуктов и предметов индивидуального потребления"*¹¹¹.

Несмотря на многочисленные и методично проводимые акты конфискации имущества, политика уравнивания всех граждан по наперед заданному критерию в 1921 году закончилась неудачей. Возможность государственных структур изымать любую вещь без объяснения причин так и не вошла в массовую практику – история не отпустила на это достаточно времени. Согласно декрету, принятому 17 октября 1921 г., реквизиции допускались теперь только в виде исключения, по постановлению Совета труда и обороны. Правда, принцип неприкосновенности частной собственности провозглашен не был¹¹².

В ходе нэпа дореволюционный порядок вещей восстанавливался в весьма урезанном виде. Тем не менее советские должностные лица и правovedы удивлялись, каким образом лавина реквизиций и конфискации могла обойти стороной значительные запасы частновладельческого имущества. Оказывалось, что государство, взваливая свои заботы на плечи населения, не смогло до конца преодолеть чувство собственника. Личные вещи, равно как и продовольственные запасы, прятались в многочисленных тайниках. "Прятала в тайники в 1917–1918 годах и бежавшая буржуазия, прятали и позже оставшиеся здесь, замуровывая драгоценности, товары и целые магазины. В Свердловске бандит Ткач умудрился пять лет держать в тайнике коня и имущество. В Верном (Алма-Ате) в 1920 г. в стене дома [был] обнаружен целый частный магазин вин, консервов и пр."¹¹³

Известный тверской купец А. Герцев и его супруга Лидия Александровна, ожидая обыска, поделили золото на два свертка и закопали в саду в разных местах, договорившись, что откоплет уполномоченным только один тайник. Но смятение при обыске было столь велико, что супруги, допрашиваемые по отдельности, рассекретили оба места, потеряв в итоге все накопленное состояние. Травма оказалась слишком сильной.¹¹⁴

За короткое время, с конца 1917 по начало 1921 гг., взгляд большевиков на личное имущество не смог передаться массам. Однако долгие десятилетия советской власти безусловно наложили отпечаток на отношение граждан к их вещному миру. Одно из проявлений этого отпечатка – пришедшаяся на 1960-е гг. борьба против мещанства в обстановке квартир. Украшать жилые помещения вышивками, безделушками, сохранять старинную мебель, посуду, покупать антиквариат считалось дурным тоном. Вплоть до конца 1980-х гг. в моду вошло однообразие, подавляющее индивидуальность семейного быта. В настоящее время такое явление, к счастью, преодолевается. Значимость личных вещей осознается всеми. Как утверждает М.Е. Петросян, "чем выше уровень социокультурного развития того или иного сообщества, тем больше член такого сообщества осознает себя как индивидуальность, тем сильнее его потребность в приватности"¹¹⁵.

Примечания (глава 7)

¹ Обухов Л.А. Изнанка сверхценностных установок: моральный облик большевиков в годы гражданской войны // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997. – С.166.

- ² Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 1997. – С.232.
- ³ Кистенев С.Т. Финансовая политика советской власти в период военного коммунизма // Вестник финансов. – 1927. - №11. – С.32.
- ⁴ ГАБО, ф.Р-400, оп.1, д.2, л.124.
- ⁵ ГАБО, ф.Р-520, оп.1, д.11, л.8-9 об.
- ⁶ Там же, ф.Р-400, оп.1, д.17, л.2.
- ⁷ Курский Д.И. Об основных имущественных правах // Д.И. Курский. Избранные речи и статьи. – М.: Изд-во МЮ СССР, 1948. – С.90-91.
- ⁸ Там же. – С. 91; О реквизициях и конфискации. Извлечение из декрета СНК от 2 января 1921 г. // Денежное обращение и кредитная система Союза ССР за 20 лет. Сборник важнейших законодательных материалов за 1917-1937 гг. – М., 1939. – С.28-31.
- ⁹ Вейс Я. Большевики у власти. Правдивый перечень очевидцем того, что сделано большевиками-правителями в России за год существования советской власти. – Гаага, 1919. – С.39.
- ¹⁰ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.25, л.18.
- ¹¹ Там же, л.30.
- ¹² Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 1917-1920 г. – М.: ИРИ РАН, 1998. – С.16, 20.
- ¹³ ГАБО, ф.Р-428, оп.1, д.3, л.7-7 об.
- ¹⁴ ГАБО, ф.Р-400, оп.1, д.2, л.124.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ ГАКО, ф.Р-325, оп.1, д.1872, л.19.
- ¹⁷ Там же, ф.Р-528, оп.1, д.50, л.55.
- ¹⁸ ГАКО, ф.Р-325, оп.1, д.1872, л.19.
- ¹⁹ ГАКК, ф.Р-975, оп.1, д.9, л.3 об.
- ²⁰ ГАБО, ф.Р-520, оп.1, д.12, л.124-124 об.
- ²¹ Там же, ф.Р-400, оп.1, д.2, л.4.
- ²² Там же, ф.Р-520, оп.1, д.5, л.10-12.
- ²³ Там же, ф.Р-428, оп.1, д.1, л.34.
- ²⁴ Там же, л.90.
- ²⁵ ГАКО, ф.Р-325, оп.1, д.1872, л.18.
- ²⁶ Там же, оп.2, д.1, л.58.
- ²⁷ ГАБО, ф. Р-522, оп.1, д.9, л.10.
- ²⁸ АФО, ф.65, оп.1, д.109, л.9 об.
- ²⁹ ГАКК, ф.Р-1359, оп.1, д.31, л.274.
- ³⁰ Там же, л.272.
- ³¹ ГАБО, ф. Р-522, оп.1, д.9, л.16.
- ³² Там же, ф.Р-197, оп.1, д.23, л.13.
- ³³ Там же, ф.Р-520, оп.1, д.12, л.17.
- ³⁴ Там же, л.54 об.; 114-114 об.
- ³⁵ Там же, л.56 об.
- ³⁶ Там же, ф.Р-520, оп.1, д.12, л.120-121.
- ³⁷ Там же, ф.Р-197, оп.1, д.23, л.16 об.
- ³⁸ Там же, ф.Р-400, оп.1, д.3, л.6.
- ³⁹ Там же, ф.Р-528, оп.1, д.9, л.76.
- ⁴⁰ Там же, л.68-68 об. Август 1918 г. Кстати, исследователь К. Wittfugel отмечает, что в восточном обществе политические мотивы изъятия имущества являлись доминирующими. Wittfugel, Karl. The Oriental Despotism. – N.Y., 1963. – P.73.
- ⁴¹ Там же, л.61.
- ⁴² Там же, ф.Р-380, оп.1, д.7, л.19.
- ⁴³ ГАБО, ф.Р-1111, оп.1, д.12, л.30.

- ⁴⁴ Генкин Д.М., Новицкий И.Б., Рабинович Н.В. История советского государства и права. – М.: Юрид. лит., 1949. – С.176.
- ⁴⁵ ГАБО, ф.Р-400, оп.1, д.17, л.9.
- ⁴⁶ Там же, л.16.
- ⁴⁷ Декреты Советской власти. Т.1. 25 окт. 1917 – 16 марта 1918 гг. – М., 1957. – С.65-66.
- ⁴⁸ Цит. по: Курский край в истории Отечества / Под ред. Л.С. Полнера. – Курск: Изд-во КГТУ, 1996. – С.197.
- ⁴⁹ Андреев В.М. Беспартийные конференции крестьян: замысел и реальность (1919-1920 гг.) // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. – М.: МП “НВ Магистр”, 1993. – С.91.
- ⁵⁰ Известия Белгородского уездного Исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и уездного комитета РКП (больш.). – Белгород, 1920, 11 ноября.
- ⁵¹ ГАКК, ф.Р-975, оп.1, д.2, л.101; ГАН, ф.Р-5, оп.1, д.10, л.9.
- ⁵² ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.9, л.81, 92, 97-103, 108-109.
- ⁵³ Шестаков А.В. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма. – Воронеж, 1930. – С.23.
- ⁵⁴ ГАЯО, ф. Р-1431, оп.1, д.25, л.8 об.
- ⁵⁵ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.129, л.11.
- ⁵⁶ Известия Белгородского уездного Исполнительного комитета... Белгород, 1920, 13 окт. – С.2.
- ⁵⁷ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.9, л.107. Соседний документ (л. 104), подтверждает, что Арсеньев являлся частным лицом, а употребленное понятие “конфискация” свидетельствует о факте принудительного изъятия частновладельческого имущества.
- ⁵⁸ Там же, д.78, л.7. В конце протокола значилась подпись Шапошникова: “При обыске ничего не пропало”.
- ⁵⁹ Там же, д.9, л.70.
- ⁶⁰ Там же, ф.Р-528, оп.1, д.9, л.78.
- ⁶¹ Цит. по: Рогалина Н.Л., Телицын В.Л. Заботы и мысли интеллигентной женщины в дни революции (“Дневник матери-хозяйки”) // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997. – С. 93.
- ⁶² Екатеринодар-Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к летописи. – Краснодар: Кн. изд-во, 1993. – С. 459.
- ⁶³ ГАБО, ф.Р-380, оп.1, д.7, л.37.
- ⁶⁴ Там же, ф.Р-428, оп.1, д.3, л.2, 7.
- ⁶⁵ Там же, ф.Р-528, оп.1, д.50, л.92; д.25, л.98.
- ⁶⁶ Там же, д.50, л.114-115 об.
- ⁶⁷ См. напр.: Там же, д.9, л.31.
- ⁶⁸ ГАКО, ф.Р-325, оп.1, д.1872, л.19.
- ⁶⁹ ГАБО, ф.Р-430, оп.2, д.6, л.430.
- ⁷⁰ Говорков А.А. К вопросу о судьбе бывших помещиков после аграрной революции 1917-1918 гг. (по материалам Курской губ.) // Из истории революций в России (первая четверть XX в.): Материалы Всероссийского симпозиума. Вып.1. – Томск, 1996. – С. 83-84.
- ⁷¹ Гимпельсон Е.Г. Указ. соч.
- ⁷² Сорокин П.А. Современное состояние России. – Прага, 1922. – С. 20.
- ⁷³ Канищев В.В. Приспособление ради выживания (мещанское бытие эпохи “военного коммунизма”) // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997. – С. 105, 101-102.
- ⁷⁴ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.50, л.92.
- ⁷⁵ Там же, л.186.
- ⁷⁶ БОЦДНИ, ф.1888, оп.1, д.2, л.58 об.; д.4, л.1 об.
- ⁷⁷ ГАКК, ф.Р-975, оп.1, д.2, л.25.

- ⁷⁸ Сорокин П.А. Указ. соч. – С.20.
- ⁷⁹ АФОО, ф.65, оп.1, д.11, л.44.
- ⁸⁰ ГАБО, ф.Р-381, оп.1, д.6, л.55.
- ⁸¹ ГАКК, ф.Р-975, оп.1, д.9, л.4-4 об.
- ⁸² Там же, ф.1359, оп.1, д.31, л.238 об.
- ⁸³ Стихи и поэмы. 1917-1947. – М.: Правда, 1947.– С.88.
- ⁸⁴ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.25, л.5.
- ⁸⁵ Там же, ф.Р-381, оп.1, д.2, л.48 об.
- ⁸⁶ Там же, ф.Р-522, оп.1, д.9, л.38 об.
- ⁸⁷ Милютин В.П. Современное экономическое развитие России и диктатура пролетариата (1914-1918 гг.). – М., 1918. – С. 47.
- ⁸⁸ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.9, л.94-96 и далее.
- ⁸⁹ Чичерин Б.Н. Собственность и государство // Русская философия собственности (XVII-XХ вв.). – СПб.: Ганза, 1993. – С. 115.
- ⁹⁰ Шкуратов В.А. Историческая психология. – М.: Смысл, 1997. – С. 37.
- ⁹¹ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.9, л.78 об.
- ⁹² Там же, л.44.
- ⁹³ Бакулин В.И. Насилие как компонент государственной политики: большевизм в Прикамье (конец 1917 – середина 1919 г.) // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997. – С. 171.
- ⁹⁴ ГАБО, ф.Р-520, оп.1, д.12, л.124 об.
- ⁹⁵ Там же, ф.Р-528, оп.1, д.9, л.47.
- ⁹⁶ Там же, ф.Р-520, оп.1, д.12, л.17 об.
- ⁹⁷ Там же, л.114 об.-115.
- ⁹⁸ Там же, л.18, 117-117 об.
- ⁹⁹ ГАГО, ф.Р-291, оп.1, д.14, тома 1 и 2.
- ¹⁰⁰ ГАБО, ф.Р-528, оп.1, д.9, л.45 об.
- ¹⁰¹ Там же, л.78 об.
- ¹⁰² ГАКО, ф.Р-325, оп.2, д.1, л.2. Меморандум Курской Губернской ЧК. 25 апреля 1920 г.
- ¹⁰³ Цит. по: Верещагин А.С., Егоров А.В. Отражение в народной поэзии реалий революции и гражданской войны (1917 – начало 1920-х гг.) // Революция и человек: Социально-психологический аспект. – М., 1996. – С. 194.
- ¹⁰⁴ Яичница всмятку, или Несерьезно о серьезном: Над кем и над чем смеялись в России в 1917 году. – М., 1992. – С. 239.
- ¹⁰⁵ ВЧК-ГПУ. Документы и материалы / Ред. - сост. Ю.Г. Фельштинский. – М. Изд-во гуманитарной литературы, 1995. – С. 19.
- ¹⁰⁶ Петроградский военно-революционный комитет... – С. 371.
- ¹⁰⁷ ГАКК, ф.Р-1359, оп.1, д.31, л.269.
- ¹⁰⁸ Кабо Е.О. Очерки рабочего быта. – М., 1928. – С.51.
- ¹⁰⁹ БОЦДНИ, ф.986, оп.1, д.5, л.95-95 об.
- ¹¹⁰ Пайпс Р. Русская революция. Ч.2. – М.: РОССПЭН, 1994. – С. 354.
- ¹¹¹ Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. – М.: Юрист, 1996. – С. 68.
- ¹¹² Курский Д.И. Указ. соч. – С. 91.
- ¹¹³ Кондурушкин И.С. Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления по судебным и ревизионным делам 1918-1926 гг. – М.-Л., 1927. – С.12.
- ¹¹⁴ По рассказам Н.В. Герцевой, внучки потерпевших. Личный архив автора.
- ¹¹⁵ Петросян М.Е. Понятие “прайвеси”: социологические и правовые измерения // США. – 1998. – № 10. – С.106.

ГЛАВА 8. КОНФИСКАЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КАК ОСНОВА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ

В большевистской России конца 1917 – начала 1921 гг. изъятие частновладельческого имущества не было следствием объективных условий; этот процесс производился на редкость целеустремленно. Для него было характерно отсутствие четкого плана, продуманных этапов, но такое обстоятельство не означало даже возможности его пробуксовки – ход борьбы с частной собственностью задавался всем пафосом коммунистической идеологии.

Так как процесс изъятия материальных объектов бесформенно растекался по всему пространству имущественных отношений, конфисковывалось гораздо большее число типов предметов и в более различных формах, чем было показано в шести главах настоящей работы. Так, национализация помещичьей земли сопровождалась “обобществлением” инвентаря. Отмена частной собственности на предприятия означала фактический переход в распоряжение государства сырьевых ресурсов; для основной массы крестьян особенно тяжелым было лишение их домашнего скота.

Конфискационная политика большевистского государства отнюдь не ограничивалась сферой имущественных отношений. Русские философы Г.П. Федотов и позднее И.А. Ильин отмечали, что социализм, стремясь к отчуждению у индивида всего его жизненного уклада, показал возможность полного овладения человеческой личностью¹. В 1918–1920 гг. в повседневную практику прочно вошла трудовая повинность. В статье, опубликованной в 1920 г., говорилось: “Для спасения трудовых масс нам необходимо указать каждому труженику, каждому работнику и крестьянину, каждому гражданину его место в рядах труда, его номер в трудовом взводе или роте”².

Процесс деиндивидуализации отразился на языке эпохи. По отношению к человеку стала употребляться лексика изъятия, характерная для обозначения действий с неодушевленными предметами. “Комиссией от уездвоенкома вчера 19 июня предложено изъять и доставить в военком 32 человека из числа рабочих отдела комхоза”³; “Прини-

мая во внимание тяжелое положение продовольственного вопроса, [работников] пришлось бросить в распоряжение Губпродкома"⁴.

Кроме уже сделанных выводов и обобщений по закономерностям изъятия имущества, для воссоздания более полной картины имущественных катаклизмов нам предстоит рассмотреть два главных фактора, под воздействием которых механизм реквизиций и конфискаций оставался активно работающим на протяжении всего рассматриваемого периода. Затем будет показано, как массовые конфискационные мероприятия вели к усилению государственного прессы.

§ 1. ПРИНЦИПЫ СОВЕТСКОГО ПРАВА КАК ЗАЛОГ НЕПРОЧНОСТИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Вектор развития правовой системы советской Республики был задан намного ранее, чем большевики пришли к власти и установили тотальный контроль над обществом. Решающая роль в эволюции после Октября основ законодательства принадлежала народным представлениям о праве. И правовые взгляды, и правовые чувства, включаемые исследователями⁵ в структуру правосознания, накануне социальных потрясений 1917 г. не обнаруживали стремления наших соотечественников признать доминирующим авторитет правового начала. Как отмечал Б.А. Кистяковский, "воплощая несправедливость одной половины.. законов научила его [народ. – К.Х.] ненавидеть и другую; он подчинялся им как силе"⁶. Именно по этой причине справедливый строй, наступление которого ожидалось после победы революции, массы lumpenов связывали не с теми законами, которые могут потенциально обеспечить успех индивидуальной трудовой деятельности, а разве что с появлением санкций на передел крупной собственности либо с отрицанием правовых норм вообще.

Jane Burbank в своей статье замечает, что в первые месяцы пребывания у власти В.И. Ленин опирался на все, порою несовместимые, идеи права, проанализированные им в работе "Государство и революция"⁷.

Правительство большевиков вынуждено было заниматься законотворческой деятельностью. Если смотреть на проблему революционного права с формальной стороны, можно заметить, что декретов издавалось много и увеличение их числа шло быстрыми темпами.

По словам советского историка В.В. Журавлева, среди законодательных актов первых послеоктябрьских лет трудно найти отдельные

крупные узаконения, в которых бы не затрагивался вопрос о собственности⁸.

Целый ряд деяний, прежде считавшихся не выходящими за рамки законности, после прихода большевиков к власти стал квалифицироваться как правонарушения. Вслед за Д.И. Курским приведем некоторые из них:

- 1) необработка земли вопреки постановлениям земельных комитетов,
- 2) продажа и покупка недвижимых имуществ и земли,
- 3) нарушение порядка национализации сахарной промышленности,
- 4) незаявление об излишках хлеба,
- 5) невывоз хлеба на сыпные пункты и использование его для изготовления самогона,
- 6) сбыт, скупка и хранение аннулированных денежных обязательств, а также платины, золота и серебра в сыром виде, слитках или монете,
- 7) непредоставление иностранной валюты в народный банк,
- 8) перепродажа товаров,
- 9) сделки в обход Декрета о дарении,
- 10) утайка наследства⁹.

Из списка правонарушений "нового типа" можно убедиться, насколько правовая база расширила компетенцию органов власти. Однако фактор, обусловивший эскалацию процесса изъятия имущества, выявляется не столько в ходе анализа отдельных узаконений, сколько путем исследования принципов, лежащих в основе советской правовой системы.

Итак, специфика большевистского права заключалась, на наш взгляд, в следующем.

1. Полное отрицание преемственности законодательных актов

Правовые нормы, действующие в дореволюционной России, были однозначно ориентированы на сохранение государственных устоев. Насколько же целесообразным являлось для большевиков разрушение основ стабильно работающего механизма, если новая власть могла им воспользоваться в своих же интересах? Отрицание всех существующих законов было произведено потому, что таким роковым образом большевистская власть пыталась добиться народной поддержки. В сознании масс укрепилось негативное представление об имперской поли-

тике и питающих ее нормативных актах, вследствие чего вынесение действовавшему законодательству смертного приговора казалось большевикам крайне необходимым. Как же при этом не разрушились устои государства и как велась целенаправленная деятельность государственного аппарата в выгодном для большевиков русле?

2. Снижение роли права в регуляции социальных процессов

Отрицание всего предшествующего юридического опыта потребовало заполнения лакун, образовавшихся в сфере государственно-правовых и частноправовых отношений. В 1917 г. в некоторой степени происходило возвращение к порядкам, существовавшим много столетий назад. Приоритетными регуляторами общественной жизни вновь становятся обычное право и мораль.

Вспомним, что мораль человека революции была в значительной мере деформирована кризисными явлениями. Как мы пытались показать в первой главе, влияние негативных процессов предреволюционного периода на массовое сознание было существенным. Индивид – современник общественного кризиса – не вдавался в оценку глубинных причин наблюдаемых им явлений, ему казалось предпочтительнее воспринимать трактовку процессов окружающего мира в готовом виде, в виде стереотипа. Именно этим и пытались воспользоваться большевики. В число первоочередных задач законодателя выдвинулась установка прочных перегородок между статусами социально-близких и социально-чуждых элементов. Обычное право стало фильтруемым и согласуемым с конечной целью¹⁰. Апеллирующей к классовой морали власти не требовалось рациональных доказательств. Заметим, что в декретах, касающихся имущественных отношений, присутствуют длинные пассажи о необходимости и неизбежности национализации. Приводившиеся в декретах ссылки на моральные нормы не могли, по замыслу законодателя, иметь обратной силы, в то время как строительство юридической системы по образцу правового государства создавало бы реквизиторским акциям многочисленные помехи.

Б.А. Кистяковский в 1911 г. выделял а качестве основного признака права его осуществление¹¹. Многие же советские правовые нормы, в особенности демократические, этому признаку не соответствовали.

Вместе с тем отводящая праву вспомогательная роль расширяла возможности государственного аппарата. Имелось немало случаев, когда центральная власть не только не пресекала противоправных дей-

ствий на местах, но даже возводила их в закон (вспомним, как начинался процесс изъятия практически каждого вида имущества). Апофеозом такой практики явилась Конституция РСФСР 1918 г.

Следствием неприятия классического варианта права стала запутанность в решении многих наболевших вопросов. Но все-таки аморфность правового критерия не означала *carte blanche* для местных исполкомов: принципы большевистской идеологии советские служащие должны были соблюдать неукоснительно. В условиях правового вакуума именно идеология служила цементом новой государственности. Заполнение этого вакуума обязательными законоположениями на первых порах не представлялось необходимым. Поскольку обеспечение правовых норм выбивало почву из-под ног тех, кто считался врагом режима, сложившиеся принципы права не были поколеблены даже постановлением VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов о точном соблюдении законов (8 ноября 1918 г.), допускавшим отступать от правовых норм исключительно в связи с экстремальными условиями гражданской войны и борьбой против контрреволюции¹².

3. Фрагментарность права

Данная черта большевистского законодательства прямо вытекает из предыдущей особенности послеоктябрьской юридической системы. Право стало фрагментарным. Так как главные направления деятельности государства задавались идеологией, значение нормативных актов было ограничено регламентацией лишь отдельных аспектов общественных отношений.

Даже применительно к тем сферам хозяйственной, да и любой другой деятельности, которые “покрывались” советскими декретами, установленные юридические нормы носили ориентировочный характер. По словам В.И. Ленина, декреты были всего лишь инструкциями, зовущими к массовому политическому делу. Л.Д. Троцкий называл правотворческую деятельность большевиков “величайшей импровизацией”. Законодательство Советской Республики “не определяло в деталях всех действий, которые надлежало предпринимать тем или иным органам власти или общественным организациям” и, следовательно, предоставляло “самые широкие возможности для революционного творчества рабочего класса и его союзников”¹³. Авторы – современники описываемых событий выводили ненужность подробно регламентированных правовых норм из представления о низком уровне народной грамотности: “Никакие... законы этими миллионами

голов не могут быть удержаны в памяти"¹⁴. Необязательными нормами считались, например: максимальное наказание за правонарушение, предельная стоимость имущества, сосредоточенного в одних руках.

Вместе с тем указанные особенности советского права не касались циркуляров и "обязательных постановлений", которые вышестоящие органы власти спускали подчиненным структурам. Неисполнение предъявляемых требований каралось "по всей строгости революционного времени".

4. Непостоянство и недолговечность декретов

Народные массы и тем более сами большевики считали Октябрь только началом радикальных перемен общественной жизни. Конечные цели, предрекаемые марксизмом: полный отказ от товарно-денежных отношений, уничтожение классов и государства, – для участников и свидетелей революции вовсе не казались утопичными. В такой ситуации пренебрежение действующими правовыми нормами считалось иногда допустимым. Деятели революции полагали, что "по мере обезоруживания пролетариатом своих классовых активных врагов и овладения наукой и техникой" скорость изменения общественных отношений будет возрастать¹⁵. А так как жизненные реалии не всегда укладываются в те или иные рамки, правоведы призывали не ограничиваться имеющимися декретами. Декларирование властью преходящего значения правовых норм позволяло большевикам не нести ответственности за узаконения демократического характера первых месяцев нового режима. Точно так же и местный аппарат получал возможность ориентироваться не на имеющиеся декреты, а на те, которые, предположительно, будут издаваться в дальнейшем – более строгие и беспощадные в отношении классовых врагов.

Итак, элементы анархии в юридических отношениях расширяли возможности местной администрации укреплять в обществе свою позицию, свою значимость. В то же время даже незначительное противодействие Центру, если об этом становилось известно, жестоко каралось. Профессор А.М. Ладьженский верно подметил две стадии в развитии большевизма: анархическую и абсолютистскую¹⁶. По существу анархизм был тактикой большевиков, абсолютизм же – стратегией.

Догмат о непогрешимости большевистских учреждений выразился в изменениях судебной практики. Так как в переустройстве общества направляющая роль была закреплена за государством, исключитель-

ные полномочия представителей власти стали рассматриваться как целесообразные и необходимые. Даже прокуратура – орган надзора за законностью – была ликвидирована. Декрет о суде отвергал право апелляции, так как бытовало мнение, что народные заседатели не способны на несправедливый приговор¹⁷. Ядром судебного процесса стало рассмотрение вопроса о том, "действовали ли учреждения, коим это дело было поручено, – в интересах государства?"¹⁸

Правовая защищенность частновладельческого имущества снижалась как базовыми установками советской юриспруденции, так и прямым следствием суммы отдельных декретов. Так, под знаменем национализации предприятий государство придерживалось подчеркнуто индифферентной позиции при возникающих спорах между частными предпринимателями. Законодатель совершенно не стремился к регламентации частноправовых отношений. Отсюда берет истоки упадок гражданского права и всех его отраслей. В частности, при отсутствии условий для широкого имущественного оборота не могло развиваться обязательственное право¹⁹. Совершенствование административного права было крайне невыгодным, так как это урезало бы широкие полномочия управленческого аппарата.

Углубление революционной законности было прервано резким переходом к нэпу. Легализация частной инициативы заставила большевистских теоретиков задуматься, можно ли допустить изменение принципов, определяющих правовую систему. Через несколько месяцев после X съезда РКП (б) журнал "Народное хозяйство" опубликовал дискуссионные статьи двух юристов. Первый считал необходимым привести основы законодательства в соответствие с новыми реалиями, второй же, возражая, говорил, что нормативные акты, защищающие частную собственность, вводить не следует²⁰. На практике победила вторая позиция, так как власть большевиков была прочной и они не собирались отказываться от широких полномочий. В итоге советское государство не имело даже формального препятствия к свертыванию нэпа.

В 1922 г. издается Гражданский кодекс РСФСР. Первая статья документа гласила: "Гражданские права охраняются законом, за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением"²¹. Понятие "законность" было восстановлено в правах²², однако предоставление гражданам даже минимума имущественных прав производилось отнюдь не на безвозмездной основе. Советская юридическая мысль допускала обладание

собственностью "лишь в известных пределах и для определенных хозяйственных целей, которые советское государство признает нужным установить"²³. В истории известно немало случаев предоставления права условного владения землей. Не гарантируя неприкосновенности частной собственности, большевики по существу распространили условную форму обладания материальными объектами на более широкий спектр видов имущества.

§ 2. "С КУЛАКА СНИМЕМ ТРИ ПИДЖАКА". ПОПЫТКА ПОДЧИНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПОЛИТИКЕ КОНФИСКАЦИЙ

Превращение права в залог непрочности имущественных отношений не представляло особой трудности – достаточно было не издавать законы, которые ограждали бы индивида от произвола властей. Параллельно требовалось время от времени спускать в подведомственные структуры угрожающие циркуляры, например, о строгой ответственности за невыполнение продразверстки.

Все же одни только юридические моменты не обеспечили бы победы большевиков в антисобственнической борьбе. В формулу успеха входили не менее важные меры по реструктурированию групп общества, которые R. Service называет "кошмаром социальной инженерии"²⁴.

Российское общество революционной эпохи представляло собой динамичную массу. Перегородки между феодальными сословиями были разрушены уже несколько десятилетий назад, хотя некоторая замкнутость отдельных социальных групп все еще сохранялась. Общенациональный кризис, достигший своего апогея в 1917 г., усиливал в обществе процесс маргинализации: безземельные крестьяне становились рабочими, помещики беднели и разорялись, увеличивалась численность "людей дна".

Февральская революция значительно обострила проблему разделения общества. Это разделение, по мнению М. McAuley, было вызвано серьезной поломкой системы, с помощью которой правители регулируют отношения между классами. В итоге характерными чертами этого периода стали свобода и насилие; социальные группы начали борьбу за право обладания ресурсами страны²⁵. Уточним: соперничество между слоями общества по своей силе значительно уступало соперничеству политических партий. Партия большевиков была наиболее последовательной в формировании своей социальной опоры.

После Октября четкое определение места в обществе каждой группы населения стало для новой власти вопросом долговечности ее существования и результативности проводимой ею политики, в том числе процесса изъятия имущества. В каждом акте взаимодействия власти с массами стал проявляться *социально-дифференцированный подход*, основанный на постулатах о примате классовых ценностей над ценностями индивидуальными и общечеловеческими. Весь набор человеческих качеств данного индивида, обуславливающих его политические взгляды, предопределялся стереотипно, исключительно по критерию классовой принадлежности.

Сложнейшая структура российского социума на изломе эпохи выделась большевикам трехчленной: пролетариат, крестьянство и буржуазия, к которой относилась также интеллигенция старой закалки. Фактически особое место в обществе стало принадлежать советскому аппарату, и прежде всего его элите – членам РКП(б). Параллельно большевистской властью использовалось разделение общества на богатых и бедных²⁶. Подготовка этих классов к массовым реквизиционным акциям заключалась, главным образом, в предопределении отношения каждого слоя к большевистской политике и регламентации того, каким имуществом могут обладать представители каждой группы, насколько они выиграют или проиграют от передела собственности.

Попытаемся конкретизировать отводимую большевиками и реальную роль каждого упрощенно понимаемого "класса" в ходе огосударствления собственности.

1. Пролетариат

Большевистская идеология подарила рабочим титул "гегемона революции". Реально же, согласно проекту В.И. Ленина, это означало лишь то, что пролетариат должен стать господствующим классом в смысле руководства всеми трудящимися. Формирования из рабочих новой знати не предполагалось – пролетариат должен был стать служилым сословием: усердно трудиться на национализированных предприятиях, воевать на внешнем и внутреннем фронте и тем более не сопротивляться, когда власти действовали от его имени. Одним из таких актов служения рабочих тому, кто называл себя авангардом пролетариата, стали действия продотрядов.

Самых рабочих процесс изъятия имущества коснулся в небольшой степени, так как основная их масса отвечала двум требованиям государственного патронажа: относилась к социально-близким и бедным

слоям. Тем не менее рабочих задела косвенные последствия передела собственности: запрещение владеть земельными участками, дефицит продуктов, обесценивание денег и т.д.

Приобретения пролетариата от перемены власти даже в советской историографии выглядят более чем скромно. Авторам 60–70-х гг. возрастание руководящей роли пролетариата виделось отнюдь не в материальном достатке, а лишь в росте численности РКП(б) и в повышении удельного веса рабочих в выборных органах управления²⁷. Р. Пайпс высказывается более категорично, отмечая, что положение рабочего класса, утратившего право на самоорганизацию и забастовки, «ухудшилось во всех отношениях, кроме символического»²⁸.

Как же рабочие воспринимали заданное им общественное предназначение? А.И. Колганов считает, что основная масса трудящихся поддерживала социализм, пассивно довольствуясь ликвидацией эксплуатации и появлением новых социальных и экономических гарантий²⁹. По мнению же Г.Г. Бриля, революционный романтизм рабочих вследствие нереализованных ожиданий сменился социальным скептицизмом и даже оппозиционностью по отношению к власти. Автор приводит данные о росте забастовочного движения в 1918–1921 гг.

2. Крестьянство

Значение сельского населения для большевистского Центра отражает, в частности, циркуляр Курского губкома РКП(б): «Если крестьянство не нужно было для того, чтобы начать революцию, то оно необходимо для того, чтобы победоносно закончить ее»³⁰. Земельный строй России, однако, в гораздо меньшей степени укладывался в начертанный большевиками план идеального общества, так как природа крестьянского труда была неразрывно связана с мелкотоварной собственностью, а значит, земледельческое хозяйство, являясь во многом самодостаточным, слабо зависело от диктата государственной власти. В качестве эффективного способа преодоления политической обособленности крестьянства большевики избрали принцип «разделяй и властвуй». Работник продовольственного аппарата Украины А.Г. Шлихтер призывал: «В районах кулацкого засилья надо оторвать крестьянскую массу от кулака, уничтожить кулака, а потом разъяснить крестьянской массе, во имя чего и для чего рабочий решил уничтожить кулака»³¹. Еще более драматичными были противокулацкие действия, осуществляемые руками самого крестьянства.

Апогей раскола деревни в ярких красках раскрывает фрагмент стенограммы речи Г.Е. Зиновьева (1920 г.): «С кулака снимем три пиджака, а питерский рабочий получит хлеб да картофель. Мы соединимся с трудовым крестьянством против пиявки-кулака! (Аплодисменты. Шум. Звонкок председателя). Я очень рад, что заговорил о кулаках, я попал в цель (Аплодисменты). Страна наша попала в цель!»³² Обратим внимание на резонанс, наступивший в ходе диалога человека власти с народом: деформированное кризисом массовое сознание оказалось восприимчивым к идеологическому допингу.

Раскол деревни на два враждебных лагеря обеспечивал поступление хлеба в государственные закрома путем насильственных реквизиций. Сделать заготовки продовольствия более объемными была призвана также другая идеологема – тезис о союзе рабочего класса и крестьянства. И хотя серп и молот семь десятилетий являлся символом большевистского государства, отношения между работающими на полях и на заводах с момента революционных потрясений дружественными не были: обиженное действиями продотрядов, сельское население считало горожан туеядцами³³.

В целом же попытку заставить крестьянство не сопротивляться изъятию продовольствия можно считать удавшейся: несмотря на периодически вспыхивающие восстания, крестьяне во многом способствовали победе Красной Армии в гражданской войне и упрочению большевистской власти.

3. «Гидра коршунов капитала»

Созданная теоретиками марксизма модель социалистического общества совершенно не отводила места лицам, относимым к «буржуазному классу». В глазах экзальтированных делателей революции фабрикант или помещик, даже лишенный крупной собственности, был не в состоянии искупить свою вину за обладание ею в прошлом. Левый эсер И.З. Штейнберг уже некоторое время спустя предлагал умеренный вариант приговора зажиточным слоям: «Задача трудящихся классов, – отмечал он в 1923 г., – не в том, чтобы в классовом враге их убить человека, а в том, чтобы в человеке убить классового врага»³⁴. Однако большевики не собирались заниматься перевоспитанием «бывших эксплуататоров». Социальное происхождение сделалось пожизненным клеймом гражданина Советской России, влияющем на реализацию его жизненных планов.

Будучи в апреле 1998 г. в Российском государственном архиве экономики, автор коснулся темы соципроисхождения в разговоре с сосе-

дом по читальному залу, до пенсии работавшим инспектором. Собеседник привел следующий эпизод из семейной истории: его дед был приказчиком в магазине, а после Октября стал рядовым служащим. Через пару десятков лет тяжело заболел его сын – отец рассказчика. Больному понадобились деньги, он попросил их у родного человека, но получил отказ. “Так через большой промежуток времени проявилась натура моего деда”, – заключил рассказчик.

Конечно, среди бывших богачей были разные по моральным качествам люди, но даже если самые сребролюбивые из них не вписывались в социалистическую систему будущего, однозначно враждебного отношения к себе со стороны власти они не заслуживали.

Большевицкая власть, пренебрегая интересами “буржуазного слоя”, демонстративно вычеркивала бывшую элиту из жизни (в частности, из списков получателей продуктов по карточкам), и вместе с тем нуждалась в профессионализме этих людей. Бывшие помещики и фабриканты, как и все другие социальные группы, оказались интегрированными в сконструированную большевиками общественную структуру. Одна из их новых функций состояла в том, чтобы нести на себе образ врага и вызывать соответствующие негативные эмоции у населения, которое в данном случае не будет искать причину жизненных неурядиц в неумелых действиях власти. Крестьян призывали подавлять помещиков, а с мая 1918 г. – и кулаков; рабочий должен был ненавидеть бывших собственников предприятий, а также торговцев.

Негативные чувства по отношению к классовым врагам особенно активно вырабатывались на различных собраниях и митингах. Так, приветствие Грайворонского уездного съезда Советов, принятое 30 января 1919 г., содержало обещание делегатов “бороться и защищать своих вождей и революционные социалистические преобразования от мировой буржуазии и гидры коршунов капитала”³⁵.

Другая функция торгово-промышленных слоев в послеоктябрьский период состояла в максимальном их использовании на благо новой власти. Под понятием “буржуазия” скрывались огромные материальные средства, а также немалая интеллектуальная мощь. Периодическое взимание контрибуции с одного и того же лица могло дать большевикам больше практической выгоды, чем единовременное “раскулачивание”; точно также и реальное воплощение лозунга “Заводы – рабочим!” грозило полным экономическим крахом.... Отсюда и вытекала осознанная большевиками необходимость привлечения к труду

“буржуазных специалистов”. Экспроприация экспроприаторов тесно переплеталась с эксплуатацией эксплуататоров.

4. “Интеллигентская спекулянтщина”

Социальный состав класса, против которого боролись большевики, не ограничивался помещиками, фабрикантами и торговцами. Ненадежной и подозрительной социальной группой представлялась большевикам интеллигенция. То, что интеллектуальная элита могла противостоять власти на идейном поприще, вытекало из ее неотъемлемого свойства – служить отнюдь не нейтральным проводником информации, циркулирующей между верхами и низами³⁶.

Отношение большевицкой власти к доставшейся ей в наследство прослойке лиц умственного труда было в чем-то более неприязненным, чем к буржуазии. Государственная власть значительно в меньшей степени пыталась интегрировать интеллигенцию в свою систему. Ставка делалась на формирование нового слоя образованных людей, который и будет обосновывать неизбежность и многозначительность всех большевицких мероприятий, в том числе и конфискаций имущества.

Антисобственническая политика большевиков касалась интеллигенции как прямо (вспомним описание обысков в произведении И.А.

Бунина “Окаянные дни”), так и косвенно. Чиновники, учителя, адвокаты изгонялись со службы и, чтобы влачить свое существование, вынуждены были выходить на рынок со своими пожитками, а частную торговлю с ноября 1918 г. новое законодательство квалифицировало как спекуляцию, т.е. правонарушение. Некоторым должностным лицам слова “спекулянт” и “интеллигент” и вовсе казались равнозначными по смыслу. “У саботирующей, лгушей, предательски прикидывающейся, сочувствующей, внеклассовой интеллигентской спекулянтщины и спекулянтской интеллигентщины должна быть сорвана маска”, – призывала газета “Красный меч” в августе 1919 г.³⁷

Откровенно враждебное отношение к интеллигенции старой закалки со стороны верхов не могло не быть замечено низами общества. “Им все можно, – жаловались ученики Корочанской школы на преподавателей (1920 г.), – и ругаться и бросать книжки и на них нет управы они над всеми смеются потому что высшее образование получили”³⁸. Полагал ли русский социал-демократ начала XX века В.К. Махайский, называвший паразитическим классом всех, кто не занят физическим трудом, что его идеи будут созвучны настроению люмпенов?

5. Служащие власти

Слой советских управленцев оказался в наибольшей степени приспособленным к процессу изъятия имущества, хотя в декларируемой большевиками социальной модели эта общность людей оставалась за кадром, выдавая себя за "авангард пролетариата".

В.И. Ленин определял классы как большие группы людей, различающиеся по месту в системе общественного производства, отношению к средствам производства, роли в общественной организации труда и, как следствие, имеющие неодинаковые способы получения и размеры богатства. Послеоктябрьская бюрократия соответствовала, пожалуй, всем этим признакам.

Как и в случае с крестьянством, центральное советское правительство пыталось поддержать "внутреннюю спаянность" аппарата на местах путем разделения служащих на "своих" и "чужих" и более или менее строгого наказания в отношении последних.

В среде рядовых коммунистов также пресекалась и спекуляция, и торговля в целом. "Списки бывших членов РКП..." Курского губкома содержат следующие мотивировки исключения из партии: "За порочащие коммуниста поступки (спекуляция)", "За защиту пьянства и спекуляции", "За порочащие поступки (торговлю)". Иными порицаемыми действиями были хищение реквизированных продуктов, "легкомысленное отношение к обязанностям по должности (объезд женщин)", умышленное торможение подразверстки³⁹.

Следователь Олонецкой ЧК (Карелия) Пенкин, ведя разбирательство по делу вытегорского коммуниста Попова, предписывал употребить по отношению к обвиняемому следующие виды наказания: 1) исключить из Коммунистической партии, 2) лишить ответственной должности в кожевенном комитете и в последующем на административные посты не назначать, 3) заключить в Вытегорскую тюрьму на три месяца. Виновность Попова состояла в продаже реквизированного граммофона; строгие же меры возмездия объяснялись тем, что подсудимый "унизил не только святое звание коммуниста, но как ответственный работник уронил и престиж вообще Советской власти"⁴⁰.

И все же строгий надзор за отдельными служащими сочетался с попустительством в отношении других. Это зависело от того, насколько сильными являлись позиции данного должностного лица в управленческом аппарате. Идеологемы о чрезвычайной важности государственной службы, постоянных поисках классового врага,

причастности к великому делу строительства социализма, имели следствием не столько возрастание ответственности за превышение полномочий, сколько претензию на доступ к дополнительным материальным благам.

Когда сотрудник трайворонского квартирного отдела рассердился на служащего финансового отдела Юркевича за то, что тот часто меняет квартиры, Юркевич написал жалобу, что при недовольстве действиями советских работников создается, "в угоду преступным элементам, тормоз в продуктивности их работы"⁴¹.

Представители власти, силами которых производилось изъятие имущества, получали возможность в первую очередь удовлетворять свои материальные потребности. Однако их собственное благополучие всецело зависело от усердного выполнения ими должностных обязанностей. Потеря власти могла означать и потерю рога изобилия. Право собственности являлось эзким для всего российского общества, хотя у советской элиты было больше возможности удержать за собой и приумножить личное имущество.

Таким образом, "социальная инженерия" большевистской власти создавала благоприятные условия для успешного проведения задуманных ею имущественных мероприятий. Государство пыталось в максимально возможной степени подчинить себе инициативу целых классов, не говоря уже об отдельных личностях. Насколько успешным было это "большое дело"? М. McAuley высказывает утверждение об иссякании источника социального конфликта после кончины частной собственности⁴². Представляется, что конфликт был подавлен не экономическим способом, а политическим нажимом. Деформированная социальная структура не была в состоянии оказывать сопротивления манипуляциям власти. Самыми ужасными диспропорциями стали лояльное отношение большевистской власти к уголовным элементам, если последние не причиняли непосредственного вреда государству и подавление интеллигенции – мозга нации.

В конечном счете степень усвоения норм классовой морали зависела от нравственных качеств каждого индивида в отдельности.

§ 3. ДОМИНИРУЮЩАЯ ПОЗИЦИЯ ГОСУДАРСТВА В ОБЩЕСТВЕ КАК СЛЕДСТВИЕ КОНФИСКАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

На первых порах после захвата власти большевистским лидерам представлялось, что в соответствии с пророчеством Маркса-Ленина государство через непродолжительное время отойдет в прошлое. Дей-

ствительно, в работе "Государство и революция" В.И. Ленин определяет политическую надстройку, которая установится на начальном этапе пролетарской революции, как "полугосударство", "организованный в господствующий класс пролетариат", "власть [пролетариата], не разделяемая ни с кем и опирающаяся непосредственно на вооруженную силу масс"⁴³. Новая элита, столкнувшись с жизненными реалиями, оказалась перед дилеммой: догматично следовать теории или же поступать, как велит историческая обстановка. В итоге получилась своеобразная эклектика: большевистские политики разделяли убеждение в нецелесообразности тщательно прорабатывать государственный механизм⁴⁴ и в то же время делали уверенные шаги в направлении "всевластия власти". Абсолютизм перемежался с анархией, что, как уже говорилось, было характерно и для правовой системы. Кажущийся хаос в системе управления первых послеоктябрьских лет являлся не чем иным, как *алеяроном* – неопределенной материей, способной при этом порождать невиданные формы организации.

Вывод о сложившейся к 1921 г. гипертрофированной государственности как результате макропроцесса изъятия имущества советские историки стремились обходить. Говоря о большевистской России, исследователи зачастую избегали понятий "государство" и "власть". Взамен широко употреблялись идеологические штампы "советская власть" и "диктатура пролетариата", призванные обеспечить преимущество мифологизированного политического пространства перед реальным. Только в начале 1990-х гг. в историографии было признано, что "этакратизм.. – это не цепь деформаций и отклонений от идеального социализма, а самостоятельная ступень и в то же время параллельная ветвь истории развития современного общества"⁴⁵.

Приоритет интересов государства присутствовал во всех конфискаторских мероприятиях, ради чего они и осуществлялись.

Показанные в предыдущих главах градации мотивов изъятия имущества отражают всю сложность попыток укоренения в сознании масс этакратической доминанты. Правда, далеко не всегда служащие аппарата позволяли себе делать заявления о естественности того, что "интересы и нужды частных лиц могут и должны уступать интересам учреждений, работающих в общем на пользу всей страны"⁴⁶. Не прикрытых идеологической завесой актов огосударствления собственности практически не встречалось.

Советские авторы утверждали, что большевистское государство принципиально, коренным образом отличалось от государств всех

прежних типов⁴⁷. Действительно, политическая оболочка власти большевиков не могла быть тождественной иным политическим режимам, так как ее специфику определяло множество факторов, таких, как идеология, социально-политическая и экономическая обстановка⁴⁸. Тем не менее оформившийся к марту 1921 г. политический режим оказался по своему внутреннему содержанию составленным из знакомых мировой истории элементов авторитаризма и тоталитаризма.

О корнях абсолютистской традиции, свойственной российской власти, упоминалось в первой главе. Печальным последствием абсолютизма, по мнению Н. Ragsdale, оказалась непригодность нации к тому, чтобы содействовать власти в деле государственного управления, но противостоять насилию сверху⁴⁹. Заметим, что историк слишком резок в своих высказываниях. Понимать народ как безмолвующую и покорную массу можно лишь условно и только в том случае, когда идет речь о возможности низов самостоятельно изменить сильную политическую власть, какую представляли собой большевики.

Большевистская власть, особенно на первых порах ее существования, не выглядела столь ужасно, чтобы вызвать всенародное неприятие. Поиск контакта с широкими массами населения был предметом неустанной заботы нового правительства. И если государственные расходы, призванные обеспечить рост материального благополучия населения, представлялись большевикам вынужденными, хотя и нежелательными, то бесчисленные порции идеологией сыпались как из рога изобилия. Как следствие, характерным явлением в области коммуникации между властью и обществом стало использование панбратского стиля общения. Русский философ Н.Ф. Федоров (1829–1903) в свое время переживал, что нет дела "настолько обширного, чтобы поглотить все силы людей, которые в настоящее время расходуются на вражду"⁵⁰. При большевиках в ранг общего дела было введено служение пролетарскому государству.

Каждому гражданину Советской Республики внушалось: важно предотвратить гибель государственного хозяйства, а для этого в случае необходимости следует пожертвовать долей своего имущества, например, помогая снаряжать армию или спасая население от голода.

Если при изъятии имущества у "эксплуататоров" государство выдавало себя за жестокого, но справедливого судью, перед которым нужно было отвечать за вековые преступления, то народные массы зачастую видели государство еще и в образе нищего с протянутой ру-

кой. Именно так обставлялись кампании по сбору пожертвований. Использование в официальных заявлениях "умилостивительных конструкций" ("без вас мы погибнем!") заставляло сострадательных граждан отдавать едва ли не последние вещи.

Периодическое обращение работников исполкомов за помощью к массам создавало иллюзию участия народа в государственных делах (в частности, как мы уже видели, разветвление органов власти сопровождалось изъятием жилых помещений).

Любопытна конструкция следующей фразы: *необходимо внести единовременный (вместо ежемесячного) налог на помол зерна в ваши (!) сельские Исполкомы*⁵¹. Можно ли было возражать против помощи своим же учреждениям?

Чрезмерно уважающее себя государство не могло длительно находиться в позе просителя. Коммунистический Левиафан демонстрировал свое могущество как с помощью насилия, что было чревато полной утратой доверия нации, так и путем организации ритуалов, в том числе советских праздников. Согласно утверждению В.П. Булдакова, "ощущение собственной ничтожности перед величием государственного идеала, уже увлекшего миллионы, порождало смирение перед властью у одних, религиозную экзальтацию – у других"⁵².

В чем еще выражалась доминирующая позиция большевистского государства в ходе проведения конфискационных мероприятий?

После поворота к чрезвычайной политике В.И. Ленин констатировал уже предрешенный факт, что переход к социализму и коммунистическому распределению будет осуществляться через "веления" пролетарского государства. Особая роль большевистского аппарата определила его первенствующее положение во взаимодействии с частным сектором. Иными словами, *государство не мыслилось как равноправный субъект экономических и юридических отношений*. Приведем пример из числа не использованных ранее.

В сентябре 1918 г. Новооскольский хозяйственный отдел похитил доски у гражданина Конопляева. В процессе покупки служащим показалось, что запрошенная цена слишком высока, в то время как среди досок много старых и гнилых. На отказ частного продавца товар за полцены служащие отдела обратились в исполком с просьбой конфисковать доски как продаваемые со спекулятивной целью. В итоге предмет спора был изъят⁵³.

Возвышение государственного аппарата над обществом порождало явление, которое можно назвать *государственным эгоцентризмом*.

Самолюбие власти выражалось в двух ипостасях: во-первых, в желании сосредоточить в руках государства все частновладельческое имущество, представляющее сколько-нибудь значительную ценность, а во-вторых, в откровенном презрении к тем, кто владел этим имуществом. Чрезвычайная политика распространялась на широкие слои общества и становилась атрибутом повседневной жизни.

Доминирующая позиция большевистского государства в ходе проведения конфискационных мероприятий выражалась также в *возрождении вотчинного права*. Следствием поступательного развития западной цивилизации стало обособление власти от собственности. Государству запрещалось вторгаться в сферу частных имущественных прав⁵⁴. Судьба же России сложилась по-иному, так как в национальном сознании ценность частной собственности уступала место идее всеобщего блага. Большевики, захватив власть, включили в орбиту своих интересов все имущество, находящееся на подвластной им территории. Как в средневековье, вся страна со всеми ее жителями и ресурсами рассматривалась властью предержавшими в качестве их частного владения. М. Вебер такие государства называл вотчинными.

"Вотчинное право", которым пользовалась большевистская администрация, находило выражение в следующем: 1) средства производства, оставшиеся в частном владении, по первому требованию властей подлежали "мобилизации", т.е. использованию в интересах государства; 2) преследовалось сокрытие продовольственных запасов и личных вещей от взора уполномоченных, которые не чуждались не только открывать чужие сундуки и амбары, но даже, как мы видели в одном примере, выламывать стены (речь не идет о следствии по уголовным делам); 3) в ведение органов власти отходили материальные объекты, брошенные (или временно покинутые!) владельцами. Как видим, принцип "что упало – то пропало" вновь оказался актуальным, причем толкование его стало расширенным.

Возможность пополнения советских кладовых бесхозным имуществом, активно используемая в практике местных исполкомов, на правовом уровне была закреплена декретом от 3 ноября 1920 г. Этот нормативный акт устанавливал неизвестное прежде правовым системам положение, что "всякое имущество, не находящееся ни в чьем обладании, является государственной собственностью"⁵⁵.

Опора на элементы вотчинного права преследовала цель увеличить объем материальных ресурсов, находящихся под присмотром большевистской власти.

Таким образом, в отличие от неудавшейся попытки воплощения в жизнь коммунистических принципов, реальным результатом развертывания большевиками процесса изъятия имущества стало преодоление революционной анархии и создание небывало мощной государственности. Негативные же последствия передела собственности, проявившиеся на уровне общественного сознания, в то время в расчет не принимались.

Примечания (глава 8)

- ¹ Ильин И.А. О частной собственности // Русская философия собственности (XVII-XX вв.). – СПб.: Ганза, 1993. – С.122; Гиренок Ф.И. Судьба русской интеллигенции (Читая Федотова) // Г.П. Федотов о судьбе русской интеллигенции. – М.: Знание, 1991. – С.9.
- ² Марьясин Л. Всеобщая трудовая повинность (принципы, формы, факты) // Советский строитель. – Воронеж, 1920. – № 1. – С.44.
- ³ ГАБО, ф.Р-430, оп.2, д.6, л.135.
- ⁴ АФОО, ф.65, оп.1, д.19, л.7 об.
- ⁵ Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. – М.: Юридическая литература, 1963. – С.204; Емельянова И.А. Революционное правосознание и правотворчество народных масс в период от февраля к октябрю 1917 г. (по материалам Казанской губернии). – Казань: Изд-во КазГУ, 1967. – С.4.
- ⁶ Кистяковский Б.А. В защиту права // Вехи; Интеллигенция в России: Сборник статей. 1909-1910. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С.113.
- ⁷ Burbank, Jane. Lenin and the Law in Revolutionary Russia // The Slavic Review. – 1995. – Vol. 54. – No 1. – P.23-44.
- ⁸ Журавлев В.В. Декреты Советской власти 1917-1920 гг. как исторический источник. Законодательные акты в сфере обобществления социалистической собственности. – М.: Наука, 1979. – С.11.
- ⁹ Курский Д.И. Избранные речи и статьи. – М.: Изд-во МЮ СССР, 1948. – С.49-51.
- ¹⁰ Сараянов В. Диктатура пролетариата, право и революционная законность // Народное хозяйство. – 1921. – №8-9. – С.33.
- ¹¹ Кистяковский Б. Право как социальное явление. – Б.М., 1911. – С.9.
- ¹² Елистратов А. Об утверждении законности в советском строительстве // Советское право. – 1922. – № 1. – С.128.
- ¹³ Разумович Н.Н. Организационно-правовые формы социалистического обобществления промышленности в СССР. 1917-1920 гг. – М., 1959. – С.55.
- ¹⁴ Сараянов В. Указ. соч. – С.33.
- ¹⁵ Там же. – С.32.
- ¹⁶ Ладженский А.М. Большевики и право. – Ростов н/Д, 1919. – С.41.
- ¹⁷ Курский Д.И. Указ. соч. – С.38, 41.
- ¹⁸ Крыленко Н.В. За пять лет. 1918-1922. Обвинительные речи по наиболее крупным процессам, заслушанным в Московском и Верховном революционном трибуналах. – М.-Пг., 1923. – С.407.
- ¹⁹ Генкин Д.М., Новицкий И.Б., Рабинович Н.В. Указ. соч. – С.142. Кстати, в 1918 г. среди некоторых юристов бытовало следующее убеждение: поскольку преступления, совершаемые в условиях прежнего режима, – следствие безработицы, нищеты и голода,

постольку при большевистском строе, когда ослабнут эти факторы, число имущественных правонарушений заметно пойдет на убыль. См.: Саврасов Л.А. Преступление и наказание в текущий переходный период // Пролетарская революция и право. – 1918. – № 5-6. – С.3-10.

- ²⁰ Членов С. Экономическая политика и революционная законность // Народное хозяйство. – 1921. – №8-9. – С.23; Сабарьянов В. Указ. соч. – С.33.
- ²¹ Цит. по: Канторович Я. Первая статья гражданского кодекса // Право и жизнь. – 1925. – №2-3.
- ²² Исаев И.А. Революционная психология и революционная законность (Российский опыт 1917 г.) // Государство и право. – 1995. – № 11. – С.146.
- ²³ Канторович Я. Указ. соч. – С.3.
- ²⁴ Service R. The Russian revolution. 1900-1927. – 2.ed. – Houndmills etc.: Macmillan, 1992. – P.46.
- ²⁵ McAuley Mary. Soviet Politics, 1917-1991. – Oxford University Press, Oxford, 1992. – P.12.
- ²⁶ На такой подход обращает внимание, в частности, Дж. Филд: Филд Дж. Социальные представления в дореволюционной России // Реформы или революция? Россия 1861-1917 гг. Материалы международного colloquium историков. – СПб., Наука, 1992. – С.67-68.
- ²⁷ Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917 - 1920 гг. – М.: Мысль, 1976. – С.126.
- ²⁸ Пайпс Р. Русская революция. Ч.2. – М.: РОССПЭН, 1994. – С.388.
- ²⁹ Колганов А.И. Путь к социализму: трагедия и подвиг. – М., 1990. – С.43.
- ³⁰ АФОО, ф.65, оп.1, д.108, л.10.
- ³¹ Шлихтер А.Г. Аграрный вопрос продовольственная политика в первые годы Советской власти. – М.: Наука, 1975. – С.389.
- ³² Зиновьев Г.Е. Крестьяне и Советская власть. Беспартийные съезды крестьян. – Пг., 1920. – С.20.
- ³³ Яров С.В. Политическая психология крестьян при переходе к “военному коммунизму” (по материалам северо-западной России) // Вече: Альманах русской философии и культуры. Вып. 2. – СПб., 1995. – С.77.
- ³⁴ Штейнберг И.З. Нравственный лик революции. – Берлин, 1923. – С.121.
- ³⁵ Белгородский областной краеведческий музей, ф.1, шк.18, п.94.
- ³⁶ Холмс Л. Социальная история России: 1917-1941. Пер. с англ. / Отв. ред. А.В. Лубский, В.Н. Рязцев. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1994. – С.24.
- ³⁷ ВЧК-ГПУ. Документы и материалы / Ред. – сост. Ю.Г. Фельштинский. – М. Изд-во гуманит. лит.-ры, 1995. – С.72.
- ³⁸ БОЦДНИ, ф.986, оп.1, д.5, л.52 об.
- ³⁹ АФОО, ф.65, оп.1, д.94, л.29.
- ⁴⁰ Архив УФСБ Республики Карелия, ФСДП, оп.1, пор.1, л.71.
- ⁴¹ ГАБО, ф.Р-428, оп.1, д.2, л.40 об.
- ⁴² McAuley Mary. Op. cit. P.28.
- ⁴³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т.33. – М.: Политиздат, 1977. – С.18, 24, 26.
- ⁴⁴ Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917 – 1922 гг. – М.: Диалог МГУ, 1997. – С.77, 82.
- ⁴⁵ Шкаратан О.И., Радаев В.В. Правда этакратизма против мифа о социализме // Квинтэссенция: Философский альманах, 1991. – М.: Политиздат, 1992. – С.102. Наряду с понятием “этакратизм” в историографии конца 1990-х гг. появилось сходное по смыслу понятие “политаризм”, под которым понимается общественный строй, основанный на

государственной собственности на средства производства и на личность работника. См.: Гринев А.В., Ирошников М.П. Россия и политаризм // Вопросы истории. – 1998. – № 7. – С.37.

⁴⁶ ГАВО, ф.Р-10, оп.1, д.19, л.4 об.

⁴⁷ См.: Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917-1950 гг.). – М.:Наука, 1978. – С.11.

⁴⁸ Леонов Указ. соч. – С.306.

⁴⁹ Ragsdale Hugh. The Russian Tragedy: the Burden of History. – Armonk (N.Y.); London: Sharpe, 1996. – P.48.

⁵⁰ По мнению мыслителя, массовое коллективное дело помогло бы создать нравственное общество. Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного состояния мира и о средствах к восстановлению родства. Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим // Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – С.72.

⁵¹ ГАВО, ф.Р-420, оп.2, д.6, л.424; 7 сентября 1920 г.

⁵² Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 1997. – С.245.

⁵³ ГАВО, ф.Р-528, оп.1, д.25, л.65 об.

⁵⁴ См.: Корнев А.В. Полицейское государство: идеи и практика. Учебное пособие. – М.: Академия управления МВД России, 1998. – С.85.

⁵⁵ Генкин Д.М., Новицкий И.Б., Рабинович Н.В. Указ. соч. – С.91.

БИБЛИОГРАФИЯ

Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А.. Плотникова: Публикация и исследование текста / Подготовка текста, исследование и комментарий Б.И. Осипова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. – 176 с.

Альский М. Наши финансы за время гражданской войны и нэпа. – М., 1925. – 182 с.

Андреев В.М. Беспартийные конференции крестьян: замысел и реальность (1919-1920 гг.) // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. – М.: МП «НВ Магистр», 1993. – С.89-99.

Андреев В.М. Российское крестьянство навстечу судьбе. 1917-1920. – М.: Изд-во МПГУ, 1997. – 176 с.

Анин Д. Революция и ее историография // Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментариев западного историка / Сост., вступ. ст., послесл. и примеч. Д.С. Анина. – М.: Современник, 1991. – С.7-94.

Аничков В.П. Екатеринбург–Владивосток. 1917-1922. – М.: Русский путь, 1998. – 368 с.

Анкудинова Л.Е. Национализация промышленности в СССР (1917-1920 гг.). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 144 с.

Армия в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Вводная статья О. Чаадаевой // Красный архив. – 1937. – № 5. – С.135-187.

Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / Сост., вступ. ст., коммент. И.А. Исаева. – М.: Русская книга, 1992. – С.29-66.

Атабекян А. “Великий опыт”. – М., 1919. – 16 с.

Базили Н. Россия под Советской властью. – Париж, 1937. – 382 с.

Баратов Б.И. Страна радости. Что дала октябрьская социалистическая революция рабочим и крестьянам. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 80 с.

Белов В.А. Национализация в российском гражданском праве: история и современность // http://online.garant.ru/jorn/leg_5_02_99.htm

Белов Е.А. Борьба за Урянхайский край в 1915-1919 гг. // Отечественная история. – 1998. – №1. – С.55-64.

Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе): Пер. с англ. – М.: Изд. группа “Прогресс”–“Универс”, 1994. – 320 с.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма // Пророческие слова о русской революции / Сост. А.А.Слинько. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. – С.81-224.

Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – 480 с.

Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. Второе дополн. издание. – М.-Л.: Книга, 1925. – 344 с.

Билимович А. Революция, большевики и хозяйство России. – Ростов-н/Д, 1919. – 28 с.

Блэкстоун Г. Истолкования аглинских законов Г. Блакстоуна, переведенные по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской с подлинника Аглинского. Кн.1. – М., 1780. – 376 с.

Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. – М.: Политиздат, 1990. – 479 с.

Бокарев Ю.П. «Умом Россию не понять» (поведение крестьян в революционную эпоху) // Революция и человек: Социально-психологический аспект. – М., 1996. – С.80-91.

Борьба за Советскую власть на Белгородчине (март 1917 – март 1919 гг.): Сборник документов и материалов / Сост. Ю.И. Гончаренко, И.Н. Брежнев. – Белгород, 1967. – 379 с.

Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. Сборник документов и материалов. – Курск: Книжное издательство, 1957. – 512 с.

Бриль Г.Г. Генезис социального конфликта в России (1917- начало 30-х гг.). – Кострома, Изд-во КГТУ, 1998. – 132 с.

Бронский М.Г. Финансовая политика СССР. – М., 1928. – 132 с.

Бугай Н.Ф. Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы. 1918-1921 гг. – М.:Наука, 1990. – 320 с.

Булгаков С.Н. История экономической мысли. Основные мотивы философии хозяйства в платонизме и раннем христианстве. Понимание в христианстве вопроса о собственности // Русская философия собственности (XVII-XX вв.). – СПб.: Ганза, 1993. – С.230-237.

Булдаков В.П. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (Методологический аспект) // Революция и человек: Социально-психологический аспект. – М., 1996. – С.4-17.

Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 1997. – 376 с.

Булдаков В.П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997. – С.55-75.

Бунин И.А. Окаянные дни. – М.: Современник, 1991. – 255 с.

Бурганов А.Х. Откуда и куда идешь, Россия? Опыт осмысления послеоктябрьской истории и будущего россиян. – М., 1996. – 432 с.

Варава В. Два лика социализма // Подъем. – 1999. – № 1. – С. 185.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Макс Вебер. Избранные произведения: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

Вейс Я. Большевики у власти. Правдивый перечень очевидцем того, что сделано большевиками-правителями в России за год существования советской власти. – Гаага, 1919. – 64 с.

Венедиктов А.В. Организация государственной промышленности в СССР. Т.1. 1917-1920. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. – 764 с.

Верещагин А.С., Егоров А.В. Отражение в народной поэзии реалий революции и гражданской войны (1917 – начало 1920-х гг.) // Революция и человек: Социально-психологический аспект. – М., 1996. – С.189-201.

Верт Н. История Советского государства. 1900-1991: Пер. с фр. Изд. 2-е. М.: Прогресс-Академия, 1994. – 544 с.

Волков, Мартыанов К. Причины хозяйственной разрухи. – Харьков, 1920. – 24 с.

ВЧК-ГПУ. Документы и материалы / Ред. – сост. Ю.Г. Фельштинский. – М. Изд-во гуманит. лит-ры, 1995. – 272 с.

Гаврилин И.А. Почету некоторые крестьяне идут против советской власти и в чем их ошибка? – Иркутск, 1920. – 20 с.

Генкин Д.М., Новицкий И.Б., Рабинович Н.В. История советского государства и права. – М.: Юрид. лит., 1949. – 544 с.

Герасименко Н.А. Народ и власть (1917 год). – М.: Воскресение, 1995. – 288 с.

Герман И.С. О психическом расстройстве депрессивного характера, развившемся у больных на почве переживаемых политических событий // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – М., 1906. – № 3. – С.313-323.

Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи; Интеллигенция в России: Сборник статей. 1909-1910. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 462 с.

Гимпельсон Е.Г. «Военный коммунизм»: практика и идеология // «Военный коммунизм»: как это было. – М.: Изд-во «Знание», 1991. – С.7-17.

Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 1917-1920 гг. – М.: ИРИ РАН, 1998. – 260 с.

Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917-1920 гг.) // Отечественная история. – 1997. – № 5. – С.44-54.

Гиппиус З. Серый блокнот // Под созвездием топора: Петроград 1917 года – знакомый и незнакомый. – М: Советская Россия, 1991. – С.383-402.

Гиренок Ф.И. Судьба русской интеллигенции (Читая Федотова) // Г.П. Федотов о судьбе русской интеллигенции. – М.: Знание, 1991. – С.3-36.

Глебов Л.Д. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии (март 1917-декабрь 1918 гг.). – Курск, 1952. – 176 с.

Говорков А.А. К вопросу о судьбе бывших помещиков после аграрной революции 1917-1918 гг (по материалам Курской губ.) // Из истории революций в России (первая четверть XX в.): Материалы Всеросс. симпозиума. Вып.1. – Томск, 1996. – С.155-158.

Голиков Г.Н. Великий Октябрь. Начало новой эры / Послесл. В.В. Чикина. – Изд. 2-е., исправл. и перераб. – М.: Молодая гвардия, 1982. – 207 с.

Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. – М.: РОССПЭН, 1997. – 328 с.

Горнфельд А.Г. Новые словечки и старые слова. – Пг.: Колос, 1922. – 64 с.

Гринев А.В., Ирошников М.П. Россия и политаризм // Вопросы истории. – 1998. – №7. – С.36-46.

Гриневский В.И. Послевоенные перспективы русской промышленности. – Харьков, 1919. – 210 с.

Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902-1922 гг. // Крестьяне и власть. Материалы конф. – М. – Тамбов, 1996. – С.4-23.

Данилов В.П. Советская налоговая политика в доколхозной деревне // Октябрь и советское крестьянство. 1917-1927 гг. / Под ред. И.М.-Волкова и др. – М.: Наука, 1977. – С.164-191.

Декреты и постановления по финансам. – М., 1918. – 32 с.

Декреты Советской власти. Т.1. 25 окт. 1917 – 16 марта 1918 гг. – М., 1957. – 626 с.

Декреты Советской власти. Т.2. 17 марта – 10 июля 1918 г. – М., 1959. – 688 с.

Декреты Советской власти. Т.5. 1 апреля – 31 июля 1919 г. – М., 1971. – 702 с.

Дневник Тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906-1922 гг. / Публ. В.В. Морозов, Н.И. Решетников. – М., 1995. – 255 с.

Добросмыслов Н.А. Налоги – от октября до нэпа // Вестник финансов. – 1927. – №11. – С.83-90.

Дробижев В.З. Красногвардейская атака на капитал. – М.: Политиздат, 1976. – 96 с.

Душенко К.В. Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина: Что, кем и когда было сказано. – М.:Юрист, 1996. – 240 с.

Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917-1950 гг.). – М.: Наука, 1978. – 496 с.

Дьяченко В.П. Краткий очерк развития государственного кредита и сберегательных касс СССР // Государственные займы и сберегательные кассы СССР. Сборник важнейших законодательных материалов за 1917-1937 гг. – М.-Л.: Гос. фин. изд-во, 1938. – 132 с.

Егоров А.В. Уфимские заложники и контрзаложники // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997. – С.180-212.

Екатеринодар-Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к летописи. – Краснодар: Кн. изд-во, 1993. – 800 с.

Елистратов А. Об утверждении законности в советском строительстве // Советское право. – 1922. – № 1. – С. 128-131.

Емельянова И.А. Революционное правосознание и правотворчество народных масс в период от февраля к октябрю 1917 г. (по материалам Казанской губернии). – Казань: Изд-во КазГУ, 1967. – 88 с.

Еремеев Д.Ф. Право личной собственности в СССР. – М., 1958. – 152 с.

Есиков С.А., Канищев В.В. «Антоновский НЭП» (Организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии, 1920-1921 гг.) // Отечественная история. – 1993. – №4. – С.60-72.

Есиков С.А., Канищев В.В. Специфика антигосударственного протеста крестьян (Тамбовская губерния, 1861-1921 гг.) // Крестьяне и власть. Тезисы докладов. – Тамбов: ТГТУ, 1995. – С.28-30.

Жариков Ю.Г., Масевич М.Г. Недвижимое имущество: правовое регулирование. Научно-практическое пособие. – М.: ВЕК, 1997. – 265 с.

Журавлев В.В. Декреты Советской власти 1917-1920 гг. как исторический источник. Законодательные акты в сфере обобществления социалистической собственности. – М.: Наука, 1979. – 400 с.

Журавлев В.В. Революция как способ реализации личного интереса (К постановке проблемы) // Революция и человек: Социально-психологический аспект. – М., 1996. – С.18-28.

Захарова Л.Н. Собственность и личность. Автореферат дисс... докт. филос. наук. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 1998. – 28 с.

Зиновьев Г.Е. Крестьяне и Советская власть. Беспартийные съезды крестьян. – Пг., 1920. – 56 с.

Зориков А.Н. Криминогенная обстановка как результат и фактор социальной мобильности в России в начале XX в. // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997. – С.5-11.

Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В. Особенности психологии крестьянства (прошлое и настоящее). – М.: Наука, 1983. – 168 с.

Зубов А. Сорок дней или сорок лет? // Новый мир. – 1999. – № 5. – С.128.

Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в советской России (1917-1921 гг.). – М., 1975. – 205 с.

Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917 – 1920 гг. – М.: Мысль, 1976. – 344 с.

Ильин И.А. О частной собственности // Русская философия собственности (XVII-XX вв.). – СПб.: Ганза, 1993. – С.120-132.

Ильин Ю.А. Государственное регулирование и рыночные отношения крестьянских хозяйств центра России в годы гражданской войны и интервенции (октябрь 1917 – март 1919 гг.) // Вопросы истории экономических и политических отношений в России (XX в.). – М., 1996. – С.5-29.

Ирошников М.П. Создание советского центрального государственного аппарата. Совет народных комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 – январь 1918 гг. Изд. 2-е. – Л.: Наука, 1967. – 304 с.

Исаев И.А. Революционная психология и революционная законность (Российский опыт 1917 г.) // Государство и право. – 1995. – № 11. – С.143-148.

Кабанов В.В. Без альтернатив (Пути и бездорожье аграрного развития России: век XX – до коллективизации) // Крестьянское хозяйство: история и современность. – Вологда, 1992. – С.85-102.

Кабанов В.В. Влияние войн и революций на крестьянство // Революция и человек: Социально-психологический аспект. – М., 1996. – С.142-147.

Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях “военного коммунизма” / Отв. ред. В.П. Данилов. – М., 1988. – 304 с.

Кабо Е.О. Очерки рабочего быта. – М., 1928. – 290 с.

Канищев В.В. Приспособление ради выживания (мещанское бытие эпохи “военного коммунизма”) // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997. – С.98-115.

Кантор К.М. Дезинтегративно-интегративная спираль всемирной истории // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С.31-47.

Канторович Я. Первая статья гражданского кодекса // Право и жизнь. – 1925. – № 2-3. – С.3-11.

Карамышева О.В., Герасимова Е.Л. Некоторые правовые аспекты создания и ведения государственного земельного кадастра Российской Федерации в условиях рынка // Государство и право. – 1998. – № 3. – С.28-37.

Карр Э. История Советской России. Кн.1. Том 1 и 2. Большевицкая революция. 1917-1923. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 768 с.

Карпинский В.В. С кем же Вы, крестьяне? С кем идете? Кому помогаете?. – М., 1918. – 16 с.

Карцевский С.И. Язык, война и революция. – Берлин, 1923. – 72 с.

Кизрин И.Г. Курская парторганизация в эпоху Октября и гражданской войны. – Воронеж, 1933. – 162 с.

Кистяковский Б.А. В защиту права // Вехи; Интеллигенция в России: Сборник статей. 1909-1910. – М.: Молодая гвардия, 1991.

Кистяковский Б. Право как социальное явление. – Б.М., 1911. – 18 с.

Книпович Б.Н. Очерк деятельности Народного Комиссариата земледелия за три года (1917-1920). – М., 1920.

Коган Л.А. Военный коммунизм: утопия и реальность // Вопросы истории. – 1998. – № 2. – С.122-134.

Кознова И.Е. Крестьяне и власть в аграрных преобразованиях XX века // Крестьяне и власть. Тезисы докладов. – Тамбов: ТГТУ, 1995. – С.52-64.

Кознова И.Е. Историческая память российского крестьянства о попытках преобразования деревни в XX веке // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). Материалы международной конференции. – М.: РОССПЭН, 1996. – С.238-246.

Колганов А.И. Путь к социализму: трагедия и подвиг. – М., 1990. – 173 с.

Комитеты деревенской бедноты. Как организовать Комитет бедноты? Что дает Комитет бедноты? – Тверь, 1918. – 16 с.

Кондурушкин И.С. Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления по судебным и ревизионным делам 1918-1926 гг. – М.-Л., 1927. – 240 с.

Коновалов В.В. Мелкие промышленники Сибири и большевистская диктатура: Вопросы теории и практики военного коммунизма. – Новосибирск: Наука, 1995. – 220 с.

Конституция 1918 года. – М., 1919. – 156 с.

Конфискация предприятий и объявление их собственностью Российской Республики // Народное хозяйство. – 1918. – № 1. – С.38.

Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991 гг.: Учеб. для вузов по спец. “История”. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во РГГУ, 1994. – 418 с.

Корнев А.В. Полицейское государство: идеи и практика. Учебное пособие. – М.: Академия управления МВД России, 1998. – 96 с.

Короленко В.Г. Земли! Земли!: мысли, воспоминания, картины. – М.: Совр. писатель, 1991. – 224 с.

Кочетовская Е. Национализация земли в СССР. Изд.2-е, доп. – М.: Политиздат, 1952. – 244 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1970). Изд. 8-е. Т.1. 1898-1917. – М.: Политиздат, 1970. – 534 с.

Крестинский Н.Н. Доклад о деятельности Наркомфина // Труды Всероссийского финансового съезда. Москва, май 1919. (Из стеногр. отчетов Съезда). – Одесса, 1919. – 68 с.

Крестинский Н. Наша финансовая политика. – Пб., 1921. – 68 с.

Крыленко Н.В. За пять лет. 1918-1922. Обвинительные речи по наиболее крупным процессам, заслушанным в Московском и Верховном революционном трибуналах. – М.-Пг., 1923. – 528 с.

Кузовков Д.В. Муниципализация жилищ и квартальные хозяйства в Москве. Доклад товарища Д. Кузовкова Московскому Совету от Жилищно-Земельного отдела. – М., 1920. – 184 с.

Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург–Пермь: Изд-во УрГУ; ЗУУНЦ, 1995. – 144 с.

Курский губернский земельный отдел. Земельный вопрос в нашей губернии. Отчет *-му губ. съезду Советов за период с 1 января по 1 июня 1921 года. – Курск, 1921. – 86 с.

Курский Д.И. Избранные речи и статьи. – М.: Изд-во МЮ СССР, 1948.

Курский край в истории Отечества / Под ред. Л.С.Полнера. – Курск: КГТУ, 1996. – 208 с.

Курышев И.В. Крестьянство Западной Сибири в годы Гражданской войны (нравственные аспекты) // Из истории революций в России (первая четверть XX в.): Материалы Всеросс. симпозиума. Вып.2. – Томск, 1996. – С.42-47.

Ладыженский А.М. Большевики и право. – Ростов н/Д, 1919. – 42 с.
Лампе А.А. Причины неудачи вооруженного выступления белых. – М.: студия “ТРИТЭ”, 1991. – С.13-32.

Латыпов И.А. Духовная собственность: социальный смысл и перспективы. Автореферат дисс... канд. филос. н. – Екатеринбург, 1998. – 22 с.

Лацис М.И. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. – М., 1921. – 64 с.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1977.

Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917 – 1922 гг. – М.: Диалог МГУ, 1997. – 356 с.

Леонтьева Т.Г. Быт, нравы и поведение семинаристов в начале XX в. // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997. – С.20-38.

Майминас Е.З. О русском генотипе // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С.292-299.

Макаренко В.П. Революция и власть: Размышления политолога. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1990. – 208 с.

Малянтович П.Н. Революция и правосудие. Несколько мыслей и воспоминаний. – М.: “Задруга”, 1918. – 292 с.

Марченкова Л.В. Роль большевистской печати Петрограда в борьбе с экономической контрреволюцией на продовольственном фронте (октябрь 1917-ноябрь 1918 гг.) // Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. История КПСС. Вып.26. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – С.135-140.

Марьясин Л. Всеобщая трудовая повинность (принципы, формы, факты) // Советский строитель. – Воронеж, 1920. – № 1. – С.42-45.

Мау В.А. Реформы и догмы, 1914-1929: Очерки истории становления хозяйства системы советского тоталитаризма. – М., 1993. – 256 с.

Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / Под общей ред. И.Г. Дубова. – М., 1997. – 478 с.

Милютин В.П. Современное экономическое развитие России и диктатура пролетариата (1914-1918 гг.). – М., 1918. – 112 с.

Милиц И.И. История Великого Октября. В 3-х тт. 2-е изд. – М.: Наука, 1977.

Михеев В.И. Крестьянские антисоветские восстания в Курской губернии в 1918-1919 гг. // Крестьяне и власть. Тезисы докладов. – Тамбов, ТГТУ, 1995. – С.76-77.

“Насколько дешево стала цениться жизнь”. Дневник бежецкого священника И.Н. Постникова. Окончание // Источник. – 1996. – № 5. – С.13-29.

Наумов В.П. О понятийном аппарате историко-революционной эпохи // 1917 год в исторических судьбах России. Материалы научной конференции. – М.: Прометей, 1992. – С.16-24.

Неизвестная Россия. XX век. – М.: Историч. наследие, 1992 – 352 с.

Нерсисянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. – М.: Юрист, 1996. – 160 с.

Никитина Н.Н. Советская власть и крестьянский мир в ходе выселения бывших помещиков из имений в 1920-е годы // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. – М.: МП «НВ Магистр», 1993. – С.148-159.

Никулин В.В. РКП и крестьянство перед нэпом: проблема взаимоотношений // Крестьяне и власть. Тезисы докладов. – Тамбов, ТГТУ, 1995. – С.80-83.

Обзор финансового законодательства. 1917-1921. – Пг, 1921. – 112 с.

Обухов Л.А. Изнанка сверхценностных установок: моральный облик большевиков в годы гражданской войны // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997. – С.161-170.

Обухов Л.А. Крестьянство Урала в борьбе за власть в 1918 г. // Революция и человек: Социально-психологический аспект. – М., 1996. – С.147-159.

Окнинский А. Два года среди крестьян: Виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 г. до ноября 1920 г. – Рига, 1936. – 352 с.

Октябрь и советское крестьянство. 1917-1927 гг. [Сборник статей] / Под ред. И.М. Волкова. – М.: Наука, 1977. – 296 с.

Орлов Н.А. Продовольственная работа советской власти. К годовщине октябрьской революции. – М., 1918. – 400 с.

Осипова Т.В. Развитие социалистической революции в деревне в первый год диктатуры пролетариата // Октябрь и советское крестьянство. 1917-1927 гг. – М.: Наука, 1977. – С.43-78.

Остробский Н. Нужно ли делить землю и хлеб? – Пг., 1918.– 14 с.

Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. – М.: Русское книгоиздательство – История, 1997. – 272 с.

Пайпс Р. Русская революция. Ч.1. – М.: РОССПЭН, 1994. – 400 с.

Пайпс Р. Русская революция. Ч.2. – М.: РОССПЭН, 1994. – 584 с.

Первухин М.Г. 35-я годовщина Великой Октябрьской Социалисти-

ческой революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1952 г. – М., 1952. – 32 с.

Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы в трех томах. Т.2. – М.: Наука, 1966. – 556 с.

Петросян М.Е. Понятие “прайвеси”: социологические и правовые измерения // США. – 1998. – № 10. – С.104-115.

Полиция и милиция России: Страницы истории / А.В.Борисов, А.Н.-Дугин, А.Я.Малыгин и др. – М.: Наука, 1995. – 318 с.

Порядок распределения земель. – М., 1919. – 16 с.

Потяев А. Финансовая политика Советской власти. – Пг., 1919. – 88 с.

Преображенский Е. Вопросы финансовой политики. – М., 1921. – 76 с.

Присяжный Н.С. Экономическая чума: военный коммунизм в России (Историко-экономический анализ 1918-1921 гг.). – Ростов н/Д, 1994. – 452 с.

Прокопович С.Н. Очерки хозяйства Советской России. – Берлин: Обелиск, 1923. – 216 с.

Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. – М., 1918. – 192 с.

Прудон П.-Ж. Что такое собственность ? или Исследование о принципе права и власти, Бедность как экономический принцип; Порнокрафия, или Женщины в настоящее время. – М.: Республика, 1998. – 367 с.

Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.

Рабинович А. Большевики, низы и советская власть: Петроград, февраль 1917 – июль 1918 гг. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. – М.: Глаголь, 1994. – С.116-133.

Рабочий контроль. Практические указания по внедрению рабочего контроля в промышленных предприятиях. – М., 1918. – 16 с.

Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв./ Отв. ред. В.С. Нерсисянц. – М.: Наука, 1986. – 288 с.

Разумович Н.Н. Организационно-правовые формы социалистического обобществления промышленности в СССР. 1917-1920 гг. – М., 1959. – 144 с.

Райх В. Массы и государство / Пер. с нем. В.А.Закса. – Тверь, 1995. – 66 с.

Рачинский Ю.М. Докапиталистические способы производства и их современные формы. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 192 с.

Революция в деревне в 1917 году. Воспоминания крестьян / Под ред. и с предисл. Я.А. Яковлева. – М.: Крестьянская газета, 1927. – 48 с.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5-ти тт. 1917-1967 гг. Сборник документов за 50 лет. Т.1. 1917-1928 гг. – М. Политиздат, 1967. – 783 с.

Ржевский В.А. Проблемы собственности в конституционном праве // Личность и власть (конституционные вопросы): Межвузовский сборник научных работ. – Ростов н/д–Саратов, 1995. – С.101-116.

Римское частное право: Учебник / Под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. – М.: Юриспруденция, 1999. – 512 с.

Рогалина Н.Г. Реформаторство XX в. и крестьянский менталитет // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). Материалы междунар. конференции. – М.: РОССПЭН, 1996. – С.228-237.

Рогалина Н.Л., Телицын В.Л. Заботы и мысли интеллигентной женщины в дни революции (“Дневник матери-хозяйки”) // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997. – С.85-97.

Рубинчик М. Рабочий контроль и национализация промышленности в первые месяцы советской власти // Проблемы экономики. – 1936. – № 1. – С.87-109.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: ПИТЕР, 1999. – 720 с.

Рыбинцев. Денежное обращение // Советский строитель. – Воронеж, 1920. – № 1. – С.10-12.

Саврасов Л.А. Преступление и наказание в текущий переходный период // Пролетарская революция и право. – 1918. – № 5-6. – С.3-10.

Садуль Ж. Записки о большевистской революции. 1917-1919. – М.: Книга, 1990. – 400 с.

Сайн-Витгенштейн Е.Н. Дневник. 1914-1918. – Paris: YMCA-Press, 1986. – 302 с.

Самсонова Т.Н. Взойдет ли «заря гражданственности новой» над Россией? (Размышления над проблемами формирования политической культуры гражданина) // Социально-политический журнал. – 1998. – №1. – С.19-32.

Сарабьянов В. Диктатура пролетариата, право и революционная законность // Народное хозяйство. – 1921. – № 8-9. – С.28-35.

Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926). Изд. 2-е. – М., 1928. – 248 с.

Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – М.: Интерпракс, 1994. – 608 с.

Середа С.П. Речь на I Всероссийском совещании по работе в деревне 15 ноября 1919 г. – М., 1920. – 16 с.

Сичинский Е.П. Из истории временного областного правительства на Урале (К вопросу о “третьем пути” русской революции) // История СССР. – 1992. – № 1. – С.164-172.

Скрипилев Е.А., Антонова Н.А. К характеристике превого пятилетия Советской власти (1917-1922 гг.) // Теория права: новые идеи. Вып.4. – М.: Ин-т гос-ва и права РАН, 1995. – С.49-61.

Соколов Н.Г. Советский опыт использования финансов и налогов в деревне в первые годы революции // Из истории России: идеи, суждения, опыт: Сб. научных трудов. – Рязань, 1993. – С.66-77.

Сокольников Г. Денежный кризис // Народное хозяйство. – 1918. – № 2 (апрель). – С. 2-4.

Сорокин П.А. Современное состояние России. – Прага, 1922. – 106 с.

Социальный портрет лишенца (на материалах Урала): Сб. документов / Сост. Е.В. Байда, В.М. Кириллов, Л.Н. Маздур и др.; Отв. ред. Т.И. Славко. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1996. – 256 с.

Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919 // Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919. Ломоносов Ю.В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. / Сост., вступ. ст., примеч. А.С. Сенина. – М.: Изд-во РГГУ, 1994. – С.11-216.

Стариков С.В. Демобилизованные революционные солдаты и Октябрьская революция в деревне (на материалах Среднего Поволжья). – Саранск: Изд-во Сартовского университета, Саранский филиал, 1989. – 176 с.

Степанов А.И. Психогенетические и этнокультурные последствия массового террора 1917-1922 гг. // Революция и человек: Социально-психологический аспект. – М., 1996. – С.201-202.

Стихи и поэмы. 1917-1947. – М.: Правда, 1947. – 352 с.

Страхов Л.В. Национализация крупной промышленности г. Москвы. Автореф. дисс... канд. истор. н. – Ярославль, 1962. – 24 с.

Стрижков Ю.К. Принятие декрета о продовольственной разверстке и его осуществление в первой половине 1919 г. // Октябрь и советское крестьянство. 1917-1927 гг. – М.: Наука, 1977. – С. 131-163.

Струмилин С. Рабочее время крестьянина // Крестьянин в XX веке. – М., 1925. – С.159-164.

Стучка П. Классовое государство и гражданское право. – М., 1924. – 80 с.

Суханов Н.Н. Новейшие завоевания советской власти // Новая жизнь, – 1918. – 3 апр.

1917 год в деревне. Воспоминания крестьян. – М.: Политиздат, 1967. – 288 с.

Таль Л.С. Очерки промышленного права. – М., 1916. – 128 с.

Телицын В.Л. Военный коммунизм: новый взгляд на старые проблемы. Рец. на кн. Павлюченкова С.А. Красный Брест, или предыстория большевистского нэпа. – М.: Русское кн. изд-во, 1996. – 299 с.; Военный коммунизм в России: власть и массы. – М.: Русское кн. изд-во, 1997. – 272 с. // Отечественная история. – 1998. – № 4. – С. 188-194.

Тихонов В. Будущее человеческой цивилизации и России. Закономерности развития человеческого общества. – М.: Палея, 1996. – 88 с.

Трудовые конфликты в советской России 1918-1929 гг. / Под ред. Ю.И. Кирьянова, В. Розенберга, А.Н. Сахарова. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – 360 с.

Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму: 1917-1929 гг. – М.: Наука, 1994. – 167 с.

Тэффи Н. Новый год. // Яичница всмятку, или Несерьезно о серьезном: Над кем и над чем смеялись в России в 1917 году. – М., 1992. – С. 17-19.

Успенский Г.И. Полное собр. соч. Т.8. Власть земли. Очерки и рассказы, 1882-1883. – М.: Изд-во АН СССР, 1949. – 648 с.

Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. – М.: Юридическая литература, 1963. – 208 с.

Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного состояния мира и о средствах к восстановлению родства. Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим // Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 368 с.

Филд Д. Социальные представления в дореволюционной России // Реформы или революция? Россия 1861-1917 гг. Материалы международного коллоквиума историков. – СПб., Наука, 1992. – С. 67-79.

Франк С.Л. Собственность и социализм // Русская философия собственности (XVII-XX вв.). – СПб.: Ганза, 1993. – С. 309-330.

Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого: (Глядя из настоящего). – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – 160 с.

Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма: Пер. с англ. – М.: Изд-во “Новости” при участии изд-ва “Catallaxy”, 1992. – 304 с.

Холмс Л. Социальная история России: 1917-1941. Пер. с англ. / Отв. ред. А.В. Лубский, В.Н. Рябцев. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1994. – 140 с.

Цейтлин Р.С., Кургаева Ж.Ю. Социокультурный подход к проблеме политико-партийной дифференциации масс в 1917 г. // Революция и человек: Социально-психологический аспект. – М., 1996. – С. 166-170.

Чернышев И.В. Аграрный вопрос в России (от реформы до революции) (1861-1917). Материалы и комментарии. – Курск: Сов. деревня, 1927. – 234 с.

Чичерин Б.Н. Собственность и государство // Русская философия собственности (XVII-XX вв.). – СПб.: Ганза, 1993. – С. 113-116.

Членов С. Экономическая политика и революционная законность // Народное хозяйство. – 1921. – №8-9. – С. 23-27.

Шестаков А.В. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма. – Воронеж, 1930. – 132 с.

Шишкин В.Ф. Великий Октябрь и пролетарская мораль. – М.: Мысль, 1976. – 262 с.

Шкаратан О.И. Правда этатризма против мифа о социализме // Квинтэссенция: Философский альманах, 1991. – М.: Политиздат, 1992. – С. 95-115.

Шкуратов В.А. Историческая психология. – М.: Смысл, 1997. – 505 с.

Шлихтер А.Г. Аграрный вопрос продовольственная политика в первые годы Советской власти. – М.: Наука, 1975. – 448 с.

Штейнберг И.З. Нравственный лик революции. – Берлин, 1923. – 318 с.

Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX-XX веков. – М.: Терра, 1996. – 572 с.

Энциклопедия государства и права / Под ред. П. Стучки. Т.3. Обеспечение обязательств –юридическое лицо. – М., 1930.

Эрн В.Ф. Христианское отношение к собственности // Русская философия собственности (XVII-XX вв.). – СПб.: Ганза, 1993. – С. 194-224.

Яичница всмятку, или Несерьезно о серьезном: Над кем и над чем смеялись в России в 1917 году. – М., 1992. – 249 с.

Яров С.В. Политическая психология крестьян при переходе к «военному коммунизму» (по материалам северо-западной России) // Вече: Альманах русской философии и культуры. Вып. 2. – СПб., 1995. – С. 49-77.

Яхшиян О.Ю. Собственность в менталитете русских крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). Материалы междунар. конференции. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 92-105.

Burbank, Jane. Lenin and the Law in Revolutionary Russia // The Slavic Review. – 1995. – Vol. 54. – No 1. – P.23-44.

Fitzpatrick Sheila. The Russian Revolution, 1917-1932. Reprint. – Oxford, N.Y., 1989. – vi, 181 p.

Lars T. Lih . Bolshevik Razverstka and War Communism // The Slavic Review. – 1986. – Vol.45. – No 4. – P.673-688.

McAuley Mary. Soviet Politics, 1917-1991. – Oxford University Press, Oxford, 1992. – 132 p.

Ponton G. The Soviet Era: From Lenin to Yeltsin / Blackwell Publishers. Oxford, UK & Cambridge, USA, 1994. – 294 p.

Ragsdale, Hugh. The Russian Tragedy: the Burden of History. – Armonk (N.Y.); London: Sharpe, 1996. – xix, 306 p.

Raleigh, Donald J. Languages of Power: How the Saratov Bolsheviks Imagined Their Enemies // The Slavic Review. – 1998. – Vol. 57. – No 2. – P.330-349.

Service R. The Russian revolution. 1900-1927. – 2.ed. – Houndmills etc.: Macmillan, 1992. – xi, 105 p.

Siegelbaum L.-H. Soviet state and society between revolutions. 1918-1929. – Cambridge University Press: Cambridge, 1992. – xiii, 284 p.

Silvana Malle. The Economic Organization of War Communism, 1918-1921. – Cambridge University Press, Cambridge, 1985. – 548 p.

Wittfugel K. The Oriental Despotism. – N.Y., 1963 – P.49-79.

СПИСОК АРХИВОВ

ГАБО	Государственный архив Белгородской области
БОУДНИ	Белгородский областной центр документации новейшей истории
ГАКО	Государственный архив Курской области
АФОО	Архивохранилище фондов общественных организаций г. Курска
ГАВО	Государственный архив Воронежской области
ЦДНИВО	Центр документации новейшей истории Воронежской области
ГАТО	Государственный архив Тверской области
ГАКК	Государственный архив Краснодарского края
ГАН	Государственный архив г. Новороссийска
РГАЭ	Российский государственный архив экономики
ГАЯО	Государственный архив Ярославской области
ГАКостро	Государственный архив Костромской области
ГАИО	Государственный архив Ивановской области
ГАПО	Государственный архив Пензенской области
ГАРО	Государственный архив Рязанской области
Архив УФСБ	Архив Управления Федеральной службы безопасности Республики Карелия
РК	

SUMMARY

Ваши отзывы и пожелания, а также заказы на приобретение книги можно направлять по адресу:

308600, г. Белгород, почтамт,
участок доставки № 2,
Харченко К.В.

E-mail: geszak@mail.ru

Харченко Константин Владимирович

Власть – Имущество – Человек: передел собственности
в большевистской России 1917 – начало 1921 гг. – М.:
Русский двор, 2000. – 264 с.

Корректор С.С. Кухарева

Подписано в печать 25.08.00. Формат 60х84/16. Бумага . Гарнитура Times DL.
Усл. печ. л. 13,1. Тираж 1000. Заказ 4522.

Издательство “Русский двор”. Лицензия ИД № 00853 от 25.01.2000 г.
Москва, ул. Осташковская, д. 30, кв. 126.

Белгородская областная типография
308600, Белгород, ул. Б. Хмельницкого, 111-а.